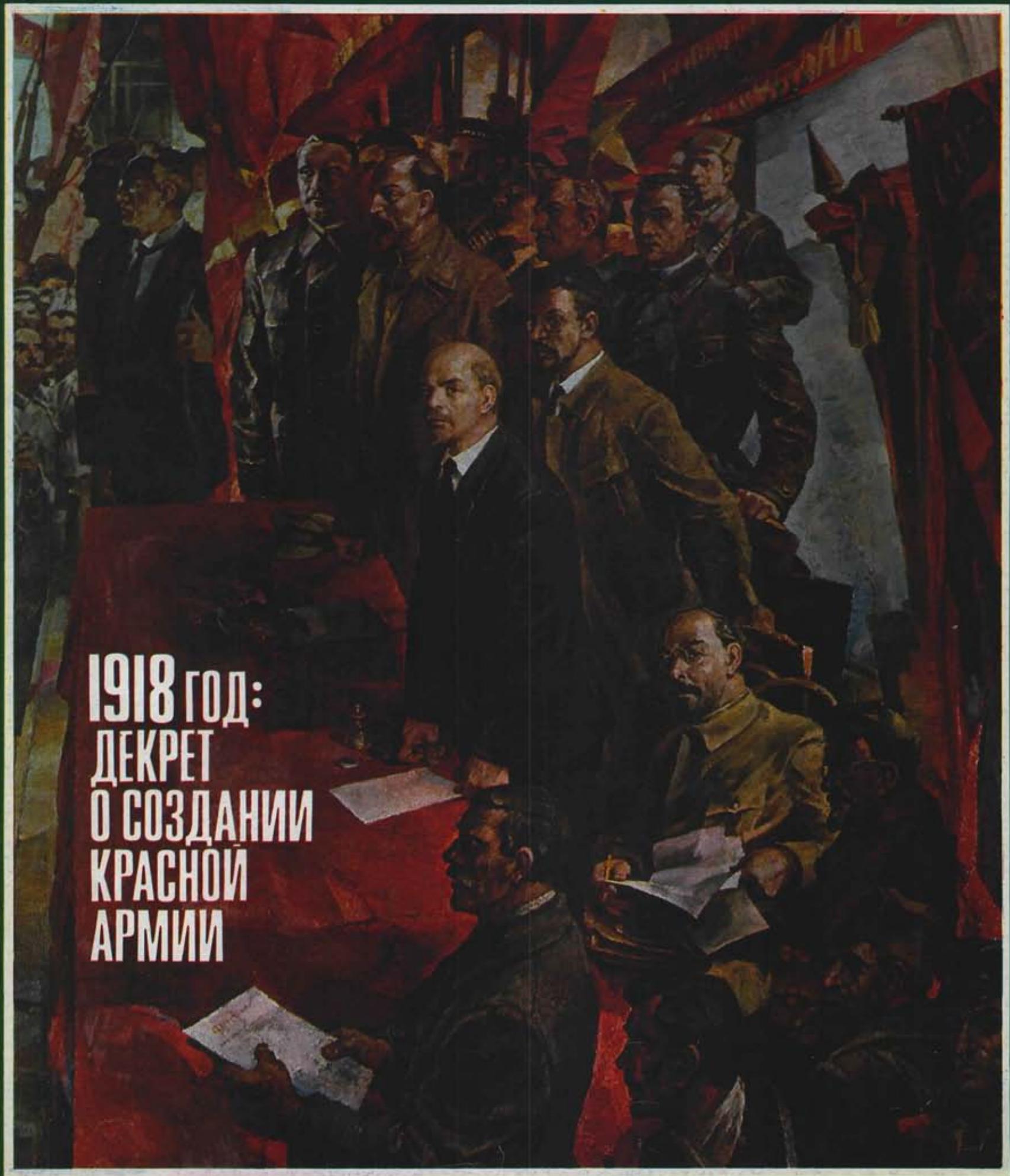

смена

№ 4 Июль 1978

1918 ГОД:
ДЕКРЕТ
О СОЗДАНИИ
КРАСНОЙ
АРМИИ

60 лет назад в пламени гражданской войны родилась Рабоче-Крестьянская Красная Армия — боевой оплот социалистической революции, оплот безопасности, свободы и независимости страны. Выпестованная Владимиром Ильичем Лениным, Коммунистической партией, она прошла славный и трудный путь борьбы и побед, равных которым не знала мировая история. В тяжелейших условиях гражданской войны и военной интервенции, во время военных действий в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол, в суровые годы Великой Отечественной войны советские воины показывали образцы невиданного героизма и мужества, выйдя победителями в борьбе с многочисленными и хорошо вооруженными врагами.

Сегодня Вооруженные Силы СССР стоят на страже мира и государственных интересов социалистической Родины. Беспредельно преданные делу Коммунистической партии, опираясь на поддержку всего советского народа, они готовы в любой момент выполнить свой священный долг, встать на защиту завоеваний Великой Октябрьской революции.

В канун славного юбилея Советской Армии и Военно-Морского Флота корреспондент «Смены» беседовал с человеком, судьба которого — судьба солдата и коммуни-

ва, а вполне сознательно, подчиняясь своему классовому чутью, идя за своими старшими товарищами, за своими отцами. То же произошло и со мной. В 13 лет я поступил подмастерьем в замочную мастерскую оружейного завода (отец мой и дед были потомственными тульскими оружейниками) и оказался в самой гуще революционно настроенной рабочей среды.

И почти тогда же я узнал, что такое борьба, и ощущал себя бойцом. В 1916 году тульские оружейники по призыву заводской большевистской ячейки объявили забастовку. Завод выполнял тогда военный заказ, и остановка его грозила срывом важнейших поставок фронту. В цехи ворвались полиция и жандармы. Угрожая оружием, они потребовали, чтобы рабочие встали к станкам. «Пусть каждый возьмет шашку!» — прокатился по нашему цеху

**Маршал артиллерии
Константин Петрович
КАЗАКОВ
отвечает на вопросы
журнала «Смена».**

НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕ

ста — неразрывно связана с Вооруженными Силами нашей страны. Маршал Казаков принадлежит к плеяде советских военачальников, которые участвовали в строительстве Красной Армии, прошли с ней все испытания, воспитывали и учили несколько поколений советских воинов науке побеждать.

— Константин Петрович, прежде всего разрешите от имени редакции журнала, читателей «Смены» поздравить вас и в вашем лице всех ветеранов нашей армии, тех, кто сделал ее непобедимой, тех, кто сегодня стоит на страже мира, с общенародным праздником — 60-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Ваш военный стаж равен почти шестидесяти годам. Расскажите, пожалуйста, с чего начинались для вас и ваших товарищев военные университеты.

— Прежде чем выбрать для себя судьбу военную, многие из моих сверстников задолго до этого активно участвовали в революционном движении, что, несомненно, сформировало личность будущих бойцов, воспитывало в молодых патриотах такие необходимые качества, как дисциплинированность, требовательность к себе, партийная сознательность. Каждый из нас приходил в революцию своим путем, но было в этом пути и немало общего для всех нас: влившись мы в революционную борьбу не случайно, под влиянием поры-

призыва большевиков. Я тоже нашупал в ящике для заготовок увесистый кусок листа и, скав его в руке, встал рядом с отцом. Полиции не удалось нас запугать. Через неделю администрация завода вынуждена была удовлетворить требования рабочих, только после этого мы сняли пикеты в цехах и вернулись на рабочие места.

В 1917 году меня включили в одну из бывших рабочих дружин. Думаю, что решающим условием при этом был мой рост и немалая физическая сила. Я пресколько уставал в кулачном бою один против двоих, когда мы схватывались с черносотенцами. Боевая дружина стала моим первым военным университетом. Мы поддерживали революционный порядок в городе и на окраинах, позже, когда многие наши старшие товарищи ушли на фронты гражданской войны, мы, тогда еще подростки, помогали защищать Тулу от белогвардейских банд. Одновременно мы продолжали работать, производя оружие для Красной Армии.

Однажды нас подняли ночью по тревоге: вблизи города появился крупный белогвардейский отряд. На окраине мы заметили группу всадников, которые тут же ускакали от нас, не сделав ни единого выстрела. Послав вдогонку белым несколько залпов, мы решили дождаться здесь утра. Вдруг один из наших ребят ссыревающим голосом закричал: «Скорее, сюда!» Все подбежали к заброшенному сараю. Страшная картина представала нашим глазам: на земляном полу сараев в лужах крови лежали несколько красногвардейцев из нашего

дозора. На груди у них были вырезаны пятиконечные звезды. Долго стояли мы вокруг наших замученных товарищей, и каждого переполняла ненависть к их убийцам. Мы поклялись отомстить за их гибель.

— В первые же месяцы своего существования молодой Советской республике пришлось взяться за оружие — белогвардейские банды, войска германского империализма пытались задушить первое в мире государство рабочих и крестьян. 22 февраля 1918 года было опубликовано воззвание Советского правительства к народу «Социалистическое Отчество в опасности». На следующий же день началось массовое вступление добровольцев в Красную Армию и широкое формирование ее первых отрядов и частей, которые оказали мужественное сопротивление германским захватчикам. С тех пор 23 февраля ежегодно празднуется нашим народом как День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Скажите, Константин Петрович, в то легендарное время рождения РККА вы уже были военным?

— Профессиональным военным — нет, но солдатом себя уже чувствовал. Как и многие-многие мои ровесники. Рожденная социалистической революцией, наша армия была поистине народной. Об этом говорило и ее название: РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Я помню напечатанный в «Известиях ВЦИК» призыв: «Каждый рабочий,

каждая работница, каждый крестьянин, каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, револьвера или пулемета».

Но армия не могла существовать и успешно противостоять врагам без профессионально грамотных и идеально стойких командных кадров. Поэтому организация подготовки советских командных кадров стала важнейшей задачей того периода. Говоря об этом, Владимир Ильич Ленин обратил внимание на то, чтобы строя новую армию, брать командиров только из народа. «Только красные офицеры», — подчеркивал Ленин, — будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм. Такая армия будет непобедима». Еще в декабре 1917 года по личному указанию Владимира Ильича была создана 1-я Московская революционная пулеметная школа, разместившаяся в Кремле и преобразованная впоследствии в 1-ю Объединенную командную школу имени ВЦИК.

— Что руководило вами, когда вы решили посвятить свою дальнейшую жизнь военной службе?

— То же, что и моими будущими товарищами по Кремлевской школе, — стремление выполнить свой партийный долг, участвовать в вооруженной защите завоеваний социалистической революции. И еще, пожалуй, то, что мечтал стать краскомом с первых дней гражданской войны, когда был почти мальчишкой. Впрочем, направив меня партия на любой другой участок

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1218) ФЕВРАЛЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина художника
Николая ОВЕЧКИНА
«Декрет о создании
Красной Армии».

работы или борьбы, я пошел бы, не задумываясь, ибо, став коммунистом довольно рано (мне тогда едва исполнилось 18 лет), я тем не менее со всей ясностью осознал, что носить в кармане партийный билет имеет право лишь тот, кто безоговорочно подчиняет себя партийной дисциплине.

Весной 1921 года я, направленный Зареченским райкомом партии учиться в 1-ю Объединенную командную школу имени ВЦИК, принял военную присягу на площади в Кремле. Мне была вручена винтовка под номером 1236, с которой я не расставался все время учебы.

— Вместе с вами, Константин Петрович, тогда стали кремлевскими курсантами тысячи будущих прославленных офицеров и генералов Советской Армии, ее цвет, ее костьяк, ее гордость. Первая кузница советского офицерского корпуса воспитала 74 Героя Советского Союза, трое из них — генерал-полковник А. И. Родимцев, полковники А. А. Головачев и С. Ф. Шутов — были удостоены этого звания дважды. По-видимому, высокие военные знания, решительность, отвага, которые всегда отличали кремлевцев, — качества, воспитанные в них в стенах Школы. Расскажите о том, как строился учебный процесс.

— Нам было нелегко от первого до последнего дня. Заниматься приходи-

учебников, ни хрестоматий, где все было уже разложено по полочкам, и многое мы конспектировали со слов самих участников сражений. Школа имени ВЦИК была своеобразной лабораторией современного для той поры военного дела, где на основе анализа гражданской войны осваивались новые способы боевых действий.

Личный боевой опыт многих моих товарищ тоже стоил немало. Порой случалось так, что, разбирая тот или иной бой, преподаватель допускал какую-нибудь неточность. Тогда слова просил кто-нибудь из курсантов и, смущаясь, вносил уточнение. «Откуда вам это известно?» — спрашивал преподаватель. Выяснялось, что курсант командовал взводом красногвардейцев на одном из флангов во время того боя, который мы рассматривали.

Я до сих пор остаюсь патриотом своей Школы, как, впрочем, и все, кто вышел из ее стен. Годы, проведенные в Школе, были для нас не просто периодом, в течение которого мы — в большинстве своем молодые пролетарии — формировались как профессиональные военные, советские командиры, это было время нашего партийного, политического, гражданского мужания. Кремлевская школа воспитывала не только военных специалистов, но и стойких идеинных борцов, патриотов своей Родины.

— А когда вы и ваши товарищи впервые осознали себя командирами,

ГЕНДАРНАЯ

лось с предельным напряжением. Но большинство из нас были коммунистами, и свою учебу мы рассматривали как партийное поручение. Мы понимали, что раздетая, полуголодная республика дает нам, будущим краскомам, все, что у нее есть, потому что верит в нас, в то, что мы станем ее надежным оплотом в предстоящих военных испытаниях.

Нельзя сказать, что курсанты начинали все с нуля. Многие из нас имели боевой опыт и хорошо знали материальную часть стрелкового оружия, а что касается конной подготовки и джигитовки, то тут новичков почти не было. Но как много нам еще предстояло освоить, чтобы стать высококвалифицированными офицерами! Мы изучали физику, математику, решали задачи по баллистике, вычерчивали фортификационные схемы, рассчитывали боевые возможности батарей и дивизионов. Наша учебная программа включала вдвое больше предметов по сравнению с программой юнкерских училищ. И это было естественно: за последние годы военное дело ушло далеко вперед. Мы знакомились с применением авиационных средств в бою, изучали маскировку, защиту от химических средств противника, броневые машины и бронепоезда, орудия различных систем и автоматическое оружие. Прибавьте к этому еще тактику, топографию, огневое дело, наставления, Уставы... Лекции нам читали известные военачальники гражданской войны, мы изучали опыт первой в мире революционной Красной Армии, обобщали его, давали ему определенную оценку. А ведь еще не существовало ни

наделенных правом вести за собой других? Произошло ли это в тот момент, когда вам было присвоено звание командира и выданы соответствующие документы, или при иных обстоятельствах?

— Мне трудно говорить за всех. Но думаю, что человек ощущает себя в любом новом качестве по-настоящему не в момент получения им формальных прав на него, а только после того, как делом докажет свою, попросту говоря, профессиональную пригодность. То же было и со мной.

Вскоре после окончания Школы я был назначен командиром артиллерийского взвода 16-го полка 6-й стрелковой дивизии. На первых же полевых занятиях командир полка, кадровый, знающий военный специалист, представил меня командному составу и сообщил, что я единственный в их полку дипломированный краском и сейчас продемонстрирую свои знания. Я далек от мысли, что командир полка ждал моего провала. Но иронию в его голосе я все-таки уловил.

Вышел я из строя и, стараясь подавить в себе смущение, начал командовать взводом. Минут тридцать я вместе с красноармейцами выполнял упражнения по строевой подготовке. Постепенно выполнение мое прошло, и я почувствовал, что в целом получается неплохо. Командир полка оценил мои знания строевых приемов довольно высоко и во всеуслышье объявил, что у краскома четкие команды, необходимая уверенность и высокая личная подготовка.

1 К 60-ЛЕТИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР.
Маршал артиллерии Константин ПЕТРОВИЧ КАЗАКОВ.
«НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ».

6 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Петр КРУЧЕНЮК. «МЫ КОММУНИСТАМИ СТАЛИ В СТАЛИНГРАДЕ».

7 Стихи Михаила БЕЛЯЕВА.

8 Владислав НЕБРАТЕНКО.
«НЕЙТРОН-УБИЙЦА ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ ЛЮДЕЙ».

11 Повесть Евгения ДУБРОВИНА «ДИКИЕ ЗВЕРИ МИРА».

15 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

16 «ПАМЯТЬ ПЛАМЕННЫХ ДНЕЙ».
Фotoочек Константина ВЕРХОТИНА и Юрия УСТИНОВА.

18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий ЯКОВЛЕВ. «ЧУЖИЕ».

20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРЫ ИСКУССТВ.
«ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРИВЫЧНОГО». Заметки Виктора ДЕМИНА о творчестве киноактрисы, лауреата премии Ленинского комсомола Валентины ТЕЛИЧКИНОЙ.

22 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

24 МОДЫ: ВЕСНА-78.

25 Братья ВАЙНЕРЫ. «ГОРОД ПРИЯЛ!...» Повесть.

28 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

31 ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

«Но,—улыбнулся он,—посмотрим теперь, какой из него артиллерист». Тут уже я в себе не сомневался никаких, все же закончил артиллерийское отделение Школы с отличием.

Стрелять пришлось из 76-миллиметровой пушки шрапнелью по движущейся цели. Дело непростое, но пушку я знал твердо и все премудрости стрельбы из нее—тоже. Рассчитал дистанцию, выбрал прицел, подал команду. Артиллеристы мои работали слаженно и точно. В общем, отстреляли мы на «отлично». Вот тогда-то я и почувствовал себя настоящим командиром.

— Константин Петрович, чем был характерен для нашей Армии период с конца двадцатых годов до начала Великой Отечественной войны?

— В эти годы экономические достижения СССР позволили значительно укрепить Вооруженные Силы. На передний план все больше выдвигалась техника, в нашей армии появились механи-

зированные соединения, промышленность освоила выпуск новых боевых машин. Вот некоторые цифры. В 1930—1939 годах в 7 раз увеличилось число артиллерийских орудий. С 1934 по 1939 год численность танков возросла в 2,5 раза, а количество самолетов—в 6,5 раза. Были усовершенствованы почти все системы огнестрельного оружия и в первую очередь артиллерия. На смену военным специалистам, перешедшим на нашу сторону во время революции, приходил командный состав новой, советской формации, обладавший высокой профессиональной зрудностью, знанием современной военной теории. Начатое же в конце тридцатых годов перевооружение должно было полностью завершить процесс технического и организационного обновления нашей Армии...

— Тяжелейшим испытанием стала для советского народа Великая Отечественная война. Испытанием не только физическим, но и нравственным, ведь чтобы победить, надо было верить в победу. Верить в самые критические, самые трудные дни. Первыми приняли на себя удар фа-

шистских дивизий пограничники и соединения, сосредоточенные вблизи западной границы СССР, в том числе ваш полк, Константин Петрович. Где и как вы встретили войну?

— Мы знали, что фашистская Германия усиленно вооружается, знали о военных приготовлениях по ту сторону границы. И, наконец, каждый советский человек ясно понимал, что рано или поздно столкновение с фашизмом произойдет, что оно неизбежно. Вопрос был только в том, когда это случится. Некоторые из нас предполагали, что война начнется позднее.

В ночь с 21 на 22 июня меня вызвали в штаб Киевского особого военного округа и вручили пакет, в котором был приказ артиллерийскому полку, которым я командовал, следовать в направлении государственной границы.

Тогда, накануне боев, я повстречал двух людей, которым предстояло сыграть в моей жизни значительную роль. Это были командиры корпусов Иван Иванович Федюнинский и Константин Константинович Рокоссовский. С Рокоссовским мы спустя год с небольшим встретились под Сталинградом, а после

войны я работал под его руководством в Северной группе войск. Федюнинский же командовал 2-й ударной армией, в которой я был командующим артиллерией.

Я надолго запомнил слова, произнесенные тогда Константином Константиновичем: «Мы не хотели этой войны, но раз нам ее навязали, драться будем жестоко...»

Через два дня, когда наш полк вступил в бой с крупным танковым соединением гитлеровцев, я мысленно повторил слова Рокоссовского. Неподалеку от Новоград-Волынского полк «оседал» дорогу, ведущую в город. Перед нами была речушка и мост через нее. Мы специально не стали разрушать его раньше, чтобы гитлеровская танковая колонна не изменила маршрут. И вот ровно в 6 утра, когда головная машина загрохотала по мосту, я дал приказ открыть огонь. Орудия всех четырех дивизионов обрушили на врага шквал снарядов. Первым же выстрелом головной немецкий танк был подбит и рухнул с моста. Прежде чем гитлеровцы опомнились и развернули бастины в нашу сторону, загорелось еще несколько вражеских танков.

Это была жестокая, кровавая дузь. Личный состав полка, преимущественно комсомольцы, рабочая молодежь, дрались мужественно, самоотверженно и, что очень важно, умело. Отлично руководили огнем офицеры. Страй покидали только тяжелораненые. Когда на одной из батарей кончились боеприпасы и немецкие автоматчики ворвались на огневые позиции, артиллеристы схватились с врагом врукопашную, сражались штыками, саперными лопатками... Ни один из вражеских автоматчиков не вышел живым из той схватки. Всего же за те несколько дней непрерывных боев наш полк уничтожил 60 фашистских танков, больше сотни автомашин, много живой силы противника. В моей памяти останутся навсегда два человека—командиры орудийных расчетов Москалев и Лазарев. Около их орудий оставалась лишь половина расчетов—остальные бойцы были убиты или ранены. Пулеметный огонь с флангов не давал поднять голову, а танки противника были уже близко. И тогда Москалев, а за ним Лазарев и другие выкатили орудия на прямую наводку и, черные от земли, копоти, крови, повели бой на ближней дистанции, бой самый

опасный и трудный: тут уже прятаться некуда да и некогда. Расчет Москаleva уничтожил тогда 12 танков, Лазарева—7.

— Не могли бы вы, Константин Петрович, сейчас, с высоты времени, кратко охарактеризовать соотношение артиллерийских сил в Великой Отечественной войне? Имели ли мы какие-нибудь преимущества в этом, одном из основных видов оружия тех лет?

— Советская артиллерия превосходила немецкую не только в количественном, но и в качественном отношении. У нас начали поступать на вооружение реактивные установки «катюши», огневая мощь которых превосходила все существовавшие тогда виды артиллерийского оружия. Намного превышали по своим тактико-техническим данным аналогичные немецкие образцы наши основные калибры—45-мм противотанковая, 76-мм полковая и 76-мм зенитная пушки, 122-мм орудие и 203-мм гаубица, наши снаряды были мощнее и надежнее немецких.

Советские артиллеристы в совершенстве владели всеми видами стрельбы, прекрасно знали боевой устав советской артиллерии, составленный с учетом почти шестивекового опыта русских бомбардиров. Создание Управления командующего артиллерией Советской Армии, армейских и фронтовых штабов позволило централизовать управление всей артиллерией нашей армии, оперативно осуществлять передислокацию

большого количества артсоединений резерва главного командования с одного участка фронта на другой, тем самым создавать огневой перевес на решающих направлениях и в нужное время. Блестящим примером применения артиллерии в крупном масштабе и организации артиллерийского наступления была Сталинградская битва. День 19 ноября 1942 года стал днем триумфа советского артиллерийского оружия. Недаром этот день теперь празднуется как День Ракетных войск и Артиллерии.

— Выступая на открытии памятника-ансамбля в Волгограде, Леонид Ильин Бреzhnev так говорил о битве на Волге: «Это была победа великого советского народа, руководимого своей ленинской Коммунистической партией. Это была победа советского военного искусства... Это была победа высокого боевого духа нашей армии».

Вы, Константин Петрович, были непосредственным участником сражения на Волге и свой первый орден Ленина получили за Сталинград. Расскажите о том, как подготавливались эта гигантская по своим жас-

штабам битвы, о той роли, которую сыграла в ней артиллерия.

— Планируя летнее наступление 1942 года, гитлеровское командование намеревалось взять реванш за поражение под Москвой. В междуречье Волги и Дона перебрасывались отборные гитлеровские части, в итоге на том участке было сконцентрировано огромное количество техники и более миллиона солдат и офицеров противника.

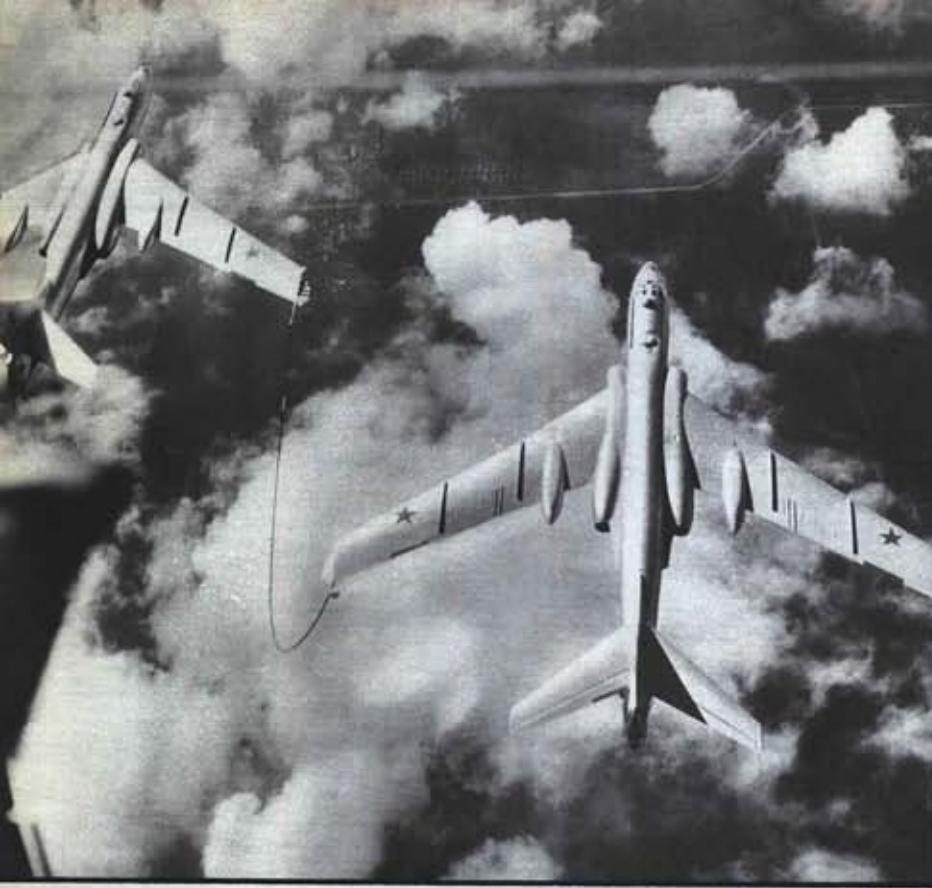
Подготовка наступательной операции в битве на Волге с самого начала осуществлялась в условиях строгой секретности, в ее детали посвящались очень немногие. На тех, кто был непосредственным исполнителем замыслов Верховного Главнокомандования, лежала самая сложнейшая задача—незаметно произвести перегруппировку огромных масс техники и людей.

Я прибыл в Сталинград летом 1942 года в составе большой группы офицеров, которую возглавлял командующий артиллерией Красной Армии генерал Н. Н. Воронов. В те дни бои шли еще далеко от города, и я, будучи начальником оперативного отдела штаба артиллерией Советской Армии, принимал уча-

стие в оказании помощи войскам в использовании артиллерийских средств в обороне.

К началу нашего контрнаступления мы уже отказались от практики использования артиллерийских резервов ВГК отдельными частями. Для организации мощного артиллерийского огня формировались артсоединения и создавались крупные группировки, которые должны были использоваться на нужном направлении и создавать высокие артиллерийские плотности для подавления обороны противника. Оперативные работники, отвечавшие за перегруппировку артиллерийских частей, сутками были на ногах, многие были ранены, но продолжали работать. Осенняя распутица сменилась гололедом, тягловые лошади падали от истощения, а тут еще непрерывные бомбежки, обстрелы. Выгружаться эшелоны могли только ночью, ночью же артиллерийские части должны были выходить на позиции. А для этого им порой приходилось преодолевать за несколько часов десятки и сотни километров в полной темноте, без отдыха, под жестоким, неутихающим ветром.

Несмотря на все трудности, советскому командованию удалось закончить

сосредоточение артиллерийских соединений в назначенный срок. Около 200 артиллерийских и минометных полков ждали своего часа. 19 ноября в 7 часов 30 минут тысячи орудий обрушили на вражескую оборону массированный удар такой силы, что на некоторых участках наши подразделения, начавшие контрнаступление, не встречали огневого сопротивления противника. Вспоминая те дни, я горжусь, что мне довелось быть участником величайшего подвига защитников волжской твердины, претворять в жизнь замыслы нашего командования, связанные с проведением этого беспримерного по масштабам сражения.

— А как сложилась ваша дальнейшая судьба? Расскажите, пожалуйста, о наиболее памятных для вас военных событиях после Сталинграда.

— Некоторое время я находился в Москве. Как и все штабисты, мы, артиллеристы, жили по жесткому графику. Отдыхать ложились часто уже под утро, часа на два-три, и то поочередно. Особенno велико бывало напряжение накануне крупных операций. Но как бы ни была интересна и необходима наша работа, каждый из нас рвался на фронт.

Помню, однажды вечером я был у Николая Николаевича Воронова дома. Вдруг по ВЧ звонит командующий Ленинградским фронтом Говоров и просит Воронова подумать о кандидатуре на должность командующего артиллерией 2-й ударной армии Федюнинского. В предстоящих действиях этой армии, а следовательно, и ее артиллериическим частям, отводилась важная роль. Воронов обещал решить вопрос и, положив трубку, какое-то время молча ходил по комнате. И тут я не выдерживаю, встаю и говорю: «Николай Николаевич, прошу в строй». Воронов улыбнулся, кивнул головой: «Ладно, езжай».

Через три дня я был в Ленинграде, а еще через день полностью включился в подготовку Нарвской операции, проводившейся летом 1944 года. На всех фронтах велись активные наступательные действия. Наступал и Ленинградский фронт. Накануне операции с форсированием реки Нарвы и штурма Нарвской крепости я несколько дней провел на батальонных НП, изучая систему вражеской обороны. Незадолго до начала операции один из дивизионов был поставлен на рубеж огня и начал метдоично обстреливать один сектор за другим, вызывая на себя ответный огонь

артиллерию противника. Тем временем наши наблюдатели должны были засекать вражеские батареи. За двое суток мы таким образом выявили 66 артиллерийских точек. При форсировании Нарвы плотность была доведена до 200—220 орудий и минометов на один километр фронта на участке прорыва.

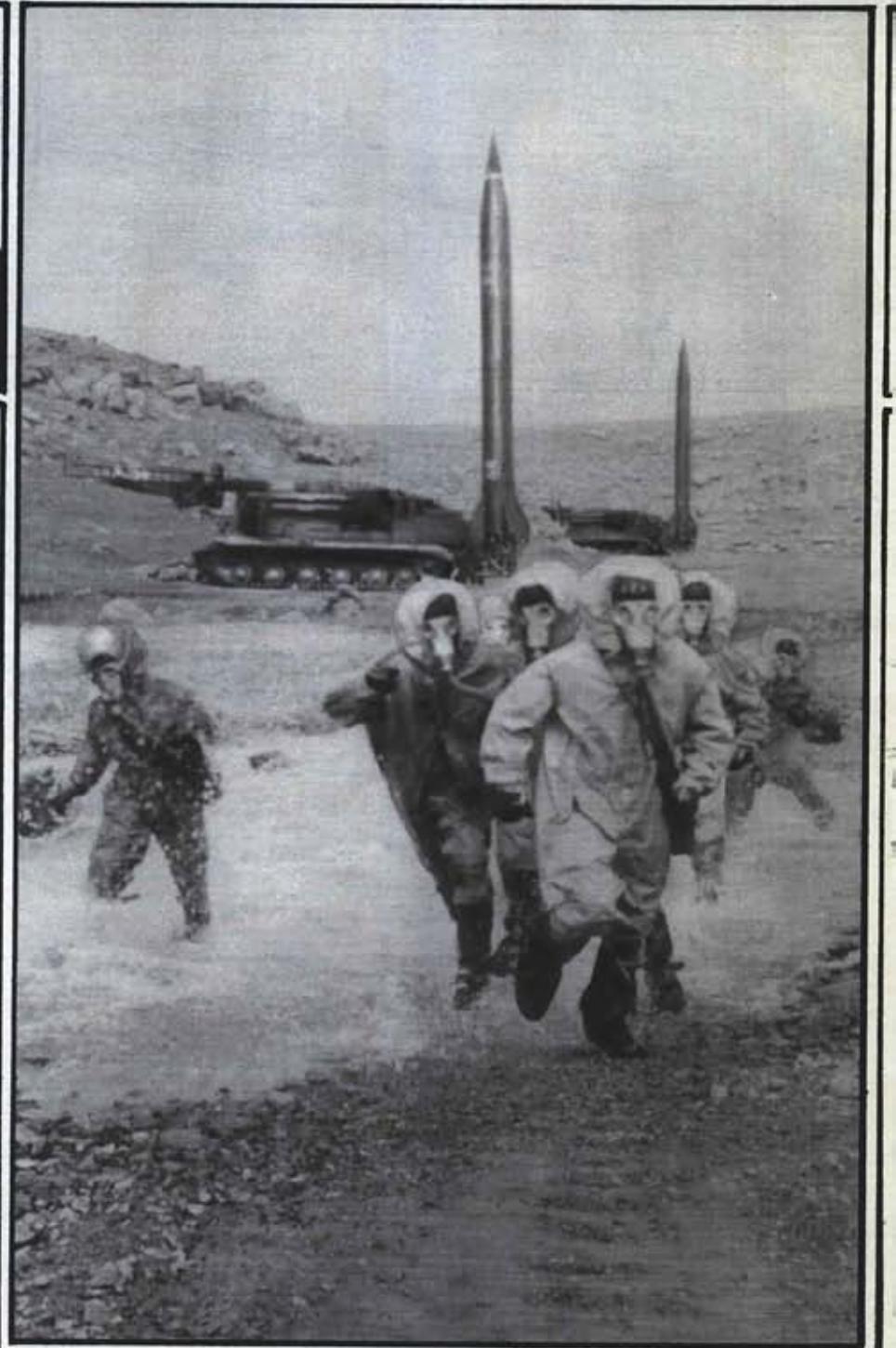
Переправа началась сразу же после мощной артподготовки. Огонь орудий всех калибров подавлял оборону гитлеровцев не только на переднем крае, но и в глубине ее. Нарва была форсирована и вслед за огневым валом двинулись в атаку пехота и танки.

Затем наша армия, включенная в состав 2-го Белорусского фронта, которым командовал К. К. Рокоссовский, вела наступление на территории Восточной Пруссии...

— Константин Петрович, судя по вашим наградам, война не закончилась для вас на Западе...

— Не только для меня, но и для многих моих боевых товарищей. В мае 1945 года наша 2-я ударная армия завершила разгром гитлеровских группировок на островах Воллин, Узедом и Рюген, и меня вызвали в Москву. 11 мая нас, группу фронтовых генералов, принял начальник Генерального штаба и сообщил, что мы срочно направляемся Ставкой на новый театр военных действий — на Дальний Восток. Так началась моя служба в Приморье в должности командующего артиллерией 1-й Краснознаменной армии.

Не буду подробно останавливаться на этом периоде, хотя разгром почти миллиона квантунской армии является собой блестящий пример молниеносной, высокоманевренной войны, в которой

сплавились воедино полководческий талант наших военачальников и героизм советских солдат. В труднейших условиях наша армия взломала оборону японцев, совершила небывалый по физическому напряжению переход через горные хребты и непроходимую тайгу и вышла к Харбину, где 18 августа взятый в плен начальник штаба квантунской армии был вынужден отдать своим войскам приказ о капитуляции.

— Кончилась Великая Отечественная война. Миллионы солдат вернулись с фронта к мирному труду. Но для тех, кто навсегда связал свою жизнь с военной службой, мир не означал бездействия или даже кратковременного отдыха. Вопросы укрепления обороноспособности страны продолжали оставаться важнейшим государственным делом.

— Да. Тем более, что появление в ряде стран капиталистического лагеря оружия массового уничтожения поставило нас перед необходимостью коренным образом пересмотреть свой военный и технический арсенал. Иными словами, надо было вновь совершенствовать свою боевую технику, создавать такое оружие, которое обеспечило бы надежную и эффективную оборону нашей страны и других социалистических стран. И я стал ракетчиком...

— Были ли в вашей послевоенной жизни дни, которые по своему накалу могли бы сравниться с фронтовыми?

— Были. Например, во время испытаний новых видов ракетного оружия. Но я расскажу лишь об одном дне, события которого еще раз подтвердили, что мы

обязаны постоянно находиться в полной боевой готовности, держать порох сухим.

Утром 1 мая 1960 года нашу границу нарушил самолет ВВС США, пилотируемый капитаном Пауэрсом. Я тогда командовал зенитными ракетными войсками ПВО страны, и это неприятное сообщение касалось и меня. Немедленно была объявлена боевая тревога зенитным ракетным войскам.

Мы тогда не знали истинных целей самолета-нарушителя, его оружия, он не отвечал на наши запросы, поэтому у нас был единственный выход.

Через несколько мгновений после команды: «Уничтожить цель...» ракета сошла с пусковой установки и рванулась наперевес самолету. Промаха быть не могло, но тем не менее все мы волновались: это была серьезная проверка нашего оружия, нашей ракетной техники. Когда, наконец, на командный пункт поступило известие о том, что цель уничтожена, мы не могли сдержать радости и поздравили друг друга. Уничтожение сверхвысотной цели еще раз подтвердило, что наши ракетные комплексы развиваются и совершенствуются в нужном направлении.

— Константин Петрович, теперь, если разрешите, вопросы общего характера. Первый: что такое в вашем понимании солдатский долг? И второй: кем бы вы стали, если бы вам пришлось выбирать себе судьбу заново?

— На первый вопрос я отвечу рассказом о лейтенанте Владимира Басове. Мне довелось знать Володю еще в пору его курсанства. Парень как парень, только, может быть, чуть-чуть беспокой-

нее других, чуть-чуть упрямее, резче. Тем он мне и запомнился, когда я приезжал инспектировать училище, в котором он учился. Прослужил инженер-лейтенант Владимир Басов совсем немного. Он погиб при исполнении служебных обязанностей, без колебания пожертвовал собой, чтобы предотвратить аварию, в результате которой могли погибнуть его товарищи. Посмертно Владимир Басов был награжден орденом Красной Звезды. Короткая жизнь выпала ему, но прожил он ее честно и мужественно. И его подвиг роднит Владимира с самыми доблестными сыновьями нашей Родины.

Так вот, долг — это умение в любых обстоятельствах подчинять свою жизнь главной цели и быть готовым в любую минуту пожертвовать своей жизнью за имя Родины, во имя спасения товарищев. Я мог бы привести много примеров, когда в наше мирное время солдаты и офицеры проявляли подлинный геройзм, находясь на своем боевом посту.

На второй вопрос я отвечу так. Я вновь избрал бы военную судьбу. Потому что, кроме объективной необходимости быть кому-то профессиональным солдатом, я просто люблю свою работу. И тем, кто сейчас выбирает себе путь в жизни, я хотел бы пожелать обязательно той самой бесконечной, самоотверженной любви к делу, которому посвящаешь себя.

Сейчас, бывая в военных учебных заведениях и беседуя с курсантами, я невольно сравниваю их с нами, какими были мы в далеких двадцатых. Я удивляюсь и радуюсь разнице между нами.

Мы тоже были неплохими специалистами своего дела, быстро считали и могли работать за любой номер орудийного расчета. Но разве сравнишь уровень знаний современного офицера-ракетчика с нашим тогдашним теоретическим багажом! Для нынешнего курсанта четвертого курса интегральное уравнение — пустяк, он прекрасно знает физику, математику, держит в голове огромную техническую информацию, у него иная организация мышления, несопоставимо богаче эрудиция. И это естественно. А вот характер у современных курсантов — наш! Такая же настойчивость, дерзость в достижении знаний, та же бескорыстная любовь к Родине. Это меня радует больше всего, потому что патриотизм — необходимое качество советского воина.

— 1977 год вошел в историю нашей страны как год шестидесятилетия

Великого Октября, как год, когда была принята новая Конституция СССР, творцом которой стал весь советский народ. Значение этого события трудно переоценить. Основной Закон нашего государства объединяет все стороны жизни страны...

— Как и все советские люди, я целиком и полностью одобряю каждое слово этого великого Документа эпохи. Он проникнут духом гуманизма, миролюбия, человечности... Но внешнеполитическая обстановка в мире все еще такова, что защита социалистического Отечества остается одной из важнейших обязанностей граждан СССР и выделена в отдельную главу Конституции СССР. Такова реальная необходимость...

— В вашей жизни, Константин Петрович, было событие, связанное с принятием Конституции 1936 года. Вспомните об этом.

— Есть вещи, остающиеся в памяти навсегда именно благодаря своей значимости. Таким был тот день в декабре 1936 года. Мне, тогда командиру батареи, было поручено от имени Красной Армии приветствовать VIII Чрезвычайный съезд Советов Союза ССР, принимавший Конституцию страны. Волновалася, конечно: в президиуме все правительство, в зале — знатные люди страны, герои труда, ветераны революции и гражданской войны; выступления делегатов транслируются по радио.

За четыре с лишним десятилетия, прошедших с того дня, нами сделан гигантский скачок в экономике, науке, культуре и, как военный, замечу, в оборонной мощи. Я безмерно горд, что принадлежу к поколению, которое своим мирным и ратным трудом утверждало положения Основных Законов нашей страны и приняло участие в создании новой, самой прекрасной Конституции СССР. И, как солдат, как коммунист, как гражданин, приветствуя вступление в силу Основного Закона нашей жизни, родившегося в 1977 году, я мог бы сегодня повторить то, что сказал тогда, в декабре 1936 года, с трибуны съезда Советов: «У советского народа есть что защищать, есть чем защищать, есть кому защищать».

Фото Альберта ЛЕХМУСА,
Александра НАГРАЛЬЯНА,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

МЫ КОММУНИСТАМИ СТАЛИ В

Петря КРУЧЕНЮК

ПРОЛОГ

Я чувствовал себя
Пророком,
Под утро дописав стихи.
В глухой ночи,
В ночи глубокой
Рассвет трубили петухи.

Я видел свет—огромный, жаркий.
Он в окна яростно входил.
Дремало солнце на лежанке,
И ясным
Становился мир.

Я гордой птицею летел
Сквозь годы, битвы и траншеи.
И песни новые смелее
О жизни и свободе пел.

Ведь я—пока живу!—солдат.
Горит сосна.
Гудят поленья.
И я опять иду в сраженье
К твоей твердыне,
Сталинград!

1

Бывает миг, как смерть, суровый—
Не обойти, не переждать...

Подкова
Сапога
Чужого
Тебя готова растоптать.

Но ты, упавший,
Вновь встаешь,
За коммунистами идешь!
Так было с нами той зимою.
Горел за нами Сталинград.
И мы клялись

Его землею:
Ни шагу—жизнь иль смерть!—назад!

Клялись бесконной клятвой глаз,
И так в нее поверил разум,
Что не исполнили б приказа,
Коль был бы на отход приказ.

Огонь и дым.
Синевовый ветер
Гудел над взорванной рекой.

И вмиг
Померкло все на свете
В кипение лавы огневой.

Какими же передать словами,
Как шел огонь—
За валом вал.
Дымили оставы развалин,
И пепел
Землю закрывал!

И показалось нам, живым,
Что все живое здесь погибло,
Что вся земля—
одна могила...

И как еще
Дышать
Могли мы,
Где смрад и чад,
Огонь и дым?!

Сражений нам не перечесть:
У Прута,
У Днестра,
Смоленска,
Бон за Дон,
Херсон,
Одессу—
Такого не было, как здесь!

Все чистое,
Что в мире есть,
Поставлено на карту
Здесь—
Все жизни взрослых и детей,
Все слезы вдов и матерей.
Противоборство тымы и света.
Чье воцарится торжество?
На карту—
Жизнь людей планеты
В одном вопросе:

«Кто кого?..»

И комиссар
Сквозь гарь и дым
На бруствер выпетел, неистов.
— Ура!
За мною, коммунисты!
И роты бросились за ним.

И беспощадный этот вихрь
По снежному помчался полю.
И не сломить фашистам волю
Друзей-товарищей моих!

И говорило сердце мне,
Как мама,
Трепетно и чисто:
«Иди сражаться коммунистом,
Чтоб выстоять в таком огне!..»

И мы пошли
Сквозь смерть и мглу
(Тепла земля. Металл холоден).
С бессмертной мыслью о свободе—
И вся страна у нас в тылу;

Та легендарная страна,
Которую зовут Россия,
С которой я всегда
Всесилен!

И мной—таким—
Она
Сильна!

Она дала иную жизнь
Себе и всем своим народам,
И потому
В ней родились
Поэты Правды
И Свободы.

... «Последняя надежда—
Здесь,
Последняя граница—
Здесь!..» —
Читаю в сполохах огня
В глазах у комиссара я.
И вижу слезы матерей
(Они у них не высыхают),
Что терпеливо ожидают
Своих—с победой—сыновей.

Несчастных вижу стариков
И малышей,
Не знавших ласки,
Забывших бабушкины сказки...
Поля неубранных хлебов...

Да, нет у нас пути назад,
Одна—вперед—у нас дорога,
Спасительница и тревога,
Не сосчитать на ней утрат...

Держа прицельно автомат,
Чрез поле огненное,
Через
Машины, танки и траншеи
И трупы вражеских солдат!

Пусть небо и земля горят,
Ты выдержишь все муки ада,
Ты стал
Солдатом Сталинграда—
Нет справедливее солдат!
А комиссар,
Он впереди,
В нем сердце и душа партийца.
И отставать нам не годится.
Ты слышишь?
Он зовет—
Иди!

Иди сквозь чад,
Огонь
И дым—
Вот к счастью путь твой самый верный.
Себя—в кулак
И в узел—нерви,
Сквозь
Дым,
Огонь
И чад
За ним!

С востока
В сторону заката,
Где скоро воздух будет чист,
Иду—отныне коммунист—
Со всеми,
Кто из Стalinграда!
А впереди
В тяжелой мгле
Идет пехота, танки, пушки...
И так вовсю «поют» «катюши»,
Что ад кромешный на земле.

И тяжелеют облака—
Идут в атаку
Наши «Илы»,
И на позициях врага
Встают—не сосчитать!—могилы.
Так в час звезды не минучий,
Уже в который раз,
Отять
Мы учим руки поднимать—
Совсем иным манерам учим!

И от лица всего Союза,
Пройдя сквозь тысячи смертей,
Здесь в каждом воине
Кутузов
Наказывает палачей.

СТАЛИНГРАДЕ

Я это испытал мгновенье
И буду помнить до конца,
Когда врагу
Всей силой мщенья
Я выкрикнул без сожаленья:
«Вот порция моя свинца!..»

2

Мать дождалась своих минут!
А мне трофей достался—
Каска.
Из этой каски ныне пьют
Цыплята воду без опаски.

Оплакивала мать моя
Судьбу безрадостную сына,
А я живу,
Счастливый,
Сильный,
Работа есть, и есть семья.

Уходят,
Гаснут постепенно
Воспоминанья грозных дней...
Но мне не вычеркнуть
Военной
Поры из памяти моей,
Как вас, Бричаны,
Вас, Унгены,
И вас, Одесса и Херсон...
Я рвусь в атаку
В Ляущенах,
Ползу в снегу
На Балатон.

Вновь надо мною
Пули свищут,
И бомбы с «мессеров» летят.
И лишь глаза кого-то ищут,
На звезды яркие глядят.

Я госпиталя стойкий запах
Опять по памяти узнал.
И все иду,
Иду на запад.
И ноги чувствуют металлы.

И вновь всплывает
Гимн высокий,
Хоть дни безмерно далеки,
У нашей Волги синеокой,
У несклонившейся реки.

Он, как симфонии начало,
Ее уверенный пролог,
В нем наша сила
Зазвучала,
Он сквозь судьбу страны пролег.

И с той поры,
С того пожара,
С тех зимних волжских берегов
Я слышу
Голос комиссара
И вскакиваю на зов.

И снова в каждое мгновенье,
Той преданностью храним,
Готов я броситься
В сраженье,
В любой огонь—
За них,
За них!

И повторить
Опять готов я
Все прошлое—за мигом миг,—
Лишь был бы свет
У изголовья,
Торжествовал бы в мире мир!

Мне до конца
Идти за них,
За комиссаром—
За звездою.
И пусть, увенчан сединою,
Он остается молодым.

Везде, где встречау,
Как тогда,
Он остается мне примером.
И верую его я верой
И не изверюсь никогда.

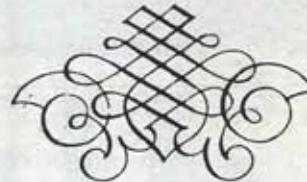
3

Когда товарищ есть такой,
С душой,
Исполненной горенья,
Поймешь:
Отчизна—сад весенний—
До солнца достает рукой...

Перевел с молдавского
Владимир ФИРСОВ.

Рисунок Юрия КОСМЫНИНА

Михаил БЕЛЯЕВ

Мужское учение

В тот первый день счастливый
сентября

Пришел он в школу,
Взяв букварь с собою.
Он школьный путь свой начал
с букваря,
Чтоб завершить с медалью золотую.

Но вот призвало в строй армейский
встать
Суровое учение солдата.
Оружия глубины постигать...
Как с букваря,
Он начал с автомата.

Он устал, идя через болото
В полном снаряжение боевом,
Смоченном обильным жарким потом.
Наконец, и отдых оstromokom
Подвернулся меж болотных окон.
Но солдат гнездо нашел на нем:
Птенчики раскрыли рты широко—
Рядом мать летала с червяком.
Постоял он, писк семяки слыша,
Автомат поправил за спиной,
И болото, хлюпая потиши,
Провело солдата стороной.

Когда погружается танк
В тугую глубинную воду,
В окногах от скорых атак,
В ту воду нацелившись с ходу,

Его наполняется сталь
Умом, словно плот человечья,
И каждая дышит деталь
Свежее, и крепче, и легче.

Уверен трехкильный мотор,
И газ выплескает пружинный,
И строг, как часы, разговор
В проверенных недрах машины.
Он, танк, и горяч, и упрям,
В глубины войда с головою,
Послушен солдатским рукам,
Что держат его под водою.

Лишь вздрогнет на зыбких местах
И словно прижметесь к солдату.
Он, кажется, движется, танк,
В пучине глухой по канату.

Простонут глубины под ним,
Слепые от тины лежачей.
Он выйдет наружу сухим,
Еще неприступней и жарче.

Привал

Еще идти немало верст.
Минуты сладки на привале.
Солдаты жадно меж берез
К прохладе буйных трав припали.

В густых метелках травяных,
В таежном теневом распадке
Недвижны автоматы их,
Мертвые, свернувшись в кольца, скатки.

С рассвета зной нажег солдат.
Березы, нежным ветром вея,
Над каждым воином стоят,
Свежо, застенчиво белея.

И дума воинов светла.
Как будто к каждому невеста
На миг короткий подошла
С цветами солнечного леса.

Баян

Поет баян, поют солдаты.
Семидесятые года.
Ах, хороша, земля, тепла ты!
И, как невеста, молода!
Принес баян тот из каптерки
Бывалый ротный старшина.
На перламутре от мафорки
Поры далекой желтизна.

Поры той самой, что металлом
По душам была день и ночь,
Когда сама страна вставала
Огонь фашистов превозмочь.

И он, баян, мобилизован,
Ушел на фронт, чтоб на войне
Живое песенное слово
Звучало в гибельном огне.

И брали в руки баянисты—
Его в дорогах фронтовых—
Артиллеристы и танкисты!—
Он был судьбой похож на них.

Он отступал и партизанил,
Напевы Родины храни.
И боевое то заданье
Пронес до нынешнего дня.

До этой ночи, что решила
С баяном выйти в круг солдат.
И нежно песня озарила
Войны не видевших ребят.

У них, что знали только сказки,
Оружие настороже,
Ах, закипи, баян солдатский!
Они защитники уже.

НЕЙТРОН-УБИЙЦА ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ ЛЮДЕЙ

Владислав НЕБРАТЕНКО

Бывают такие острые моменты в истории человечества, когда его судьбы зависят от гражданской активности каждого.

Наш маленький, окутанный голубовато-зеленой дымкой «шарик», пронзающий черную бездну Вселенной со скоростью 30 километров в секунду, может войти в пояс смертельной опасности. В нашем «космическом корабле» с экипажем почти в четыре миллиарда мужчин, женщин, стариков, подростков, детей, новорожденных вот-вот может быть запущен чудовищный часовой механизм нового «супероружия». Может быть нажата пусковая кнопка, и невидимые лучи смерти в первый, а может быть, и в последний раз в истории земной цивилизации вспыхнут, убивая вокруг себя все живое, все дышащее, все, в чем бьется сердце. Угроза новой, на этот раз «нейтронной» Хиросимы нависла над нашей прекрасной и, в сущности, такой хрупкой планетой. Планетой Людей.

К сожалению, это не фантастика. Придумать можно было бы что-то повеселее. Это явь, воплощенная в металле, хранящаяся—пока!—в контейнерах с маркировкой «Смертельная опасность! Радиация!» или с какими-то другими, мало понятными непосвященному по- метками, заставляющими тех, кто проходит вблизи чудовищных арсеналов смерти, инстинктивно замедлять шаги и невольно понижать голос... Впрочем, может быть, и нет. Ведь воскликнул же восторженно утром 6 августа 1945 года американский президент Трумэн: «Какая великолепная штука!»—прочитав телеграмму о том, что с американского бомбардировщика «Энола Гэй» с высоты 31 тысячи футов на Хиросиму только что сброшена атомная бомба. Он читал строку телеграммы, совершая морскую прогулку по сверкающему в лучах солнца океану, а в это время за тысячи километров от берегов Америки полыхал ядерный пожар, испаряясь камни, рушились, как в страшном сне, стены человеческого жилья, горели люди, и грибовидное облако ядерного взрыва уносило с собой в никуда тысячи человеческих жизней, надежд, мыслей...

Вряд ли когда-нибудь станет известно с полной достоверностью, о чем подумал «отец» новой, ультрасовременной разновидности атомной бомбы—нейтронной—ученый-физик С. Козин, когда полтора десятка лет назад он впервые увидел собственными глазами на испытаниях в американском штате Невада

результаты действия своего детища—монстра, ядерной боеголовки, убивающей невидимыми лучами смерти—повышенной радиацией.

Американские газеты уже успели нагромоздить кучу мифов и легенд вокруг истории этого нового оружия. Утверждается, что Козин якобы просто-напросто уснул, доходясь начала испытаний, надежно укрытый за сверхпрочными, спроектированными из специально разработанных материалов стенами своего персонального бункера, и проснулся от непонятного ощущения тихой вибрации пустыни... Неизвестно, что он подумал тогда, весной 1963 года. И мысли и слова всех, кто был причастен к рождению нового ядерного оружия, от первых набросков формул в 1959 году до июня 1977 года, когда Пентагон решил обнародовать свое очередное «достижение», все еще покрыты мраком. Зато известно, что они решили сказать сегодня. Нет, они не воскликнули вслед Трумэну: «Какая великолепная штука!»—Они удивлялись. Удивлялись, почему вдруг столько внимания обращается на столь невинное, «гуманное» по сравнению с обычными ядерными зарядами оружие. Если поверить Козину, то он удивился тому, что благодарное человечество не увенчало его лавровым венком, вместо этого осыпало проклятиями. «Я не могу постичь с помощью логики, какая разница в том, как убивать личный состав противника,—оскорбленно заявил он.—Посетите госпитали ветеранов прошлых войн. Там вы увидите людей без рук, без ног, с органами, которые уже не функционируют. Последствия сражений, в которых будет применяться оружие повышенной радиации, обещают быть менее тяжелыми. Как это ни странно, а нейтронная бомба—моральное оружие».

«Моральное оружие!»—можно ли придумать более чудовищное, извращенное сочетание слов! Впрочем, логика империалистов и общечеловеческая, нормальная логика, по-видимому, две вещи, явно несовместимые. Во всяком случае, тогда, когда это выгодно империалистам, они отбрасывают нормальную логику в сторону. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Хейт тоже разводит руками в недоумении, чуть ли не в детской, наивной обиде... «Я поражен и встремлен реакцией мира на нейтронное оружие»,—заявил он недавно в интервью итальянской газете «Темпо».

И действительно, чем осмысливается возмущающая мировая общественность?

Официальный представитель Пентагона так описывал действия нейтронного оружия: сначала вы ничего не почув-

ствуете. Первый эффект может наступить через минуты, часы или даже дни, в зависимости от полученной дозы. Вы будете чувствовать слабость, головокружение, вам будет трудно дышать, исчезнет аппетит, начнут выпадать волосы. Раны, даже царапины, не будут заживать. Потом наступит краткий период некоторого облегчения, а затем—агония. Кровавая рвота, потеря сознания, смерть. Вас убьет небольшая частица энергии, меньшая, чем атом. Называется она нейтрон... (После того, как пентагоновский офицер объяснился, он заключил все это описание так: «Нейтронное оружие—это очень чистое оружие». Такова «логика» империалистов.)

Западногерманский журнал «Шпицель» дополняет характеристику действия нейтронных зарядов: «Быстрые нейтроны без труда проникают через броню и стальные каски, одежду и кирпичные стены—так же, как частички пыли проходят через садовую ограду. Их действие на человека можно сравнить с миллиардами маленьких инъекций очень сильной кислоты. Человек, как говорят на жаргоне американских атомных лабораторий, просто превращается в жижу».

Счастлив тот человек, воскликнут осведомленные западные журналисты, который погибнет на месте, сразу же, оказавшись в непосредственной близости от взрыва нейтронного заряда, под лучом. Потому что для тех, кто, ничего не зная, находился у себя дома или шел по мирной улице, ехал по собственным будничным делам в автомобиле, смерть может подкарасться совершенно неожиданно—невидимая, без цвета и запаха. Просто лучок всепроникающих лучей разорвет клетки мозга, поразит слизистые оболочки, разрушит состав крови, и мучительная смерть неизбежно настигнет его через несколько дней, неделю... И даже сравнительно небольшое—в 100—150 условных доз—облучение убивает организм. Пусть жертва остается в живых, но в конечном счете и она обречена. Через несколько месяцев или даже лет организм поразит раковое заболевание. И, может быть, самое страшное заключается в том, что даже если жертва была настолько далека от эпицентра взрыва, что доживет свой век до конца, получив минимальную дозу облучения, то все равно—через поколение, два-три—еще никто не знает точно, сколько это может длиться—его потомство будет вырождаться вследствие разрушений генетического, хромосомного аппарата клеток организма, передававшихся по наследству.

По свидетельству специалистов, против нейтронного оружия современная

медицина не располагает достаточно эффективными средствами лечения, поскольку оно изменяет клиническую картину лучевой болезни, известной науке. Нейтронная бомба оказывает на человеческий организм еще более разрушительное воздействие, чем обычное ядерное оружие,—такое был вывод медиков, выступавших на пресс-конференции в Советском комитете защиты мира в декабре 1977 года.

Так в чем же состоит эта пресловутая «гуманность», «моральность», «чистота» нейтронного заряда?

В том, что у человека оказываются целыми руки и ноги, а гибнет он изнутри, разлагаясь заживо?

Или в том, что новое «супероружие» гуманно щадит все неживое, оставляя нетронутыми дома, материальные ценности, превращая города, поселки в мертвые скопища зданий, пригодных лишь для безнаказанного грабежа со стороны «гуманных агрессоров»?

В сущности, в нейтронном заряде возрождена в чудовищных масштабах идея гитлеровских душегубок: провентилированный фургон от остатков удушающего газа и разгрузив его от трупов, можно пользоваться им еще и еще раз...

Страшно то, что речь идет сегодня уже не о проектах и даже не об экспериментальных образцах... Вся вторая половина 1977 года прошла для Пентагона в лихорадочных попытках найти подходящий полигон для РЕАЛЬНОГО, ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ этого оружия. Американская военщина с созданием нового вида оружия пришла буквально в садистский восторг. Дело в том, что, как пояснял американский обозреватель Р. Эванс, генералы в Пентагоне «никогда не чувствовали себя вполне уютно» со старыми, классическими разновидностями ядерного оружия—атомной и водородной бомбами. Под написком мирового общественного мнения, а также сознавая, насколько рискован для самих США возможный обмен ядерными ударами, американские президенты «давали обещания не применять атомное и водородное оружие. Но какой смысл протирать штаны в военных академиях, готовясь к битвам, которые так никогда и не разразятся?»—так передавал возмущение пентагоновских вояж осведомленный американский журналист. С появлением же нейтронной бомбы—небольшого заряда, которым можно снабдить артиллерийский снаряд или сравнительно небольшую ракету,—генералы возмечтали о возможности вести ограниченную войну. Ну, конечно, они тоже проникнуты высоким чувством «морали», они тоже против глобальной ядерной катастрофы... Но вот «хирургическую опера-

**HET!
NEIN! NO!
NON!**

N

NON!

цию» где-нибудь подальше от американских берегов с целью атомного шантажа Пентагон настроен проделать весьма решительно. На сессиях НАТО и на заседаниях его руководящих органов во второй половине прошлого года неоднократно обсуждался вопрос о размещении американского нейтронного оружия на территориях стран — военных союзников США. Какими соображениями оперировали сторонники этих планов? Ну, конечно же, соображениями глубоко моральными! Генеральный инспектор Г. Вуст так и сказал: нейтронное оружие «способно обеспечить покой и безопасность Запада». Покой? Безопасность? Может быть, но только покой и безопасность... для трупов. Потому что наивно предполагать, что можно остановиться, сделав первый шаг, ведущий в бездну ядерной войны. Наивно предполагать, что можно безнаказанно шантажировать мир социализма угрозой развязывания некоей новой разновидности войны, «ядерной войны по правилам», «тактической ядерной войны».

Это бредовые предположения империалистов, которые никак не могут отказатьься от мечтаний о восстановлении своего мирового господства... Это отзывы тех планов, которые по-сольдафонски откровенно сформулировала одна американская газета чуть ли не на следующий день после Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре 1917 года: «Один хороший залп картечи, и стереть большевиков навсегда с лица земли...» И пробовали. Пробовали остановить победный ход социализма по планете. Пробовали картечью во времена интервенции, и бомбами и снарядами в Великой Отечественной, и напалмом во Вьетнаме... Теперь собираются попробовать нейтронным оружием, поставив на грань ядерной катастрофы все человечество...

В конечном счете дело даже не только в том, какую угрозу представляет для человечества любой свихнувшийся на антикоммунизм генерал, имеющий доступ к оружию массового уничтожения. Дело в том, что вполне реальные общественные силы на Западе — и прежде всего заправили военно-промышленного комплекса — пытаются сейчас при помощи ядерного шантажа перекроить карту мира, изменить ход истории, остановить неуклонную, победную поступь социализма по планете. «Слабость всегда спасалась верой в чудеса», — писал в свое время Карл Маркс. Ныне таким «чудом» империалистам представляется новое оружие. Речь идет не только о нейтронной бомбе. Несмотря на то, что уже сегодня накопленный в мире ядерный потенциал в 4 миллиона раз превышает мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму, несмотря на то, что уже сегодня накоплено почти на треть больше того объема условного взрывчатого вещества, которое необходимо для уничтожения всего человечества, несмотря на то, что мировые военные расходы достигают 350 миллиардов долларов в год, — несмотря на все это гонка вооружений не прекращается. Более того, США выступают — уже в который раз на протяжении всей послевоенной истории — инициатором всех новых и новых витков гонки вооружения. Они сбросили первую атомную бомбу. Они первыми применили напалм и биологическое оружие в Индокитае. Теперь они хватаются как за «спасительное» средство за крылатую ракету, сверхмощные подводные лодки, нейтронное оружие... А ведь, по подсчетам американского ученого Лестера Брауна, каждый четвертый научный работник США занят сегодня разработкой новых, еще более «эффективных» систем вооружения...

Чем грозит человечеству завтрашний день? В западной печати появляются все новые и новые прогнозы, по сравнению с которыми бледнеют ужасы Хиросимы. К началу 80-х годов, предсказы-

вают американские футурологи Г. Кан и Б. Брюс-Бриггз, возможно создание ядерных зарядов мощностью в 1 гигатонну (это равно мощности одновременного взрыва 1 миллиарда тонн обычного взрывчатого вещества — тринитротолуола). Подсчитано, что при взрыве одного такого заряда на высоте 150 километров поверхность планеты превратилась бы в выжженную, безжизненную и загаденную радиацией пустыню на площади в несколько десятков тысяч квадратных километров. Предсказывается также появление в недалеком будущем «нервно-паралитического оружия», при помощи которого будут создаваться огромных размеров ультра- и инфраакустические пули. Попадая в зону их действия, человек полностью теряет контроль над собой, его психика разрушается, остается лишь ощущение непрерывного, панического ужаса, который убивает. Активно проводятся в США и работы по созданию так называемого «экологического оружия» — оружия, способного вызывать искусственные землетрясения, наводнения, изменять приливные волны (цунами), атмосферные бури и т. д. Причем особое внимание уделяется возможности разрушения озонного щита в определенных участках атмосферы. Образование подобного рода «дыр» привело бы к десятикратному увеличению солнечной радиации (жесткого ультрафиолетового излучения), что вызвало бы гибельные для человека изменения климата (возможно, необратимые), смерть от раковых заболеваний кожи и генетических заболеваний, причиненных прямыми ударами космических лучей...

Мрачные перспективы. Но все-таки это прогнозы. Так нужно ли об этом писать, трясти нервы, силы, ум? Нужно ли акцентировать внимание на угрозе, которая, может быть, весьма гипотетична?

Нужно. Более того, необходимо! Ведь и нейтронная бомба создавалась десятки лет в обстановке глубочайшей тайны, когда даже сама идея создания оружия, которое способно поражать только живые существа, идея «лучей смерти» казалась фантастичной. Перечитайте повесть советских фантастов Е. Парнова и М. Емцева «Возвратите любовь». Она вышла в годы, когда в обстановке глубочайшей секретности шло испытание почти такого же оружия и почти при тех же условиях, которые описаны в этой книге. Это тот случай, когда не хочется радоваться невероятным темпам научно-технического прогресса, обгоняющего самые изощренные фантазии...

Кто может сказать, какое новое оружие разрабатывается за стенами секретных и сверхсекретных лабораторий Пентагона, если даже спустя почти двадцать лет после начала работ над созданием нейтронной бомбы, после того, как она уже была готова к запуску в промышленное производство, чуть ли не в тот день, когда должен был решаться вопрос о ее принятии на вооружение американской армии, не кто иной, как президент США, являющийся, согласно конституции, верховным главнокомандующим вооруженных сил страны, заявил во всеуслышание, что он узнал о существовании этого оружия только из газет! Впрочем, почему тут удивляться, если о своем прямо-таки поразительном незнании одновременно заявили и члены группы начальников штабов Пентагона и ряд других высокопоставленных сотрудников высших органов государственного аппарата США. Может быть, самое поразительное во всей этой истории то, что о существовании этого оружия, оказывается, «не знал» до самого последнего времени даже министр обороны США Гарольд Браун. Наиболее пикантной подробностью здесь является то, что именно он возглавлял в 1959 году Ливерморскую лабораторию научных исследований в Калифорнии, где

как раз и родились идея создания, первые проекты и, наконец, получила свое реальное воплощение нейтронная бомба... Кстати говоря, средства на разработку и производство этого новейшего вида оружия массового уничтожения хитроумно маскировались в расходах безобидного учреждения — «Управление энергетических исследований и разработок» — по графе с еще более безобидным названием: «Строительство плотин и канализационных систем»...

Ну, а сейчас, когда американская администрация стала неожиданным образом, «из газет», узнала о существовании нового смертоносного оружия, как она реагировала? Ведь сколько было сказано ее самыми высокопоставленными представителями о «намерении прекратить безумную гонку ядерных оружий», о планах «решительного сокращения военных расходов»... Восторжествовала опять-таки недоступная нормальному человеческому разуму логика империалистов. Президент Картер признал, что применение ядерного оружия является «ужасной перспективой», что нейтронная боеголовка может привести к «настоящей войне», и высказался за то, чтобы начать... ее производство! А эмиссары Пентагона рванулись в Европу, к своим коллегам по НАТО, чтобы обрадовать их своим новейшим, «современнейшим, эффективнейшим суперподарком». Правда, пока что большинство европейских правительств отказывается от него. Им отнюдь не хочется стать пешками в опасной игре воинственных кругов военно-промышленного комплекса. С полным основанием они видят в стремлении американской военщины навязать Европе новое оружие возрождение старых ее планов, предлагающих, по выражению одного известного американского исследователя, «что европейцы снова будут сражаться за интересы Соединенных Штатов, а американцы будут наслаждаться зрелищем того, как Европа разорвет себя на куски»... Однако и в европейских странах есть круги, открыто заявляющие о своем стремлении «остановить коммунизм любыми средствами», истерически проповедующие, что «лучше быть мертвым, чем красивым»...

Как остановить новую угрозу самому существованию человека? Угрозу, которая возрастает в тысячу раз именно потому, что нейтронная боеголовка из-за своих небольших размеров и искусственно распространяемых легенд о ее тактическом предназначении может попасть в руки сотен, а может быть, тысяч людей — командиров огромного количества артиллерийских подразделений, расположенных в Западной Европе. Кто может ручаться, что нейтронный заряд не попадет в руки какого-нибудь фанатика? Ставки в этом случае слишком большие. Риск недопустим. Одна маленькая искра может вызвать глобальный ядерный пожар.

Можно ли предотвратить эту угрозу? Это проблема всемирного значения. Над ней думают все. Предлагаются различные решения, вплоть до самых невероятных. В частности, не так давно некоторые вроде бы здравомыслящие люди на Западе предложили обменяться своим рода «заложниками мира»: направить для жительства в противостоящие государства людей, которые в случае нападения на их родину могли бы взорвать специально заминированные с этой целью крупнейшие города страны-агрессора. Предполагалась и масса других нелепых проектов, которые опираются на ту же странную основу — на то, чтобы достигнуть «равновесия страха». А между тем существует очень простой и ясный путь. Путь, который намечен Советским Союзом. Путь всеобщего и полного разоружения, путь мирного существования, отказа от применения силы для решения международных проблем.

Этот путь был начат в первый же день рождения Страны Советов, провозгласившей основным принципом нашей внешней политики мир между народами. Только за первый год своей работы Советское правительство внесло 11 предложений о мире. В разгар интервенции, 5 декабря 1919 года, VII съезд Советов принял резолюцию, в которой заявил, что молодая республика «желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство». Характеризуя основы ленинской внешней политики нашего государства, народный комиссар Г. В. Чicherin говорил в июне 1920 года: «Наши лозунги были и остаются один и тот же: мирное существование с другими правительствами, каковы бы они ни были». На Генуэзской конференции в 1922 году советская делегация предложила «всевобщее сокращение вооружений» и заявила о намерении поддержать, в свою очередь, все предложения, которые бы имели целью «облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств».

С самого начала ядерной гонки вооружений, развязанной американским империализмом, Советский Союз выступил за принятие всеми государствами обязательства не применять ни при каких обстоятельствах ядерного оружия, запретить его производство и хранение, уничтожить все имеющиеся запасы такого оружия.

«Энергия атома — только для мирных целей — с таким призывом обращается к правительствам и народам в год своего шестидесятилетия Советское государство», — говорил в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» в ноябре 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, с именем которого связана самая блестящая страница истории внешней политики нашей страны сегодня. Дальнейшим развитием величественной Программы мира стали выдвинутые им в год 60-летия Страны Советов новые предложения, направленные на то, чтобы устраниć угрозу ядерной войны. «Сегодня мы предлагаем сделать радикальный шаг: договориться об одновременном прекращении всеми государствами производства ядерного оружия. Любой такого оружия — будь то атомные, водородные или нейтронные бомбы или снаряды. Одновременно ядерные державы могли бы взять обязательство приступить к постепенному сокращению уже накопленных его запасов, продвигаясь вперед вплоть до полной, «стопроцентной» их ликвидации».

Четкие и ясные советские предложения получили практически единодушную поддержку всех народов Земли на высшем международном форуме — XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, завершившей свою работу в самый канун нового, 1978 года.

Станет ли этот год годом свершения надежд людей доброй воли? Прервается ли наконец страшный мартиролог жертв военных столкновений, которые за свою тысячелетнюю историю поглотили более трех с половиной миллиардов человеческих жизней?

Нет более гуманного строя, чем наш советский строй. Нет более благородных целей, чем цели, которые ставит перед собой наш советский народ, наша партия, наше правительство.

В активности каждого человека, в его стремлении отодвинуть нашу планету от края ядерной катастрофы — залог будущего человечества.

...Со скоростью 30 километров в секунду мчится в черной бездне Вселенной наша маленькая голубая планета. Остановить зловещее тиканье «адской машины», подложенной империалистами в наш общечеловеческий космический корабль, — таково неотложное вение времени.

'гуманитарные звери мира'

ПОВЕСТЬ

1

Пшеничное поле вдоль дороги между аптекой и покосившейся конторой «Заготскот», где во время оккупации хранилось зерно, образовалось потому, что немцы удирали из поселка очень поспешно, мешки от тряски проходились и заселяли вспаханную танками и вездеходами обочину улицы. К лету прямо посреди поселка вызрело небольшое, но густое пшеничное поле. Почему-то никто не покушался на него — ни взрослые, ни дети, может быть, потому, что вокруг было полно заброшенных полей, а это городское поле получилось прямо как настоящее: с запахом нагреветого на солнце хлеба, бороздами, сорняками. По нему проложили тропинки, и между аптекой и конторой «Заготскот» можно было ходить почти невидимым, такой густой и высокий вырос хлеб.

Юрик Оленьев шел по этому пшеничному полю на базар продавать сельдерей. Он каждое утро ходил продавать сельдерей, хотя сельдерей никто не покупал.

Продавать сельдерей его заставляла тетка, сестра матери, у которой Юрик Оленьев жил в последний год войны, толстая добрая женщина, но с отклонениями. У тетки было много всяких отклонений, как вполне беззубых, так и опасных, но Юрик Оленьев больше всего страдал от одного. Неизвестно, по какой причине тетке пришла мысль выращивать на огороде сельдерей. Скорее всего потому, что в Макеевке, куда он приехал, спасаясь от голода, никогда не слышали про сельдерей, и тетке вдруг показалось, что на сельдерее можно сделать большой бизнес. Ей вдруг втемяшилось в голову, что все жители Макеевки просто из рук будут у нее рвать сельдерей.

И вот Юрик Оленьев, набив кошелек этим дурацким сельдереем, вынужден был каждое утро таскаться на базар.

Вообще-то тетка была жалостливым человеком, к Юрику она относилась хорошо, защищала от нападок своего пьяного мужа, кормила вполне прилично, намного лучше, чем кормили другие таких дальних родственников, как племянник. Но когда дело касалось ее отклонений, тетка становилась безжалостной и даже жестокой.

Одно из таких отклонений чуть не стоило жизни ее мужу Архипу Пантелеевичу. Архип Пантелеевич был не менее интересным человеком, чем его супруга. У него тоже имелось несколько странностей, но не таких последовательных и упорных, как у тетки. У него были обычные человеческие странности, каких много у людей, и о них, может быть, не стоило бы говорить, но из-за одной, а именно из-за того, что трезвым он ничего не помнил, что говорил и делал пьяным, у теткиного мужа было много неприятностей. Когда Архип Пантелеевич выпивал, он никак не мог сообразить, откуда у него доме взялся мальчишка — Юрик Оленьев, и это очень раздражало Архипа Пантелеевича. Дело в том, что приезд Юрика в Макеевку совпал с трезвым моментом в жизни Архипа Пантелеевича. Архип Пантелеевич хорошо отнесся к приезду племянника, можно сказать, отнесся по-человечески, хотя, если быть честным, ему вообще-то было наплевать на приезд племянника, больше того — он должен был быть даже недовольным, так как появился лишний рот; и потом, когда бывал трезвым, тоже хорошо относился к Юрику. Но когда Архип Пантелеевич напивался, приезд племянника начисто выветривался из его головы. Когда Архип Пантелеевич напивался и видел у себя в доме Юрика Оленьева, он сначала впадал в столбняк и мог вертеть лишь одной головой.

Юрик ходит по комнате, накрывает на стол, подметает, а Архип Пантелеевич сидит на лавке и вертит вслед за ним головой, как сова. «Черт... что за черт...» — бормочет Архип Пантелеевич и морщит лоб.

Потом Архип Пантелеевич немного приходит в себя и пытается выяснить, что надо у него в доме постороннему мальчишке:

— Эй, ты... Слыши... Ты чего, а? Ты кто?

— Я Юрик Оленьев, ваш племянник.

Архип Пантелеевич окончательно теряется. Он не помнит, чтобы к нему приезжали какие-либо племянники. Он вообще первый раз слышит, что у него есть племянник.

— Племянник? Странно... А когда же ты успел родиться?

— В 1936 году.

— В 1936 году?

— Да.

Архип Пантелеевич еще больше морщит лоб. Видно, ему мучительно трудно вспомнить, что в 1936 году у него появился какой-то племянник.

— Эй, ты... а к нам почему, а?

— Вы сами мне разрешили.

— Я? Гм... А ну подойди сюда.

Юрик бросал работу и приближался на безопасное расстояние.

— Ближе...

— Ближе не могу.

— Почему?

— Боюсь.

— Чего же ты боишься, дурачок! — Голос у Архипа Пантелеевича становился приторно-ласковым.

— Вы меня с крыльца кинете.

— Не кину.

— Нет, кинете.

— Говорю, не кину.

— Прошлый раз кинули.

— Прошлый раз тут тебя не было.

— Был.

— Говорю, сейчас не кину, паскуденок!

Архип Пантелеевич начал раздражаться. Пора было сматывать удочки, но Архип Пантелеевич тоже понимал это и продвигался по лавке ближе к двери.

— Я сам от вас уйду, — говорил Юрик.

— Вот видишь! — торжествовал Архип Пантелеевич. — Значит, ты забрался к нам неспроста!

— Конечно, неспроста.

— Признавайся, зачем забрался? Сундук украдь?

— Сундук.

— Я сразу догадался, что ты забрался сундук украдь, — радовался Архип Пантелеевич и бросался на Юрика.

Иногда удавалось удрать. Но чаще всего Архип Пантелеевич ловил племянника и вытакивал его в шею за дверь:

— Кыш отсюда, шантрапа нечастная!

Сундук был единственным серьезным достоянием семьи Бирюлиных. Даже самый неразборчивый вор не нашел бы в доме ничего ценного. Кроме сундука. Сундук не запирался и был наполнен всяким хламом, да и то наполовину. Ценен он был, конечно, не этим хламом. Сундук был ценен сам по себе. Архип Пантелеевич изготовил его собственноручно. Работал Архип Пантелеевич стрелком военизированной охраны на мебельном комбинате. Работа была не очень изнурительной, можно даже сказать, что она была совсем не изнурительной, а если уж быть честным, то работы у Архипа Пантелеевича почти никакой не было. Сиди себе в проходной, поглядывай на идущие мимо физиономии, а физиономии сами по себе были достаточно знакомыми, и струй гадости. Потом эти дощечки Архип Пантелеевич олифил, полировал и покрыл различными красками в фабричной красильне. Эти дощечки были разной формы и разных размеров, и из них Архип Пантелеевич конструировал сундук.

Сундук стоял возле окна, и когда на него падало солнце, весь сверкал и плавился в его лучах, как сказочный ларец, полный сокровищ. Мысль, что это не сундук, а ларец, усиливала еще разноцветная курица, которая парила на крыше сундука, держа в лапах желтый бруск. По замыслу автора, курица должна означать жар-птицу, несущую в дом богатство в виде куска золота.

Однако богатство никак не хотело идти в дом Бирюлиных. Скромной пенсии и небольшой зарплаты Архипа Пантелеевича явно не хватало, чтобы заполнить сундук добром. Не могла принести сокровища и доходы тетки, которая на углу улицы торговала государственным морсом.

От расстройства, что проклятый сундук оставался пуст, как и в первый день своего сотворения, Архип Пантелеевич часто напивался, что, естественно, не могло увеличить сокровищ. И вот однажды, возвращаясь домой пьяным, как уже говорилось выше, он чуть не погиб, столкнувшись с одним из самых непонятных отклонений жены.

Дело было так. Подходя нетвердой походкой к калитке, Архип Пантелеевич увидел в своей крепкой, мазаной ограде пролом. Архипу Пантелеевичу надо было быть огорчиться такому обстоятельству как хозяину усадьбы и домовладельцу, но Архип Пантелеевич ни капли не огорчился, даже не только не огорчился, а обрадовался. Дело в том, что у калитки был довольно капризный запор, и Архипу Пантелеевичу пройти во двор в нетрезвом состоянии было весьма затруднительно, а иногда просто невозможно, и если бы не жена; то частенько приходилось бы почевать под этой проклятой калиткой. Но пока до глуховатой жены достучишься, пять раз заснешь и пять раз проснешься.

И вдруг пролом! В проломе голубело небо и плыли по небу белые облака, а на заднем плане, в огороде, ходило стадо гусей. У Архипа Пантелеевича отродясь не водилось гусей, и он очень удивился, откуда их взялось целое стадо.

Все это: и пролом, сделанный через сквозной узкий пролом, и стадо гусей — было довольно странным обстоятельством, но Архип Пантелеевич так обрадовался возможности не возиться с проклятой калиткой, что не стал особо раздумывать и вломился в пролом правым плечом. В ту же секунду его швырнуло на землю. Архип Пантелеевич озадаченно поднялся.

В проломе по-прежнему голубело небо, плыли облака и ходили гуси.

Архип Пантелеевич выругался, надел упавшую в траву фуражку и опять вломился правым плечом и вновь очутился на земле.

Архип Пантелеевич озлобился. Ему показалось, что по ту сторону ограды кто-то спрятался и выставляет ему навстречу что-то железное и плоское, может быть, печную заслонку.

«Ну, погоди, гад», — подумал Архип Пантелеевич, разбежался на сей раз как следует и влетел в пролом на страшной скорости. Но зато и назад его швырнуло с не меньшей, а может быть, и большей скоростью, аж до самой дороги, по которой возвращалось домой стадо коз. Козы в панике разбежались.

Архип Пантелеевич на некоторое время впал в забытье. А когда очнулся, то совсем озверел от наглости шутника. На этот раз Архип Пантелеевич решил ворваться в пролом с камнем, что лежал возле дороги. Камень был очень большой и старый, обросший мхом, может быть, даже это был ледниковый валун. Архип Пантелеевич твердо решил покарать наглого шутника, покрепче обхватил камень и уже начал набирать скорость, и, вероятно, этот бросок оказался бы для него последним, если бы его не обхватила сзади соседка, которая следила давно за этой сценой. Соседка симпатизировала Архипу Пантелеевичу, а давным-давно, так давно, что это, казалось, было вчера, когда Архип Пантелеевич ходил лихим кавалеристом в буденовке с красной звездой, даже любила его...

— Что же ты, дурачок, бьешься в стекло, как петушок неразумный. Зеркало это. Это твоя дура-баба зеркало вмазала.

И в самом деле — тетка давно носилась с идеей вмазать в ограду большое зеркало, какое обычно вставляют в шифоньер. Она часто мечтала об этом зеркале, но Архип Пантелеевич не верил в это дело и потому забыл.

— Пусть люди смотрятся, — мечтала тетка. — Пьяничужка, может, на себя глянет, стыдно станет. Да и вообще красиво, когда зеркало на улице стоит.

...И вот вмазала... Неделю ходил с перепугу Архип Пантелеевич трезвый, потирая уши, а через неделю опять напился, и все повторилось сначала.

Рисунок Валерия СМИРНОВА

— Убери ты это чертова зеркало,— просила соседка тетку.— Ведь разобьется насмерть твой петух!

Однако тетка лишь упрямо поджимала губы. Ничто не могло заставить ее снять зеркало. Зеркало так и оставалось висеть, только перед приходом Архипа Пантелеевича тетка завешивала его старым мешком...

Несмотря на приверженность Бахусу, Архип Пантелеевич был хорошим человеком, и если Юрику Оленьеву удавалось усыпить его бдительность, то выяснение личности чужого человека в доме кончалось ничем, и утром пропретрзевевший Архип Пантелеевич как ни в чем не бывало гладил племянника по голове и разыскивал для него в карманах штанов липкие, обвалившиеся в махорке конфеты.

За выращивание сельдерей тетка взялась, наверно, из-за курицы — жар-птицы, мчавшейся по крышке сундука с золотым слитком в лапах. Эта курица — жар-птица была живым укором для тетки... Оставалось неясным, почему именно сельдерей должен был сыграть роль золотого слитка и каким образом тетка достала его семена, но факт остается фактом — в один прекрасный момент на огороде зазеленел сельдерей.

Сначала все шло отлично. Сельдерей вымахал огромным, жирным, зеленым. Только одно было плохо — никто не знал, какую часть сельдерея: корни или листья — надо употреблять в пищу. Поэтому продажа сельдерея являлась сплошным риском.

— Шо воно такэ? — спрашивала какая-нибудь хохлушка у Юрика, теребя заскорузлыми пальцами нежные побеги.

— Сельдерей, — отвечал Юрик упавшим голосом, предчувствуя дальнейшие неприятные вопросы.

— В борщ чи так его исты?

— В борщ... и так...

— А ще выбрасывать? Ботву чи корень?

— Ничего, — рисковал Юрик. — Все съедобное.

Последний довод оказывался решающим. Хохлушка брала сельдерей на пробу, а Юрик на следующий день менял место — опасался скандала.

Продажа сельдерея шла тут, за день Юрик реализовывал всего несколько пучков, а остальное выбрасывал в придорожную канаву. Не помогала и стратегическая хитрость, придуманная теткой и применяемая обычно в базарный день, когда в Макеевку съезжалась с окрестных сел масса народа. В этот день тетка приходила на базар вместе с Архипом Пантелеевичем, и они образовывали к Юрику очередь, прищенивались, торговались, поднимали большой шум.

— Давай мне двадцать пучков! — кричала тетка. — Наконец-то и к нам стали возить! Я его так люблю! Откуда привез, сынок?

— С Дагестана, — отвечал Юрик и нахлобучивал на глаза необыкновенную кепку Архипа Пантелеевича.

— За добро и денег не жалко, — говорила тетка и лезла под юбку за деньгами.

— На закус хорош, со сметаной, — бормотал Архип Пантелеевич запограммированные для него слова.

Несколько человек обычно поддавались на провокацию, но крестьяне — народ осторожный и брали лишь по пучку, на пробу, тут же жевали, плевались, и дальше этого дело не шло.

II

Юрик Оленьев с кошелкой, в которой лежал уже увядший сельдерей, миновал кирпичную, испещренную выбоинами от осколков и пули водокачку, прошел чахлый, вытоптанный до блеска сквер у разрушенного бомбой двухэтажного дома и вышел на пустырь, за которым располагался базар.

На пустыре, засыпанном осколками кирпича, битым стеклом, пустыми консервными банками, ржавыми, рваными гильзами снарядов, малышня играла в войну. «Немцы» в продырявленных касках с нарисованными мелом свастиками оборонояли «крепость», составленную из железных бочек из-под бензина и солидола, а «наши» в пилотках с настоящими красными звездочками наступали на них, кидая камни и пустые гранаты, у которых были длинные деревянные ручки.

— Бей гадов! — кричали «наши».

— Рус, сдавайся! — отвечали «немцы».

Юрик постоял, наблюдая за паднами, очень уж не хотелось продавать ненавистный сельдерей, потом побрел по дорожке вдоль забора. Забор был из старых, гнилых досок, он отделял пустырь от базара и всем своим видом наводил уныние. Вдоль забора валялся всякий хлам: тряпки, рваные башмаки, дохлые кошки... На заборе мелом изображалась всякая неприличная ерунда.

И вдруг Юрик осталбенел. Кошелка с сельдереем чуть не выпала из его рук. На серых, унылых, грязных, испещренных ругательствами досках радостно сиял всеми цветами радуги огромный глянцевый квадрат. Юрик уставился на него, не веря своим глазам. Это был плакат. С плаката скалился громадный усатый тигр. Тигр только что проснулся, и сразу было видно, что он голоден, что он еще не завтракал, но полон решимости позавтракать. Его верхняя губа дрожала, голова

покачивалась в такт крадущимся шагам: вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево, вверх-вниз, как у игрушечных болванчиков, которых продавал на базаре китаец. Толстые, сильные лапы пружинили, каждую секунду готовые прижать огромное тело к земле, чуть помедлить, чуть поиграться, дать хвосту-канату послевать с метелок трав пыльцу, прижаться к голове ушам, чтобы не был в них ветер, и вдруг страшным рывком кинуть вперед послушное гигантское тело прямо на добычу, на мягкую, нежную спину добычи, вонзить страшные когти в эту спину и удержать ее, пока пушистые губы не подберутся к шее, к той артерии, которую знают все хищные звери, артерии жизни...

Сзади тигра, на огромном, развесистом дереве, таком огромном, что оно охватывало своими ветвями весь плакат (наверное, это был баобаб), сидели две одинаковые макаки в белых воротничках. Они сидели склонившись, устремив на тигра завороженные, ненормальные глаза, похожие на глаза людей, услышавших свист бомбы, сидели, судорожно вцепившись в коричневый, обросший мхом сук. Кажется, они не перенесут прыжка тигра, сердца их не выдержат, затрепещут судорожно, разорвутся, и безжизненные тела макак свалятся под ноги тигру.

Но макаки зря боялись тигра. Им не стоило бояться тигра, потому что тигру все не было никакого дела до макак. Зачем тигру невкусные, маленькие, мохнатые, забивающие рот шерстью макаки с их ужимками, противными рожами, когда есть такая великолепная пища, как лань или антилопа? Нет, макаки зря так вытаращились на тигра. Им надо было не на тигра таращиться, а оглянуться назад. Прямо над ними нависла треугольная уродливая голова удава. Казалось, удав слегка усмехался и облизывался, предвкушая удовольствие...

Позади удава теснились еще какие-то звери, наверно, хищные, потому что у них всех были крадущиеся движения и упругие тела. Весь плакат был забит зверем. В самом нижнем правом углу текла река, и она тоже кишила крокодилами, носорогами, черепахами, змеями...

Внизу плаката было крупно написано:

«ДИКИЕ ЗВЕРИ МИРА!
ВСЕГО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

ПРОЕЗДОМ ИЗ ОДЕССЫ!

СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ МИРА:

тигра, льва, гиену, леопарда, рысь, медведя, зебру, носорога, крокодила, бегемота, удава, очкастую змею и еще 23 вида, а также

ВСЕХ В МИРЕ

ДИКИХ ПТИЦ!

Цена за вход 100 рублей.

Начало в 15 часов».

Увидеть сразу всех зверей мира! Увидеть тигра, льва, носорога!

Юрик выбросил под забор сельдерей и со всех ног приступил к дому своего лучшего друга Зайца. Заяц тогда еще был жив, он тогда еще не превратился в маленький зеленый холмик в самом углу кладбища с покосившимся крестом, на котором было написано: «Петр Семенович Друздилин. 1935—1944», — а в скобках химическим карандашом приписано коряво, наспех, очевидно, кто-то после похорон пробрался к могиле и приписал: «Заяц». С мягким знаком — сразу было видно, что этот кто-то не из отличников...

Заяц не поверил. Да и кто бы поверил на его месте: к ним в захолустную Макеевку со всего мира прибыли звери и птицы.

Друзья сбегали посмотреть на плакат, и здесь, на пустыре, у плаката, со всей остротой встал вопрос: где достать двести рублей? Нечего было и думать, что двести рублей дадут тетка или Архип Пантелеевич. Еще меньше можно было полагаться на мать, Зайца. Мать Зайца была беднее мыши, живущей на каком-нибудь не производящем продукты предприятия, например, на электростанции. Она и вообще напоминала маленькую большую мышь, всю выпачканную цементной пылью — мать Зайца работала грузчицей на железнодорожной станции.

Эх, если бы сейчас здесь была мать Юрика... Юрик даже зажмурился: так ясно представало перед ним лицо матери... И те дни...

...Ночь, метель... Сгорблленные фигурки людей на перроне... Человек в тулупе до земли, с винтовкой через плечо, медленно прохаживающийся по перрону. Он похож на бронированную башню на колесах. В небе несет луна, но это не луна, а прожектор элеватора. Беспрерывно хлопает дверь вокзала, низкого дощатого строения, облепленного снизу снегом в жёлтых пятнах.

У забора, огораживающего перрон от привокзального сквера, с заметенными почти пояс низкими акациями, на самодельном, из нетесаных досок чемодане сидит закутанный в пуховый платок мальчик. Этот мальчик — Юрик. Он едет с матерью из голодного, холодного села, где немцы все съели и разграбили, в теплую, сытую Макеевку, где немцы были совсем немного и не успели все съесть и разграбить. Едут они бесконечно долго, и Юрик даже постепенно стал забывать тот день, когда они выехали.

Неожиданно полотно снега разрывается сразу в нескольких местах и проступают два неровно горящих глаза: один ярче, другой тусклее, темный широкий лоб, по которому бегут струйки пота, выступающая вперед челость с рядом зубов, отвисшее правое ухо. Огромное лицо надвигается, и постепенно страшные горящие глаза превращаются в залепленные снегом подслеповатые фары, зубы становятся решеткой, а отвислое ухо — перепачканным машинистом, высунувшимся пояс из окна паровоза и смотрящим вперед. Черное туловище машины блестит в свете вокзальных фонарей и похоже на крупного бежавшего лошади. По бокам локомотива стекают струйки воды, паровоз тяжело дышит, от него валит пар, и Юрику кажется, что лоснящиеся бока машины поднимаются и опускаются.

— Мама! — кричит Юрик. — Мама!

Мать стоит в буфете в очереди за пирожками со свекольным повидлом. Неужели она не знает, что пришел поезд? Из помещения вокзала валом валит народ. Дверь уже не хлопает, а непрерывно жалобно стонет.

— Мама!

Да что же это она! Разве теперь пробиться им через толпу, которая осадила вагон?

Наконец-то... Мелькнуло родное лицо. Пуховый платок с бахромой сбился на бок, на гладко зачесанные черные волосы падает снег.

— Господи, — бормочет мать, навьючивая на себя узлы и хватая чемодан. — Два человека оставалось... Столько стояла... Взяла, бери! — Мать наклоняется, и Юрик лезет к ней за пазуху, где в чистой белой тряпочке прощупываются теплые мягкие пирожки... Юрик вынимает чудесно пахнущий, поджаристый, с вылезшим и запекшимся повидлом пирожок, остальные засовывает назад, а мать уже бежит, покачиваясь под тяжестью узлов и чемодана, по скользкому перрону...

— Скорее, Юрочка... Господи, не успеем...

Вагон забит уже до отказа, люди висят на подножке, напирая на кондуктора, сужающиеся поверх голов, умоляя... Сухонькое тело матери отчаянно бьется о спекшуюся массу, пытаясь потеснить ее. Но куда там! Масса даже не ощущает материнских усилий. Только самый крайний мужик в рыхлом полуслубке пружинит задом, смягчая удары матери. Юрик стоит рядом, не зная, что делать...

Передохнувший паровоз начинает собираться в дорогу. Дыхание его учащается, но медленно и неохотно. Видно, паровозу страшно не хочется снова тащить тяжелый состав сквозь пургу, по холодным, занесенным снегом путям...

Вдруг паровоз свистнул, выдохнул пахнущий мокрым углем воздух, бешено застучал колесами. Мимо побежали забытые люди с фонарями. Перрон дрогнул вместе с грудами ящиков и мешков, с озабоченными железнодорожниками, с закутанным, вросшим в землю стрелком охраны... Дрогнул и поплыл, все увеличивая и увеличивая скорость...

Держась за поручень и вцепившись в полу материнского пальто, Юрик бежит рядом с вагоном. Потом перрон кончился, Юрик на мгновение повис в пустоте и полетел головой в сугроб.

— Ма-ма, ма-а-а!

Мать пытается ногой нащупать землю. Оглянуться она не может, так как обеими руками держится за дядькин кожух. Поезд идет все быстрее и быстрее. Уже виден хвост состава.

— Ма-ма-а-а-а! Прыга-а-а-а!

Мать бросила дядьку в кожух и стала падать спиной назад, то цепляясь за

поручни, то скользя по гладкому кожуху пальцами. Ей удается упасть не затылком, а на бок, в двух шагах от стрелки. В первый момент Юрику показалось, что она упала на стрелку — в пурге ничего нельзя было различить, что она со всего маху ударила головой о чугунную стрелку и теперь лежит мертвая, с разбитой головой, но когда он подбежал, то увидел, что мать сидит в сугробе, в двух шагах от стрелки и уже встает на колени ему навстречу, помогая себе руками, с которых соскочили варежки. Платок сбился ей на затылок, и длинные пушистые волосы (даже в этой жуткой поездке матерью ухитрялась часто мыть голову), волосы, в которые Юрик, когда был маленьkim, любил заплывать, обеими пятернями, забиты снегом... Рядом белели узлы, в узлах были их самые ценные вещи. Чемодан мать бросила на перроне — там находились предметы, без которых можно обойтись: посуда, сменная одежда, предметы туалета...

— Тебе больно? — спросил Юрик, помогая матери встать.

— Ничего, сынок... Хорошо — снег... Господи! — Мать села на узел и заплакала. — Дура я, дура... Встала за этими пирожками... Когда теперь следующий-то будет...

Мать принялась вытирахивать снег из волос, но снег не вытирахивался, и Юрик протянул ей свою железную расческу.

— На...

Замерзшие волосы были, как колючая проволока, и мать ничего не могла с ними сделать.

— Дай я...

Юрик взял расческу и осторожно стал приводить в порядок ее волосы, время от времени дыша на свои замерзшие пальцы.

— Ну, вот и готово! — сказал он преувеличенно бодро.

Мать покрылась пуховым платком.

— Господи, теперь голова вся мокрая будет... Пошли на вокзал... Чемодан наш там... Не то что!

Они обошли весь перрон, но чемодан не нашелся. В душе они и не надеялись на это. Было бы странным, если бы сохранился одиноко стоящий на перроне чемодан.

Когда будет следующий поезд, никто не знал. Может быть, через час, а может, через трое суток. Не знал даже комендант в красной фуражке. Боже мой, как хотел Юрик стать комендантом в красной фуражке! Стать начальником станции всего на несколько минут. Надеть хромовые сапоги, красную фуражку и пропустить вне очереди только один гражданский состав, всего один состав, но чтобы там сидели они — Юрик с матерью...

Ночью на станцию был налет. Юрик проснулся от жуткого воя сирен — они спали с матерью в здании вокзала на жестком диване, подложив под голову узлы. Человек с красной повязкой, с опухшим от бессонницы лицом бегал между диванами, тряс спящих и сорванным голосом кричал:

— Воздух! Воздух! Всем в убежище!

Но в дверях и так уже была давка. Юрика с матерью закрутило в водовороте у двери, они двинулись, вцепившись друг в друга, потом их отшвырнуло назад, матер споткнулась о чей-то чемодан, и они упали на пол.

Когда здание вокзала опустело, они вышли на улицу. Было ясно, морозно и тихо. Сирены уже не вились. Легкий снежок, блестящий, мелкий, почти как пыль, падал с высоких звезд. Привокзальный скверик, где была выбрана щель, стоял весь в снегу. Ветки и стволы деревьев были покрыты тонкой, поблескивающей корочкой, словно новогодние игрушки, которые продавались в их магазине: серебряные веточки с еловыми шишками. Перед этим, видно, была короткая оттепель, деревья стали мокрыми и черными, Юрик отчетливо представил, какие они были мокрые, все в мелких капельках, светящихся во тьме. Если провести по ветке ладонью, та сделается еще чернее, а пальцы станут влажными и будут горяко пахнуть корой.

Потом ударил легкий морозец и превратил капельки в хрустальные бусинки. Снег в скверике тоже не был похож на настоящий снег, а напоминал вату, пропитанную блестящим составом, из которой делают дедов-морозов, снегурочек и которую кладут под елки.

Юрик осторожно шел по тропинке вслед за матерью, он боялся каким-нибудь движением разрушить эту красоту.

Чуть в стороне, отбежав от дорожки шагов на двадцать, застыла белая акация. Осень ничего не смогла сделать с ней, и акация осталась такой, какой она была летом, — усыпанной густой листвой, кое-где даже висели сизые плоды. Но только все это теперь покрывала блестящая корка, и акация совсем уже не была акацией. Это было дерево из какой-то хорошей, красивой сказки. Каждый листок акации был серебряным, серебряным был ствол, серебряными свисали сережки. На верхушке дерева сидела черная ворона и, потревоженная пробежавшими мимо людьми, вертела во все стороны головой и каркала молодым сильным голосом. Юрику казалось, что от ее карканья листья содрогаются и тихо позванивают.

Возле вырытой в скверике противобомбовой щели толпилось много народа. Узкая дверь уже не могла принять всех желающих попасть внутрь, но люди все утрамбовывали стоящих в двери. Из щели доносились тяжелое дыхание и ругань. Другая часть, уже потерявшая всякую надежду проникнуть в щель, расположилась возле на снегу, пристроившись на узлах и чемоданах. Видно, им казалось, что переждать налет возле щели будет безопаснее.

— Пойдем отсюда, сынок, — сказала мать. — Подальше от станции.

Он перешли через железнодорожные пути, миновав улицу из вросших в землю саманных хат, прошли через огороды и спустились к оврагу. У оврага были крутые, покрытые твердым снегом склоны, и Юрик, вспомнив давним-давно забытые времена, хотя эти времена были лишь прошлой зимой, скатился на корточках вниз. Мать осторожно спустилась на дно, расчистила валенками площадку, положила узлы и сказала:

— Здесь и переждем.

И только она произнесла эти слова, как земля дрогнула один раз, другой, а потом затряслась мелкой дрожью и уже тряслась, не переставая. Только потом со станции до них донеслись глухие взрывы бомб и звонкие лающие выстрелы зениток.

Потом все стихло. Юрик даже удивился, как все быстро кончилось. Может быть, и не стоило уходить? Наверно, немцы бросили несколько бомб и улетели. Они с матерью посидели еще немного на узлах, прислушиваясь, но все оставалось тихо. Удивительно тихо.

— Пойдем, мама, — потянул Юрик мать за рукав. — Я хочу есть. Купим пирожков...

— Подожди, сынок...

Уж она-то знала немцев, его мать. За две недели постигла немецкую психологию: добивать, если уж начал бить...

Наверно, немцы не добили станцию, потому что вскоре снова задрожала земля, снова загавкали зенитки, и над оврагом, в той стороне, где была станция, встало зарево.

И еще раз... И еще... Юрик сначала считал, сколько раз тишина сменилась разрывами, потом бросил и просто смотрел на край оврага. Край оврага был розовым, словно в той стороне вставало солнце...

Когда, наконец, установилась длинная прочная тишина, они вылезли из оврага и пошли в сторону станции. Деревушка, которая расположилась возле, стояла вся красная от отблесков пожара.

Было пустынно и безмолвно.

По хрустящему снегу они дошли до станции. Вокзала, в котором они ночевали, не было. Вместо него дымилась груда кирпичей, из груды выбивались языки пламени и валил горько пахнущий дым.

Не было и водокачки.

Тот серебряный скверик, через который они шли час назад, был исковеркан взрывом, обгорел. У акации из волшебной сказки оказалась срезанной верхушка, и вся акация стояла теперь черная, сгорбленная, безмерно уставшая. На покрытом копотью снегу под нею валялась убитая ворона...

Немцам удалось разбомбить состав с возвращающимися в родные края беженцами. Тот самый, который они ожидали. Теперь оттуда ехали санитарные машины, неслись крики. Пылали, как факелы, теплушки, малиновыми дождевыми червями корчились рельсы.

Все было оцеплено солдатами.

Мать и сын постояли у оцепления, ежась от мороза. Со стороны горевшего состава веяло теплом...

— Теперь долго не будет поезда, сынок, — сказала мать. — Пойдем в какую-нибудь деревню подальше, переждем несколько дней, наменяем продуктов.

— Пойдем, мама, — обрадовано сказал Юрик. Ему было страшно на станции. Она казалась ему предательской лакомой приманкой, на которую, как мухи, слетались самолеты. Хотелось в тихие, заснеженные поля, пожить в теплой избе с широкими палатами, желтым, намазанным, приятно пахнущим опрятным хлевом полом; дверью прямо из кухни в сарай, за которой хрестит соломой добрая пегая корова; хотелось увидеть, как станут розовыми от встающего солнца покрытые морозными узорами маленькие окна, как прямо, густо, словно это что-то упротое, живое, поднимается в небо дым от печной трубы, и солнце делает его дымчато-золотым.

Они расспросили одного местного жителя, старику, и тот сказал, что в километрах в десяти есть село, которое стоит в стороне от большой дороги, и, наверно, там можно дешево наменять продуктов.

Они обошли оцепление и вскоре очутились в полях. Стихи гудки, грохот, крики. Померкло зарево. Занималось мягкое солнечное утро. Дорога шла среди оврагов, редких сосновых посадок, легкий морозец был приятен. Вокруг стояла белая тишина. Они совсем отвыкли от тишины за бесконечные сутки пути. Видно, и этот снежный простор, и эта тишина, и уже чуть-чуть пригревающее по-весеннему солнце подействовали на мать. Она повеселела и один раз даже тихо рассмеялась. Юрик очень удивился. Сколько он себя помнил, мать была или сердитой, или усталой, или плакала.

— Ты что, мама? — спросил Юрик.

Мать подняла с дороги конское яблоко.

— Дымится. Весна скоро. Когда я девчонкой была, мы всегда так весну узнавали. Ничего, сынок, все будет хорошо. Скоро приедем, немножко уже осталось. — Мать по-мальчишески зашвырнула конское яблоко, и оно весело поскакало по дороге. Потом отряхнула пуховые варежки и обняла сына за плечи. — Все будет хорошо, сынок. Война кончится, вернемся назад, посадим огород, картошку, помидорчики, огурчики, кукурузу. Я очень люблю молодую кукурузу... Ты ведь тоже?

— Да. Я тоже.

— И отец наш найдется...

С того страшного воскресного утра, когда почтальон принес бумажку со словами «Пропал без вести», мать ни разу не заговаривала об отце. Только вот сейчас, здесь за городом, где стояла снежная тишина, зеленели совсем по-новогоднему сосновы посадок, покрытая стеклянным кружевом убегала за горизонт колея, дымились конские яблочки, предвещая весну...

— Не надо, мам...

— Это я от радости, сынок... Дожили, все-таки до весны... Я уж думала, не доживем...

— Ну, что ты, мама...

— Ах, сынок, сынок... Ты не знаешь, как мне было тяжело. Мои дочки... Девочки мои... Нет их больше...

— Перестань, мам... Не плачь.

— А я и не плачу.

Мать отвернулась и сказала неожиданно твердо:

— Даже если, не приведи господь, наш отец совсем не найдется, теперь я уверена — выживем. Ты вон какой большой вымахал. Войне-то конец скоро. Погнали, наконец, проклятого!

Они одновременно услышали гул. Со стороны деревни низко заходил самолет. Он шел против солнца, и отсюда нельзя было узнать, чей это самолет. Скорее всего наш возвращался на аэродром. Немцы не летают в одиночку, да еще днем, да еще так низко.

Впереди самолета бежала тень, переламываясь на склонах оврага, как сказочный зверь-половынь. Неожиданно самолет взял левее и понесся прямо на них. Прежде чем мать и сын увидели свастику, они уже знали, что это немецкий самолет. Они упали лицом вниз на дорогу. Они упали машинально, как привыкли падать во время бесчисленных бомбежек, хотя оба знали, что это конец. Летчик, раз он свернулся на них, будет стрелять из пулемета, а в лежащего человека стрелять намного удобнее, чем в бегущего.

Та-та-та-та...

Самолет пронесся мимо со страшным ревом. Юрик поднял голову и увидел между собой и матерью, параллельно их телам, бороздку, которой до этого не было. Бороздку, похожую на стежку, оставленную мышью-полевкой, только покрупнее. Стежка была совсем близко. До нее можно было дотронуться локтем. Она начиналась чуть дальше их ног, тянулась между телами матери и сына, почти точно посередине, и кончалась уже за дорогой, на озимых, но не очень далеко, метрах в двух или трех. Там она была больше похожа на стежку, оставленную мышью-полевкой, а здесь, на дороге, она все-таки выглядела тем, чем была, — пулеметной очередью.

Потом Юрик посмотрел на самолет и увидел, что он почти скрылся. Его черное тело, как тело мерзкого насекомого из страшной сказки, висело низко над посадкой. «Хоть бы зацепился за дерево и упал», — подумал Юрик, хотя знал, что так не бывает.

Мать встала на колени, потом тяжело, помогая себе руками, поднялась и стала отряхивать снег с пальто. Губы и щеки у нее были серыми. Юрик же успел встать лишь на колени, когда увидел, что самолет возвращается. Он шел назад, распухая на глазах, волоча над голубыми сосновами свое черное брюхо, отвислое

брюху мерзкого насекомого из страшной сказки. Мать тоже увидела самолет. Она не вскрикнула, не двинулась. Она смотрела на несущееся на них чудовище, будто так и знала, что оно вернется. Наверно, она все-таки знала, что оно вернется. Раз летчик отклонился от маршрута ради женщины и ребенка, значит, у него есть время, значит, он удачно слетал и сейчас у него хорошее настроение. Почему бы не походить в свое удовольствие!

— Бежим... — шепотом сказал Юрик. Они побежали. Хотя знали, что это бесполезно, что это ничего не даст. Если не попадет опять, он вернется еще и еще раз. Сколько надо. До тех пор, пока очередь не пройдет там, где ему нужно...

Справа и слева от них тянулись посадки. Они бежали в посадку, которая начиналась вправо. Вернее, была всего одна посадка, рассеченный дорогой. Но вдоль левой ее части заходил самолет, и они инстинктивно бежали от него, как будто это имело какое-то значение.

Мальчик бежал впереди. Мать отстала. Наверно, ей было тяжело бежать: сзади он слышал ее прерывистое дыхание, то быстрое-быстрое, то такое редкое, что оно совсем не улавливалось. Такое дыхание бывает у загнанной лошади, которая вот-вот упадет. Мальчик стал бежать медленнее, чтобы подождать мать, но та все время отставала.

Потом, много позже, когда он стал взрослым и часто вспоминал это, он понял, почему она отставала. Не потому, что устала, хотя, конечно, она устала бежать в тяжелых подбитых валенках по глубокому снегу после стольких лет голодовки, почти опухшая от голода, и все-таки, если бы захотела, она, наверное, не отстала. Она рассчитывала, что на сына не хватит очереди, что летчик начнет вести очередь чуть сзади нее, проведет через нее, через пространство от нее до сына, потом устанет, на мгновение оторвется от пулемета, а самолет уже проскочил, и, может быть, летчик не захочет возвращаться назад из-за мальчишки...

Тра-та-та-та-та...

Они успели добежать до первых сосен. Вернее, успел добежать он, Юрик, когда услышал этот стук.

Тра-та-та-та-та...

Как будто кто-то очень ловкий, очень музикальный, с очень хорошим слухом в свое удовольствие, просто так, от нечего делать, но в то же время гордясь своим тонким слухом, стучал палкой в дно железного таза. И у него получились абсолютно точные промежутки между ударами. Вот так:

Тра-та-та-та-та...

Юрик поднял голову и понял, что жив. Мертвые не поднимают голов. И мать тоже подняла голову. И вдруг Юрик увидел на лице матери страх. Он никогда еще не видел на ее лице страха. Даже тогда, когда она поднялась с дороги, на которой дынились весенним паром конские яблоки. Оно было тогда просто серым, и слегка дрожали тоже серые губы. Но страха не было. Это он точно помнит, что страха не было. Были просто серое лицо и серые губы.

А сейчас на ее лице был страх. Мальчик посмотрел по направлению ее взгляда и сразу понял, чего испугалась мать. Она испугалась стежки, похожей на след полевой мыши, только покрупнее. Эта стежка, как и та, первая, начиналась чуть раньше и кончалась чуть позже, только она не шла параллельно их телам. Она огибала их тела. Прямо, прямо, потом полукруг и опять прямо, прямо.

Летчик сделал контур их тел! Он играл с ними. И первый раз, когда провел очередь строго посередине между их телами, тоже играл. И сейчас. А сейчас будет третий заход. Играют ведь до трех раз.

Они сидели в снегу под молоденькими соснами, такими красивыми, пушистыми, и ждали. Ждали пять, десять, пятнадцать минут, пока поняли, что самолет больше не прилетит. До сих пор Юрик не может решить, почему летчик не прилетел в третий раз. Может быть, встретил наши самолеты, испугался и улетел. Может быть, у него кончилось горючее или патроны. А скорее всего, ему надоело: летчик думал, что прилетит в третий раз, возможно, даже начал уже разворачивать самолет, но потом ему надоело, и он улетел. Такое бывает. Делаешь что-то не очень обязательное для тебя, скорее даже совсем не обязательное, скорее для собственного удовольствия, даже не для собственного удовольствия, а просто так, от скучи. Собираешься делать это еще, но потом тебе внезапно надоест, ты бросишь прямо в том месте, где надоело, и принимаешься за что-то другое...

В деревне они наменили немного продуктов, вернулись на станцию и двое суток прожили в тесном, продуваемом насквозь, битком набитом людьми сарае, приспособленном под вокзал. На третьи сутки поздно ночью в сарай вошел начальник станции и тихим голосом, почти шепотом сказал:

— Сейчас поедем.

И от этого шепота все проснулись, задвигались, загалдели, и в дверях тотчас же создалась давка. Не пошевелилась только мать. Она спала на боку, привалившись к узлу и поджав колени. На ее лице было выражение покоя и умиротворенности. Еще ни разу не спала мать так спокойно... Юрику было жалко ее будить, но ведь сейчас придет поезд... Придет поезд! Он тронул мать за плечо:

— Мама, вставай... Сейчас поезд...

Плечо качнулось под его рукой, но мать не проснулась.

— Мама... мама...

Ах, как не хотелось Юрику будить мать! Наконец-то за сколько дней она забылась крепким сном.

— Мама, поезд!

Сарай уже почти опустел. Только возле остывшей печки-«буржуйки» сладко спал дед в кожухе, из кармана которого торчала бутылка с самогонкой, заткнутая пробкой из газеты, да рядом тетка в телогрейке и неожиданно модной шляпке безуспешно пыталась навесить на себя многочисленные мешки, узлы, котомки.

— Ух, елки-палки! — ругалась она. — Поразбежались, и не поможет никто! Мальчик, подай мне мешок.

Юрик подал ей мешок, но оставалось еще три узла, и их никак нельзя было унести. Тетка села на скамейку и заплакала.

— Дочка уехала с прошлым эшелоном, — сказала она сквозь слезы. — Ей удалось, а мне нет... Что же теперь делать?.. Пуховое одеяло, шуба. У вас мало вещей? Может быть, вы мне поможете?..

— Я не могу разбудить маму...

— Устала, наверное.

— Мама... Мама... Поезд!

Соседка сбросила с себя узлы, подошла к матери, дотронулась до ее лба.

— Отмаялась, сердешная...

— Что? — не понял Юрик.

— Не выдержала... Иди к начальнику станции, мальчик...

Соседка ушла, оставив три узла, а Юрик все тряс мать за плечо.

— Мама! Мама! Проснись! Ведь поезд!

Но мать лишь качала бессильной головой... Все-таки фашистский летчик настиг ее...

Окончание следует.

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В 1978 году конкурс на самое интересное письмо посвящен 60-летию ВЛКСМ. Хотелось бы, чтобы в юбилейном для комсомола году самое активное участие в конкурсе приняли комсомольцы и молодежь. Тема письма свободная. Это может быть письмо-исповедь, письмо-раздумье о том, что ты дал комсомолу и что комсомол дал тебе; это может быть рассказ о собственной судьбе, о духовных поисках, о самообразовании, о трудовых достижениях или о том, что мешает эффективному и качественному выполнению заданий десятой пятилетки; это может быть разговор о ровесниках, о том, что вам в них нравится и чего вы не приемлете, о взаимоотношениях личности и коллектива.

Мы будем ждать писем и от читателей старших поколений, от ветеранов комсомола, чьи рассказы о днях тревожной и славной молодости, чьи советы и наставления, основанные на богатом жизненном опыте, безусловно, окажутся полезными для юношества.

Наиболее интересные письма будут опубликованы в журнале. Победителей конкурса, как и в 1977 году, ждут премии — годовая подписка на журнал «Смена».

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ В НАХОДКУ!

Хочу рассказать читателям «Смены» о прекрасном городе, где я живу и в который я по-настоящему влюблен. Этот город — порт Нахodka, расположенный в Приморском крае, в заливе Петра Великого. Ему всего лишь 25 лет. И средний возраст жителей не превышает возраста самого города. Чистый, зеленый, он живописно расположен на склонах сопки, спускающейся к бухте; его улицы, дома свободно и естественно вписались в природный рельеф.

Сам я сибиряк, окончил мореходное училище и в 1971 году приехал в Нахodka.

Перед уходом в море, когда судно стоит на рейде, я люблю выходить на палубу и смотреть на сияющий ночной город. Тишину лишь изредка нарушает гудок тепловоза или морского катера. Эти ночные часы для меня незабываемы, — чего только не передумаешь в

это время. Здесь, в этом городе, сейчас тихо спят два моих самых дорогих человека — жена и сынишка. После долгого рейса мы любим всей семьей гулять по городу, и жена, как заправский гид, без устали рассказывает мне об изменениях в городе: построен новый жилой дом, и наши друзья поселились в нем, открыт магазин, кинотеатр, а в районе Соленого озера новый микрорайон растет не по дням, а по часам. А еще у нас есть ударная комсомольская стройка — порт «Восточный». Это уже вполне самостоятельный городок, гордость находкинцев. Построен комплекс для переработки древесной щепы. Город строится, растет. Я хочу обратиться со страниц журнала к молодежи: приезжайте к нам в Нахodka, здесь для каждого найдется интересное дело!

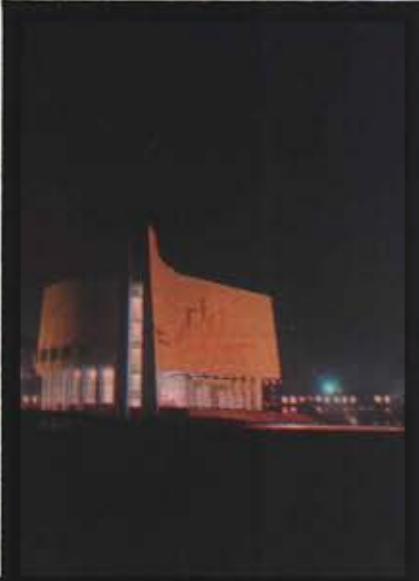
Геннадий СЕРГЕЕВ,
Приморский край, Нахodka.

РАССКАЖУ О ХОРОШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Больше всех видов искусства я люблю балет. И хотя живу в городе, где нет профессионального балетного коллектива, стараюсь не пропустить ни одной телепередачи о балете, посещаю балетные спектакли в городах, куда заносит судьба, специально езжу в Новосибирск, чтобы увидеть любимые постановки. Некоторые из них я смотрел по нескольку раз. В Новосибирском театре оперы и балета работает много талантливых молодых артистов, в том числе лауреаты международного конкурса в Варне Татьяна Капустина, Любовь Гершунова, дипломант этого же конкурса Анатолий Бередицhev. Они «несут на своих плечах» основной репертуар. О Гершуновой и Бередицhevе, коренных новосибирцах, писали многие газеты и журналы. Я же с особым интересом слежу за творчеством Татьяны Капустиной, выпускницы Московского хореографического училища. За семь лет работы в Новосибирске она исполнила множество ролей постепенно увеличивающейся трудности. Она — прекрасная Гамзатти в «Баяdre», Зарема в «Бахчисарайском фонтан-

не», Клеопатра в «Антонии и Клеопатре», Мирия в «Жизели». Но лучшей работой балерины стала Анна Каренина в балете Р. Щедрина, поставленном на сцене Новосибирского театра Натальей Рыженко и Виктором Смирновым-Головановым. Татьяна Капустина сумела показать подлинную, толстовскую Анну Каренину, женщину прекрасную, полную жизни и нерастранных сил, перекинув все, что ей было предназначено, не в слепой покорности судьбе, а в живом единстве мысли, чувства, стремления к счастью и свободе. Молодая актриса смогла передать трагедию Анны во всей ее полноте и многообразии. В этой роли она выступала на сцене Большого театра, когда Новосибирский театр гастролировал в Москве, и московский зритель смог убедиться в том, что в далекой Сибири живет и работает яркий и талантливый мастер — балерина Татьяна Капустина.

Н. СИМОНОВИЧ,
инженер,
г. Томск.

В

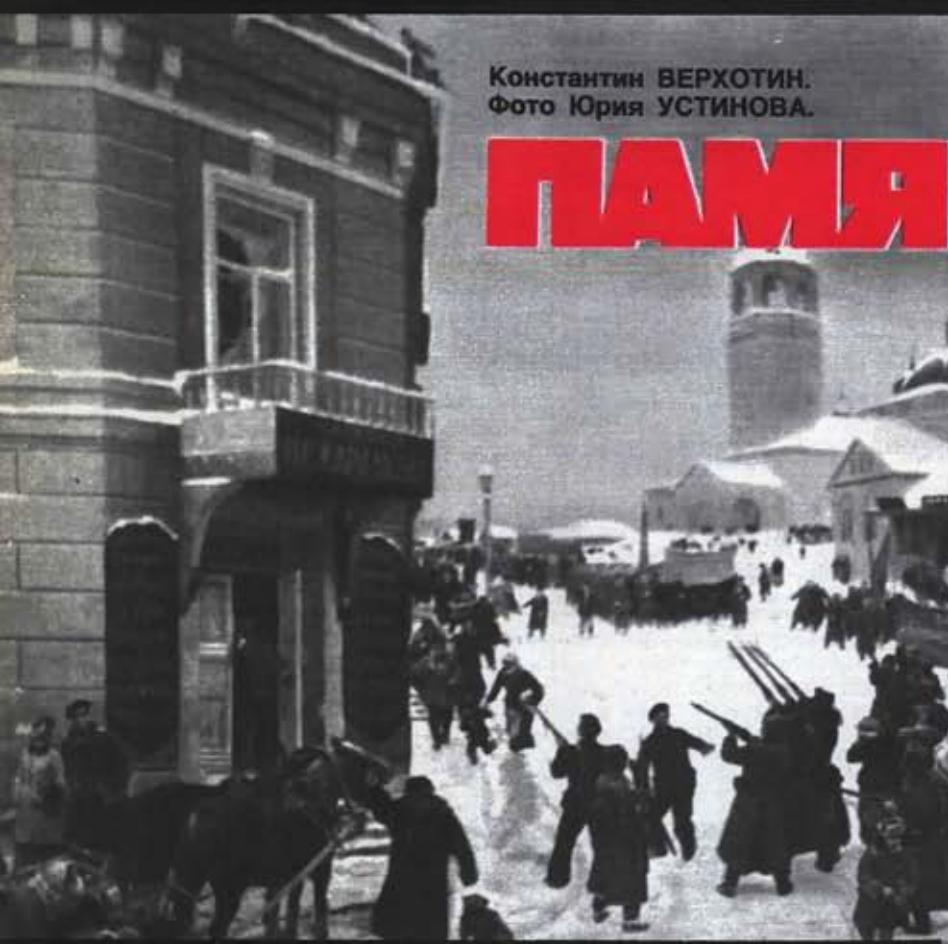
самом конце 1974 года в Московскую студию военных художников имени Грекова приехали гости из Кирова — посланцы городской комсомолии. Приехали с просьбой помочь им подготовить к 60-летию Октября подарок, необычный, монументальный, такой, чтобы и спустя годы не мог никого оставить равнодушным. Предложение кировчан было смелое, с размахом, и оно пришлось по душе художникам — создать в городе одну из самых крупных в стране диорам, в которой на конкретных, вятских, событиях 1917 года показать триумфальное ше-

В КИРОВЕ, НА САМОЙ ВЫСОКОЙ ТОЧКЕ ГОРОДСКОГО ПАРКА, ПОДНЯЛОСЬ БЕЛОКАМЕННОЕ ЗДАНИЕ, СВОИМ ФАСАДОМ НАПОМИНАЮЩЕЕ РАЗВЕРНУТОЕ ЗНАМЯ.

Константин ВЕРХОТИН.
Фото Юрия УСТИНОВА.

ПАМЯТЬ ПЛАМЕК

ФИГУРЫ ЛЮДЕЙ НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ ДИОРАМЫ ВЫПОЛНЕНЫ ХУДОЖНИКАМИ ПОЧТИ В НАТУРАЛЬНЫЙ РОСТ.

ствие Великого Октября, показать начало борьбы за победу нового строя и неотвратимость этой победы.

Необходимо заметить, что необычность новой диорамы, существовавшей пока лишь в мечтах комсомольцев, была не только в ее размерах. Никогда прежде военные живописцы студии в своих монументальных полотнах не обращались к подобной тематике — как правило, диорамы отображали батальные сцены известных сражений, а здесь предлагалось отобразить мирную демонстрацию, какая в те революционные дни 1917 года множество проходило по всем городам страны. Необычной для художников была и необходимость вводить в диораму вместо привычного пейзажа вид старого провинциального города.. Но энтузиазм кировчан, передавшийся работникам студии, победил сомнения скептиков. Более того, перечень необычного в новой диораме не ограничился особенностями тематики: впервые фигуры людей на переднем плане были задуманы и выполнены художниками почти в натуральный рост. Но это было позже...

А пока закипела подготовительная работа. В апреле 1975 года был заключен договор между Кировским обкомом комсомола и студией военных художников имени Грекова. Тысячи молодых кировчан вышли на субботники, зарабатывая деньги в фонд строительства будущего памятника. А художники, приехав в Киров, засели за изучение архивных документов, музеиных экспонатов, знакомились с местами событий, встречались с их очевидцами. Скоро они не хуже историков могли рассказать о памятных декабрьских событиях в Вятке.

...Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции пришла в Вятку 27 октября. В тот же день горбодской комитет РСДРП(б) обратился к трудящимся губернии с призывом оказать поддержку Советскому правительству.

Вятские рабочие, солдаты, крестьяне приветствовали победу Октября. Там, где в Советах преобладали большевики, эти органы власти становились хозяевами положения.

Но в ряде мест в Советах верховодили меньшевики и эсеры. В самой Вятке враги социалистической революции отказались признать Советское правительство и даже объявили об образова-

нии самостоятельной... «Вятской республики».

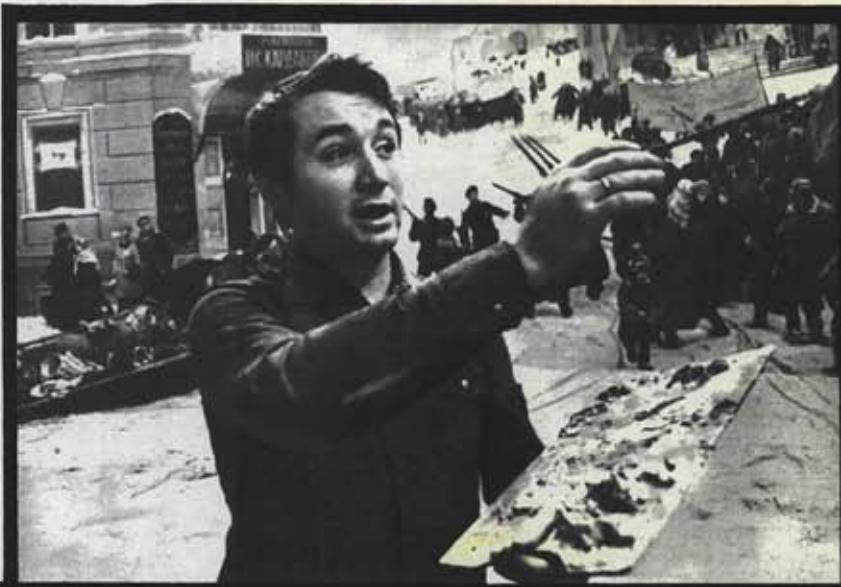
Все это вызвало гневные протесты в пролетарских коллективах, у революционно настроенных солдат. 1 декабря 1917 года большевики провели в Вятке демонстрацию рабочих вятских предприятий, бойцов Красной гвардии и солдат 106-го полка. После демонстрации вооруженные солдаты и рабочие заняли правительственные и общественные учреждения, телефон, телеграф, электростанцию, железнодорожный узел...

О событиях 1 декабря и рассказывает диорама.

...Перекресток заснеженных улиц Николаевской и Спасской (теперь они но-

ЧТОБЫ ВОССОЗДАТЬ ОБСТАНОВКУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЯТКИ, ХУДОЖНИКИ ИЗУЧАЛИ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛА ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ СОЛОМИН — ОДИН ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ ДИОРАМЫ.

ВЯТСКИЕ ДНИ

УНИКАЛЬНОЕ ПОЛОТНО ПЛОЩАДЬЮ ПОЧТИ 300 КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ СОЗДАНО ЖИВОПИСЦАМИ МОСКОВСКОЙ СТУДИИ ВОЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ ИМЕНИ ГРЕКОВА.

сят имена Ленина и Дралевского). Прямо на нас идет колонна рабочих Вятских железнодорожных мастерских и других предприятий. Над колонной — красное полотнище с призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А слева запечатлена подходящая к перекрестку колонна солдат 106-го полка с оркестром во главе. И словно слышишь разносящиеся далеко за площадь революционные мелодии. «Смело, товарищи, в ногу...» Ветер полощет транспаранты, на которых начертано: «Вся власть Советам!», «Да здравствует Российская социал-демократическая партия большевиков!»

На улицах, кроме демонстрантов, масса людей. Здесь, на перекрестке, как бы столкнулись две жизни, две силы — старая и новая. Старая обречена, но она не

хочет уходить в небытие, она злобствует, сопротивляется, нападает... (Вот слева на полотне видно — вскинули ружья солдаты и матросы, готовые ответить на раздавшиеся откуда-то с балкона провокационные выстрелы.) И все же победа близка, хотя дается она нелегко, с боем...

Огромное полотно диорамы (его площадь — почти 300 квадратных метров) создано живописцами Московской студии военных художников имени Грекова — заслуженным деятелем искусств РСФСР Аркадием Ивановичем Интезаровым и молодым художником, лауреатом премии Московского комсомола Николаем Николаевичем Соломиным.

Но вместе с их именами в ряду создателей уникального памятника в Кирове можно с полным правом назвать более семидесяти тысяч кировских комсомольцев — рабочих, студентов, школьников, которые отработали 370 ударных дней, чтобы на самой высокой точке городского парка, у каскада прудов, поднялось белокаменное здание диорамы, своим фасадом напоминающее развернутое знамя, на котором начертаны слова: «Великому Октябрю».

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Pовно в шесть тридцать дежурный по колонии включил сирену, и ее властный металлический голос оторвал заспанные лица воспитанников от подушек. В ту же минуту в комнату вошел подтянутый, гладко выбритый человек в форме майора, требовательно, чеканя слова, скомандовал: «По-о-дъем!» Олег Янчук заученным движением натянул брюки, столь же быстро заправил койку, поставил, немножко даже кокетливо, набок, подушку на попа. Теперь бегом на зарядку, и сразу же в умывальник. Ни одного лишнего движения, ни одной потерянной минуты. Через четверть часа после побудки — утреннее построение.

Майор громко называл фамилии, цепко глядясь в строй воспитанников, на первый взгляд чрезвычайно похожих друг на друга — головы стрижены под машинку, на всех синие хлопчатобумажные брюки и куртки, грубые башмаки. Но майору хорошо известно, какие они все разные, известна чуть ли не наизубок биография каждого, известна не только статья Уголовного кодекса, руководствуясь которой народный суд определил подростку меру наказания, но и та конкретная ситуация, что привела его в воспитательно-трудовую колонию для несовершеннолетних.

В группе майора — сорок один человек. Последний в списке он, Олег Янчук. Среднего роста, смуглый, кареглазый парень. Услышав свою фамилию, он коротко отвечает: «Есть!» — и слышит шепот соседа: «Сорок первый — лишний». Повернуться нельзя — это будет нарушением дисциплины.

Майор спрятал список в плащет, скомандовал: «Напра-во, ша-го-м марш!» Узкой колонной ребята идут по мощенной бульжником дороге к зданию столовой. На территории колонии передвигаться можно только строем — на завтрак, занятия, работу. Таковы требования режима. Режим — это закон для всех, нечто жесткое, неумолимое, с чем тяжелее всего свыкнуться на первых порах новичкам, еще не забывшим «вольницу» полуутенных улиц, «своих» подъездов. А здесь ты весь день на виду у старших — воспитателей, преподавателей, мастеров завода, в цехах которого воспитанники работают ежедневно после обеда по четыре часа. До обеда — обязательные для всех занятия в классах. Обучение в колонии ведется по программе средней школы.

Олег уже второй год в колонии. Он втянулся в режим, перешел в девятый класс. Учителяница литературы Анна Ивановна хвалит его. Она находит у Олега несомненные артистические способности, часто поручает декламировать стихотворения, изучаемые по программе. Олег стесняется, но читает и даже себе не хочет признаваться, что полюбил позицию, — еще бабой назовут. Впрочем, наплевать ему на дураков. Венька Соломин, что стоит рядом и по глупой привычке при построении шепотком называет его «сорок первым лишним», понимает его, Олега, они, можно сказать, закадычные друзья, хотя раньше никогда не встречались.

Венька выше Олега, шире в плечах, — любо глядеть, как он крутит «солнце» на турнике, ловко ходит на руках по брусьям. Сблизились они сразу, как только Олег попал сюда, в колонию. В первый же вечер один из бывших блатных подошел к нему, нагло осмотрел, бросил небрежно: «Откуда ты, чучело?» Олег, недобро сузив глаза, молчал, не зная, что ответить на столь бесцеремонное обращение. Его замешательство воспитанник принял за страх, наступил на тифло, оттолкнул. Потеря равновесие, Олег упал. Было это после отбоя, когда дежурный воспитатель вышел. Тогда с верхней койки соскочил плотный паренек, резко вывернулся обидчику руку, требовательно сказал: «Пойдем к дежурному!». Тот пытался вырваться, но не смог, плациво заныл: «Закладывать, да? Мы ж товарищи, я ж пошутил...» Венька оттолкнул его, пообещал: «Смотри, гад, тронь еще новичка...» А на другой день подошел к Олегу в классе, добродушно предложил: «Садись со мной...»

Глядя на этого спортивного паренька с интеллигентным лицом, трудно было представить, что его судили за соучастие в убийстве. Он был в компании подростков, добывавших легкий заработок, срывая с прохожих шапки. Меховая шапка уходила скупщикам-барыгам за пятьдесят рублей. «Клиентов» высматривали в магазинах, троллейбусах, кинотеатрах, шли за выбранной жертвой и где-нибудь в глухом переулке или в подъезде показывали ошеломленному человеку нож, срывали шапку и исчезали.

Венька быстрее всех бегал, прилично одевался и вообще производил впечатление юноши из хорошей семьи. Он обычно и заканчивал «операцию» похищением шапки. Для Веньки эти разбойные нападения граничили со спортивным риском. Он казался самому себе смелым, сильным, этаким суперменом из зарубежных детективов. Копируя главаря их компании Серого, он старался так же спокойно, как тот, ронять слова в разговоре, смотреть с холодным прищуром.

Но эта «охота» была еще для него и своего рода местью. Он по-мальчишески ненавидел всех тех, кто носил такую же шапку, как его отец — директор крупного гастронома в их городе. И он, по-юношески пылкий и восприимчивый ко всяческому злу, наивно полагал, что, воруя у этих людей шапки, он тем самым мстит своему отцу, ставшему для него давно уже чужим человеком.

Георгий ЯКОВЛЕВ

ЧУЖИ[Я]

В последний раз они «вели шапку», долго петляя по улицам на значительном расстоянии от жертвы. Вошли в подъезд, и тут Венька, как это было уже не раз, подскочив, легким движением сорвал шапку и привычно сунул ее за отворот пальто. Однако мужчина с неожиданной резвостью успел схватить его за воротник. Серый, их признанный главарь, уже побывавший в колонии за воровство, ударил мужчину по голове короткой металлической трубой. Через несколько часов мужчина умер в больнице, успев рассказать оперативникам приметы ребят. Арестовали их на другой же день. Во время следствия Венька упрямо молчал, памятно наставления Серого никогда не «раскалывался». А потом следователь сказал ему, что на допросе Серый утверждал, будто бы мужчину трубой ударили он, Соломин, Венька не поверил своим ушам. Но когда увидел лист протокола, где внизу, под словами: «Записано с моих слов правильно» — разборчиво стояла подпись Серого, Венька не выдержал, сказал всю правду, которая и без того была известна следователю. Тот только посочувствовал Веньке: «Вот она, обычная цена блатного рыцарства. Каждый за свою шкуру боится, тут не до дружбы».

Ах, Серый, Серый... Как же такое могло случиться? Ведь это он помог деньгами, когда Венька ушел из дома, и устроил его на чужой квартире. Поддержал и «морально»: говорил Веньке красивые слова о свободе, хвалил за мужество, гневно клеймил его «предков» — «жадных, тупых обывателей». Эти слова дошли до Венькиного сердца. А ушел он из дома не случайно.

Олег знал, что Венька упорно отказывался от встреч с родителями — разрешалось четыре свидания в году и пять передач. Комната свиданий была ему ненавистна: даже проходя мимо, он старался не смотреть в сторону этого блока. На вопросы Олега отвечал коротко: «Да скволчи они, мародеры...» И больше ни слова. Зато подробности Венькиной драмы хорошо знал майор, воспитатель их группы.

Соломин-старший много лет работал директором крупного гастронома, считая свою должность удобной и выгодной. С ним пытались установить контакты многие люди. Двигало ими единственное желание попасть в число избранных, имеющих право заходить в магазин со служебного входа и выходить с туто набитым портфелем. Ответные знаки благодарности директор воспринимал как должное, привык к лести, поклонению, все больше и больше возвеличиваясь в своих глазах. Он разборчиво принимал приглашения на чужие семейные праздники, любил ходить на премьеры в театры, где служилые администраторы отводили чете Соломиных лучшие места. Жена его, Галина Ивановна, длинная, нескладная, которую муж по-домашнему небрежно звал «костяшкой», выряжалась в заграничные туалеты, признавала только французскую косметику и всеми силами пыталась играть трудную роль светской дамы.

Заботы о Веньке, единственном сыне, Галина Ивановна сводила к тому, чтобы он выделялся среди сверстников одажды — доставала ему какие-то немыслимые кожаные штаны, модные джинсовые костюмы, цветные майки с драконами. Венька привык сидеть со взрослыми за столом, ему наливали рюмочку дорогого портвейна, гости вспахицались внешностью Соломина-младшего, зная, как это трогает мамины чувствительные души. Венька точно уже и не помнил, нравилось ему все это или нет, но скорее всего — не могло не нравиться.

В классе Венька незаметно стал объектом постоянных насмешек — ведь в ребятах живет обостренное чувство справедливости, они не любят тех, кто пытается искусственно выделиться из их среды. И Венька, общительный Венька, который быстрее всех бегал, мог на спор отжаться от пола на руках больше всех, приобрел обидную кличку «Индюк». Ему хотелось заплакать, когда Володя Кнышев, с которым вместе просидели за партой целых шесть лет, демонстративно пересел от него на другую парту.

Наверное, тогда и поселилось в Веньке раздражение по отношению к домашним. Он не смог бы точно объяснить причину этого раздражения, но характер его менялся буквально на глазах. Стал дерзить родителям, не стеснялся взять из материнской сумки пачку, научился курить. Галина Ивановна, обнаружив как-то в его кармане сигареты, театрально скватилась за сердце.

— Порядочные люди по чужим карманам не шарят,— буркнул Венька на ее расспросы. Теперь Галина Ивановна все чаще и чаще говорила мужу: «Обрати внимание, наш сын попал в дурную компанию». Она и не догадывалась, что самой дурной компанией для Веньки стала его собственная семья.

И еще Веньке не разрешали приводить домой товарищей из класса. «Мы живем не так, как другие, современное,— объясняла мать сыну причину запрета, вкладывая в слово «современное» свой смысл,— тебе неизбежно будут завидовать, а поэтому невзлюбят. Я берега тебя, пойми!». Но сын не мог, не хотел этого понимать. В их квартире, тесной от гарнитуров, ковров и хрустали, шла жизнь, которая его тяготила. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать неискренность в отношениях матери и отца, их знакомых, чтобы видеть, что расходы родителей многократно превышают их зарплату. Все это вызывало у Веньки презрительность. Ему было легко только на улице, он раскрепощался в детской спортивной школе, где занимался в секции классической борьбы. Здесь его уважали за силу, ловкость, добродуру—он охотно делился со всеми щедрыми маминими завтраками.

Однажды Венька, на свою беду, встретил Серого, взрослое, уверенного в себе парня, носившего красный берет и стальной браслет на запястье. Серый «случайно» оказался рядом с Венькой, когда трое юнцов прямо на улице вымогали у него деньги.

— Давай по-хорошему, а то разую,—грозил один из парней.

Серый посмотрел на него холодными глазами, коротко ударили ребром ладони по щеке, и тот обмяк, повалился на асфальт. А сам стоял и ждал, презрительно-равнодушный, пока юнцы подобострастно канючили: «Серый, прости, не знали, что это твой кореш...». В знак благодарности Венька подарил новому знакомому пачку сигарет «Марлboro»: «У предка добыл». Серый, узнав, что Венькин отец—директор гастронома, одобрительно присвистнул, предложил: «Ты если что—прямо ко мне подходи. Тут много всякой швали болтается»—и кинул на флангирующих по улице парней.

Несколько раз после этого они встречались, обмениваясь ничего не значащими короткими фразами. И Венька был очень удивлен, если бы тогда ему сказали, что у Серого уже сложился свой план относительно его особы: войти в доверие, настроить против родителей, сыграть на мальчишеском самолюбии.

Однажды Серый пригласил Веньку в ресторан. Швейцар приветствовал Серого как старого знакомого. Венька и сам почувствовал уважение к Серому, не зная толком, чем объяснить такую популярность. Он пил шампанское, с интересом оглядывался по сторонам.

Когда звонила музыка, Серый пообещал, что после ресторана навестят старых знакомых, где можно будет повеселиться гораздо лучше.

Они взяли такси, подъехали к большому дому. В квартире, куда они зашли, уже шло бурное застолье, гремел стереомагнитофон. Полупьяная компания радостными криками встретила их появление. Венька тоже пил, много курил, танцевал с какой-то Люсей...

Впервые он не ночевал дома. А утром отец мрачно спросил сына о причине столь грубого нарушения домашнего уклада, тяжело ударил его по щеке. В тот день Венька и ушел из дома—вся его мальчишеская гордость бурлила, негодовала, не желала примирения. Серый на первое время снабдил его деньгами и помог устроиться на квартиру. А вскоре как-то сразу повеселевший Венька согласился на «шапочную охоту».

И вот колония, сирена по утрам, построения, переклички... Новичок сразу пришелся Веньке по душе тем, что не ныл, но и не блатяжал, с удивительным для его пятнадцати лет спокойствием отнесся к такой резкой перемене в своей судьбе, не искал покровительства. Они быстро сдружились, Венька и Олег, такие разные и такие схожие.

Заместитель начальника колонии по политико-воспитательной работе Семен Иванович Верещага искренне переживает за каждого мальчишку, попавшего сюда, видя свой долг в том, чтобы вернуть оступившего подростка в жизнь полноценным членом общества. Он одобрил дружбу Веньки и Олега, считая, что теплота в отношениях между ребятами и есть самое лучшее лекарство от хандры и злости—этих тяжких душевых недугов мальчишек и девчонок из так называемых неблагополучных семей. Я знакомился с пиччьими делами Соломина и Янчука, встречался с ними вместе и порознь, беседовал с их учителями, мастером цеха, где воспитанники собирают насосы. Подкупало, что оба они искренне—это утверждал и подполковник Верещага—раскавались в происшедшем. В них теперь жило упрямое желание доказать, что они в силах порвать с ужасным прошлым, найти себя в многообразии человеческих профессий, отстоять свое право быть такими же счастливыми, как их сверстники по другую сторону колонии.

А пока в каждом из воспитанников прочно жило не примиримое отношение к семье, в один тугой клубок переплелись и обида, и злость, и тосклившая надежда, что за время

пребывания в колонии родители осознают свою вину перед ними, «станут другими». Такая мысль не покидала мальчишеские головы, она жила в них, потому что в семнадцать лет страшно вот так, сразу перерезать прочную нить, соединяющую человека с матерью и отцом.

Олег помнит, как однажды его, тогда еще второклассника, родители привели к проходной завода. Отец с гордостью сказал, показывая на Доску почета: «Видишь, сынок, с кого надо пример брать». Мать стояла рядом, смущенно и радостно улыбалась: среди других передовиков завода на Доске почета красовалась и ее фотография. Крановщица Валентину Николаевну уважали за трудолюбие, живой характер, отзывчивость.

А разве не гордился Олег своим отцом, когда к ним домой приходили соседи и уважительно просили: «Юрий Иванович, не откажи, только на твои золотые руки надеялся...». Отец был плотником, каких не всегда ссыпали. Еще Олег помнит, как выезжали всей семьей в лес, веселились, гуляли вместе с соодетями... Отец тогда выпивал рюмку-другую, не больше, а звал спиртное вообще в рот не брала, а когда приставали, отшучивалась: «Пусть горемыки пьют, мне и так весело».

Теперь родители—совершенно чужие для него люди, и Олег твердо решил: домой не вернется. Страшно думать так в семнадцать лет, отбывая наказание в воспитательно-трудовой колонии. Уже больше года, как он изолирован от матери и отца, но время не смягчило его отношения к родителям. Напротив, раскаяние в собственных поступках все время заставляет Олега мысленно возвращаться в ненавистную обстановку семьи.

Когда родители начали выпивать? Наверное, вскоре после того, как получили отдельную квартиру в новом микрорайоне. Мать тогда ушла с завода: новые подруги соблазнили легким житьем-бытьем в кафе-стекляшке. Крановщица стала посудомойкой. Поздно вечером, когда из кафе выходили последние посетители, буфетчица наливала в бокал-другой портвейна и, округлив глаза, говорила: «За здоровье наших клиентов. Их щедротами...» Пили и в обеденный перерыв, не стесняясь заведующего. Тот лишь изредка, по-свойски советовал: «Вы уж того, девочки, чтоб незаметно...». А вскоре в кафе нагрянула комиссия, после чего буфетчицу и мать Олега уволили. Прошла неделя, и Янчук устроилась уборщицей в продовольственный магазин.

И отец позабыл, когда брал в руки инструмент: теперь он работал грузчиком в том же магазине, что и жена. Таскал ящики, мечтал о передышке, когда можно будет с новыми друзьями разделить «на троих». К закрытию магазина у него уже стекнули глаза, он мрачно спирал о чем-нибудь с заведующей винно-водочным отделом, пока та не совала ему в руки какой-нибудь бутылки с зельем—лишь бы ушел с глаз. После работы мать с отцом всегда возвращались навеселе, дома еще добавляли. Отец, расхинув, наливал рюмку вина трехлетнему Игорьку, приводил: «Ничего, для аппетита полезно». Старшему, Олегу, показывал кулак, вдруг вспомнив про жалобы учителей на грусть сына и на частые пропуски уроков, грозил: «Смотри, доберусь до тебя». Этим и заканчивалась домашнее воспитание.

Иногда родители приходили порознь, торопливо отпивали из принесенной бутылки, осталальное прятали, чтобы не делиться. Олег знал их тайнички, оставаясь один, тоже пил вино, начал курить. Вечерами, не желая слышать надоевшие перебранки между отцом и матерью, уходил на улицу. В их подъезде собирались ребята с гитарой, вполголоса пели, не стесняясь «стрельнутые» у проходящих мужчин сигаретами. Редко кто отказывал.

Иногда кто-то бегал в соседний магазин за бутылкой вина. Покупали в складчину, денег, конечно, всегда не хватало. Считались особым шиком «занять» пару рублей у прохожего на улице. Выходили обычно вдвое, останавливали девушку или женщину, угрожающе спрятав руки в карманы, требовали: «Одолжите до завтра...». Нередко под радостные возгласы ожидающих возвращались с деньгами. Покупали самого дешевого крепленого вина—знали, от него скорее захмелешь. Потом вели «мужские» разговоры о жизни, хвастались победами в драках. Больше придумывали, конечно.

В школу Олегу ходить не хотелось. После будоражащих разговоров в подъезде товарищи по классу уже казались ему пресными и скучными. Его боялись. Боялись угрожающего прищуром глаз, бранных слов, первичного ножа в кармане, разговоров о выпивках. «Почему родители опять не пришли в школу?»—спрашивала классный руководитель. Олег дерзко отвечал: «Спросите у них». Учительница несколько раз пыталась встретиться с Янчуками, но не заставила никого дома. Так Олег был зачислен школой в разряд «трудовых».

Постепенно Олег осмелился, и уже вырывать сумочку у женщины, обшарить карманы прохожего стало для него обычным делом. Бывало, подходил к незнакомому пареньку—мужчине боялся,—вспоминал громко: «Где я тебя видел? Постой, постой...». А сам приставлял к боку большой палец, угрожающе требовал: «Молчи». Обшаривал карманы. Ребята из подъезда подражать ему боялись, но не скучились на похвалы. Олег не жадничал—щедро отваливал на вино, угощал сигаретами.

В тот вечер они шатались под мелким дождем, без денег, обозленные неизвестно на что, шатались, внутренне готовые сорвать на первом попавшемся скверное настроение. Сашка Гулягин из соседнего подъезда заметил старосту десятого класса Лулу Н., торопящуюся, видимо, домой.

— Слушай, она билеты в театр распределяет,—шептал он.—У нее всегда деньги есть.

— Она нас знает,—вздохнул Олег.

— Ну и что? Пусть только пикнет...

Они пошли наперерез девушке. Люба остановилась, узнала Сашку, обрадовалась:

— Ой, чуть не напугали меня...

— Разговор есть,—коротко сказал Сашка, увлекая девушку в глубину двора. Вынул нож.—Открой сумку.

Олег сам вырвал сумку из рук растерявшейся Любы, вытащил конверт с деньгами, победно бросил: «Есть...—отшвырнув сумку в сторону, пригрозил:—Скажешь кому—перо в бок получишь...». Сашка поднес к ее лицу нож.

Взяли их в тот же вечер. Судили. От школы выступил общественный обвинитель, пылко говорил о «трудных» детях, об ответственности семьи за воспитание, требовал вынести частное определение в адрес родителей подсудимых... Отправили их в разные колонии.

В колонии, куда попал Олег, не так давно ввели должность психолога. Приветливая стройная женщина располагающе улыбнулась новичку, твердо, по-мужски пожала руку, показала на стул рядом с собой: «Присаживайся. Не обишишься, если буду на «ты» называть? Вот и хорошо!». У Нины Семеновны много невыясняемых вопросов: что побудило совершил преступление, как оценивает воспитанник свое поведение, каковы его увлечения, способности? Тон у нее доверительный, товарищеский, и вдруг—неожиданный вопрос:

— Олег, ты ведь знал ребят, ведущих такой же образ жизни? Скажи, почему вы воровали, на что деньги тратили?

Олег смотрит себе под ноги, медленно говорит:

— Да на выпивку...

— Только на выпивку?—не верит психолог.—Может, джинсы модные хотели купить?

— Да нет, какие там еще джинсы,—упрямится Олег.—Шмотки нас не интересовали, противно даже о них говорить.

Нина Семеновна ведет свою статистику. Материала еще мало, но кое-какие выводы уже можно сделать. Выводы такие: большие девяносто процентов преступлений у подростков связаны с выпивкой—грабеж в пьяном виде, грабеж с целью добыть денег на ресторан. Как правило, пить начинают в семье. Причем вовсе не обязательно, чтобы родители в горьких пьянках ходили. То пива дадут глотнуть малолетнему сыну, то вина пригубить. Смотришь, сын уже и чай просит ему в рюмку наливать. И наливают! Так вырабатывается рефлекс, возникает опасная привычка к алкоголю. И еще немаловажный вывод делает психолог: чем раньше подросток, тем больше он прочитал книг, увидел спектаклей, посмотрел кинофильмы, тем реже падает на скамью подсудимых. Олега она зачисляет в графу «Оттолкнула обстановка в семье».

Сейчас Олегу семнадцать. В синей куртке, наглое-остриженный, он кажется тщедушным, бледным. Таких же ребят видел я и в комнате свиданий. Они сидели за длинным столом, напротив матерей. Женщины ничего не говорили, лишь молча плакали, глядя на сыновей, таких близких и в то же время таких далеких. Длинный, узкий стол в комнате свиданий сейчас был для них непреодолимой преградой: не переступи, не возвьми сына за руку, не уведешь домой. И они плакали. Подростки растерянно водили глазами по стенам. За полтора года Олега в эту комнату вызывали всего лишь раз. Даже сюда родители приехали «под градусом». Отцу свидание не разрешили—очень уж шатало его, мать с трудом просила «хоть глянуть на сына». Олег равнодушно смотрел на рано поблекшую женщину—свою мать, видел неестественный румянец на ее щеках, хмельной блеск глаз. Отвернулся: давнишняя злоба подступила, сдавила горло. Олег молчал. Да и о чем они могли говорить? Пересилив себя, спросил только о брате Игорьке. Больше мать не являлась. Но даже и за то короткое время, что провела она в колонии, женщины многое рассказывали о том, как живут здесь воспитанники. О занятиях в школе и читательских конференциях, о диспутах, вечерах вопросов и ответов, о драмколлективе, в работе которого, кстати, участвует и ее сын. Рассказали о том, что на встречу с подростками не раз приезжали интересные люди—молодые строители БАМа, спортсмены, студенты, поэты. Воспитанники выходят отсюда с профессионацией, многие—с аттестатами за десятилетку.

И все же... Пусть не сложится мнение, будто воспитательно-трудовая колония напоминает школу-интернат или профтехучилище. Колония—это место, где отбывают наказание. Здесь жесткий распорядок дня, строжайшая дисциплина с обязательными поверками, полное самообслуживание, редкие свидания и передачи. Количества проволока. Часовые на вышках... Да, лишение свободы—тяжкое наказание, его нелегко переносить. Об этом должны знать родители не только Вениамина и Олега, но и всех подростков, отбывающих наказание. Об этом должны знать родители, дети которых предпочитают улицу дому и считают признаком своего возмужания сигарету, стакан вина, нож в кармане. Взрослые обязаны думать о завтрашнем дне сына или дочери, стоящих на пороге самостоятельной жизни, о своей ответственности за воспитание сознательного гражданина нашего общества. Ведь не случайно в новой Конституции СССР записано: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, расти достойными членами социалистического общества». И это не просто слова, а закон нашей жизни. Именно отец и мать—первые наставники, живой пример для ребенка, черпающего прежде всего у них все хорошее и... дурное.

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Заметки о творчестве
киноактрисы,
лауреата премии
Ленинского комсомола
Валентины ТЕЛИЧКИНОЙ.

Виктор
ДЕМИН

ОПРОВЕРЖ ПРИВЫЧ

исать о ней трудно.
— Ну, пожалуйста,—говорит она.— Ну, я вас очень прошу. Если вы хотите сделать мне приятное, ради бога — ни единой строчки.

Тот, кто явился к ней впервые, может счесть это за ритуал, кокетство, как вдруг увидит очень серьезные, строгие глаза. Она, такая ровная, мягкая, так легко находящаяся деликатные слова в самом рискованном положении, похоже, неспособна уже на иронию.

— Но, Валюша! — Ее часто называют Валюшой даже малознакомые люди, и не столько из-за юного ее вида, сколько в перекличку с ролями, где она такая — милая, славная, простая, своя. — Но, Валюша! — настаивает огороженный интервьюер. — Только ваши собственные слова. Сохраненные магнитофоном. В моей тактичной редактуре. С вашей визой. Никакой отсебятины. А?

— Ни-че-го, я вас прошу, ни-че-го не надо.

Так было и со мной. А ведь я не свалился с бухты-бахахты, как снег на голову, и она знала, не могла не почувствовать моего уважения к ней. Откуда же эта опаска? Или не опаска даже, не боязнь подвоха или неловкого словца, а упрямое нежелание стать тем, кого описывают, анализируют, излагают, раскладывают по полочкам?

— И зачем все это? Того, что на экране, разве недостаточно?

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ:

«СЧАСТЬЕ АНЫ»,
«ОСЕННИЕ СВАДЬБЫ»,
«НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ»,
«ЖУРНАЛИСТ».

СНИЕ ГО

Фото
Игоря
Гневашева

ИДЕТ СЪЕМКА.

Конечно, нам этого недостаточно. В безграничной своей любознательности мы и к быту актерскому относимся так, будто это продолжение фильма. Будто вместе с билетом на вчерашний сеанс купили право знать про любимые блюда и духи актрисы, про то, в какой школе ее ребенок — не в специальной ли, скоро ли думает она покупать машину и вообще, вообще...

«Звездой» нередко оказывается не самый талантливый актер. «Звездой» неминуемо оказывается тот, кто заведомо жизнь свою превращает в продолжение роли. «Смотрите: я способен убить — мало ли сыграно авантюристов и гангстеров?» (вариант Делона). «Смотрите, какая я...» (чего уж тут расписывать, короче, это вариант Б. Б.). Есть «звезды» — поэты, футболисты, портные. Да любой, приобретший известность, может воссиять «звездой», только бы хватило сил играть себя.

Теличкина как актриса возникла из «антизвездного» вещества.

Казалось по первому ее — очень шумному — появлению: господи, да есть ли актриса? Не позволяет ли медлительная эта девушка снимать себя расторопным кинематографистам, как снимают они дождь или снег, море или облако? С немыслимым своим начесом, не то сонная, не то патологически ленивая, курьерша Валя Королькова, кажется, вовсе не способна сделать шаг, хоть чуть-чуть повернуться. Ударить по клавишам пишущей машины — и то труд для нее непосильный, слово сказать — как на подвиг решиться. Слово она тянет, выдавливает из себя, похоже, что и мысли движутся у нее с той же воловьей скоростью. Быть может, это символ застойной провинциальной глубинки, еще не расторможенной столичными веяниями, космическими современными скоростями? Да нет же, никакой она не символ. Она живая. Просто у нее все особое — время течет иначе, мыслительная работа совершается по другим режимам, отклик получает совсем не то, что замечаем мы. Она

замкнутый в себе микрокосм, отъединенная от нас вселенная. Очень потешная вселенная, но и трогательная, беззащитная в наивных потугах быть как все (как она показывает столичному гостю свою десятистрочную заметку в газете!). И очень добрая, покладистая, обволакивающая вас густым маревом иных жизненных начал,—даже тогда, когда прозрительно сужает накрашенные глазки и шепчет, оттопырив губу: «Ишь, Клавка-то, Клавка, в испанки подалась... Тоже мне, испанка выискалась...» Это о подруге, танцующей в самодеятельности. Нехорошо, неделикатно, нетактично, а мы хохочем, потому что так это по-детски, так открыто и опять же так беззащитно.

И родилась, чуть только «Журналист» вышел на экраны, самоуверенная легенда—первая легенда об актрисе Теличкиной. Никакая она, дескать, не актриса, а просто режиссер Герасимов подыскал, подсмотрел, открыл и замечательно использовал настоящее чудо природы, ловко украсив им свою ленту. Предполагалось при этом, что чуда с грехом пополам хватит, может быть, еще на две-три постановки, а там примелькается. Или вовсе уйдет с экрана, или—в лучшем случае—будет доставлять нам радость, появляясь в абсолютно идентичных ролях.

Позже знатоки припомнили, что еще до «Журналиста» был «Таежный десант», и там Теличкина предстала никаким не чудом природы, а самой заурядной девушкой, решительно ничем не примечательной, может быть, была даже еще незаметнее, чем ее подруги по эпизоду с клубными танцами.

Затем начались новые работы, и на месте первой легенды возникла вторая. По ней удачная роль объяснялась случайными обстоятельствами. Режиссер долго не мог найти подходящую исполнительницу на роль курьерши. Выписали по совету Тамары Макаровой второкурсницу ВГИКа. Та, прямо с самолета, после долгого пути в уральский городок Миасс отчаянно трусила беседы с постановщиком—а вдруг забракуют—и при встрече повела разговор очень медленно, тщательно подбирая слова, а заодно и стесняясь до слез самой этой медлительности. Герасимов же был в восторге. Ему осталось хлопнуть в ладоши, восхлипнуть всегдашней режиссерской: «Закрепим! Так и держитесь!»—и готово, открытие состоялось.

Звучит правдоподобно. Чего не бывает в безумном и магическом мире кино! Только правда здесь, наверное, лишь в том, что будущее чудо одновременно и крылось в природе юной Вали Теличкиной и все-таки создавалось.

Косвенное тому доказательство поджидало нас в следующей картине Герасимова—«У озера». Действие разворачивается в других местах, между другими людьми, но среди них затесалась одна наша знакомая—Вали Королькова. Только боже ты мой, что же с ней случилось? Она «стала человеком». Очень модная и очень красивая прическа, роскошная беленькая «водолазка», по которым с ума сходили в тот год, ребенок на руках, походный магнитофон через плечо... Преуспевающая журналистка. Каким образом? А что нам стоит дом построить! Для хорошего человека разве жалко придумать благополучную судьбу? Вот так, стучала-стучала пальчиком по клавишам—и выступала привольную профессию, щурила-щурила глаза на самодеятельность—и высмотрела редкого мужа. Но что же это с нашей Валюшой? Какая она стала неинтересная... Скачок больно далек, как в цирке,—от той, прежней Вали ничего не осталось. Имитируется медлительный говор, по-прежнему плавны и неторопливы движения, а космоса нет. Вся загадочная внутренняя непредсказуемость бывшей курьерши насквозь просвечивается студийным прожектором. И выясняется, что нечего там просвечивать—пространство-то без содержимого.

Это был урок и, на мой взгляд, незаслуженно жестокий.

Другой режиссер, Глеб Панфилов, в фильме «Начало» хорошо понял, в чем тут запятая. Он придумал свою собственную Валию, не курьершу и не журналистку, а так, навечно застывшую посередке. Цивилизация уже взяла ее в работу, но как же поверхностно и неглубоко отпечатались ее следы! Были противоречия—и в фасоне платьица, вполне модного, только будто не своего, а с чужого плеча, и в самих манерах, тоже вроде бы позаимствованных, и в словах, где церемонность речи вдруг могла вспыхнуть пошлой, мещанской истерией, а за наставительной официальной дидактикой следовало низкотонное: «Ты не лыбься!» Высокое стремление и предательские тенета, тянувшие к земле,—этот главный конфликт фильма здесь, в варианте Вали, подружки главной героини, звучал смешно, водевильно, но ведь и драматично тоже...

Помню, несколько лет назад состоялся большой разговор об актере в кино (официально это называлось творческой конференцией). Речь шла о взыскательности и капризах, о практичности и соглашательстве. Два имени склонялись на все лады: Армена Джигархания, который, как говорили, принимает любое предложение сниматься—в любом фильме, у любого режиссера—и тем самым рискует доиграться до полной инфляции, и Валентины Теличкиной, отклонившей в ту пору четырнадцать приглашений подряд—роли казались ей неинтересными. Не все ее хвалили, многим она напоминала разборчивую невесту. Где, мол, уверенность, что завтрашний день будет добрее, а годы-то идут, да еще какие годы—годы актрисы!

Вскоре мне посчастливилось наблюдать ее в необычной обстановке—на фестивале в болгарском городке Приморско. Фестиваль был молодежный, проходил прямо в туристском городке, призов не присуждали, зато каждый день устраивались дискуссии, некоторые довольно бурные. Ей, Валентине Ивановне, единственной актрисе в нашей многочисленной делегации, было, к моему удивлению, необыкновенно интересно слушать эти споры, часто довольно запутанные.

Потом ей дали слово, и все приготовились отдохнуть. Она могла рассказать простодушную «байку» из своей «киношной» жизни и сделать добрые, далеко идущие выводы: об ответственности художника перед зрителем, о вдохновляющей силе искусства, о том, что светлые фильмы помогают жить, а после грустных становятся грустно... Да мало ли мы наслушались подобных монологов-спичек... А она—очень серьезно, основательно—заговорила о проблемах. Об актерской проблеме, о проблеме режиссерского дебюта в наши дни, о проблеме, затронутой одной из фестивальных картин,—«размужинивания мужчин». Она не болтась ни «умных», ни «иностранных» слов, излагая свои, совсем не шаблонные мысли, видимо, выношенные с давних пор.

Это была сенсация.

Позже я напечатал отчет о фестивале и привел там цитату из речи Теличкиной. Цитата была подлинной, я только убрал связки и окличности для экономии журнального пространства. И получил несколько насмешливых замечаний от коллег: ты, мол, так переписал Теличину, что хоть сейчас помешай в искусствоведческом журнале.

Ничего я не переписывал, ни одного слова не изменил. Я только скрыл, что выступающая была беспокояще бледна, все время ломала пальцы и в паузах синхронного перевода покусывала губы, кажется, подрагивающие. Слепящий свет, жужжание камеры (нас снимали для телерепортажа), видимо, тоже очень раздражали ее.

В перерыве я спросил:

— Еще одна съемка, непредвиденная? И неужели на каждой вы так волнуетесь?

— Ой, что вы! — отвечала она.—На съемке я никогда не волнуюсь. Да вот спросите у Сережи.

И режиссер Сергей Соловьев бесстрастно подтвердил:

— Никогда, ни единого раза.

— Даже если не получается?—допытывался я.—Даже когда ищешь одно, а находишь совсем другое?

— Ищешь в основном накануне. А получается только то, что получается.

Хотите знать, какая она, Валюша, настоящая? Пересмотрите «Осенние свадьбы». Да, сценарий откровенно мелодраматичен, а сдержанной, толковой режиссуре иногда вредит чрезмерная прямолинейность, все так. Но за этими слагаемыми возникает некая живая, неповторимая душа. Тут каждый нюанс, каждая реакция не просто подлинная, но опровержение привычного, ожидаемого. Странно, но так: общий смысл фильма берется под сомнение ходом повествования, тем, как рассказывает об обо всем. Сентиментальная история звучит жестко, аскетично, без приблизительностей, без декламационной патетики.

Одухотворенная простота. Таков ее, громко выражаясь, творческий метод. Но такова же и тема ее творчества, извечная, варьируемая в «Счастье Анны», и в «Однажды один», и в «Зигзаге удачи», и даже в «Необыкновенной выставке», где мы встречаем знакомые мотивы, каждый раз аккуратно, упроту, артистически уверенно завязываемые в новый узор. Надо приглядеться к нюансам и оттенкам: тогда расступятся рамки того, что кажется общим силуэтом, и откроется щедрая, радостная красота полноценнога актерского творчества.

Я не давал ей слова молчать, но сказал не так уж много. Хотелось только общим штихом, некоторыми подробностями напомнить, какая она, Валентина Ивановна Теличкина, настоящая актриса, серьезный, добрый, взыскательный человек.

EX LIBRIS
СМЕНЫ

ПОЭЗИЯ

ЗАТЯЖНЫЕ
ДОЖДИ

«Я хочу душой
вглядеться...»

Чем привлекательна книга Виктора Яковенко «Затяжные дожди» (М., издательство «Правда», 1977 г.), так это открытый гражданским пафосом, публицистическим накалом большинства стихов. С первой страницы сборника до последней поэт ведет прямой, откровенный разговор с читателем, не допуская недомолвок или кризисов.

Но подобная откровенность интонаций не означает лобовой прямолинейности, примитивной дидактики, которая, чего греха таинствует, еще встречается в стихах иных стихотворцев. Отнюдь нет. О чем и о ком ни писал бы поэт, будь то легендарный крейсер «Аврора» или гений средневековья Микеланджело, разговор всегда идет по большому счету и неизменно упирается в главный вопрос бытия: о смысле человеческого существования. В. Яковенко подводит нас к нему и предоставляет возможность ответить на него самостоятельно.

«Я здесь не любопытства ради...»—читаем в одном стихотворении. «...Я хочу душой взглядеться в земные милые черты»,—находим в другом. Поэтому не «праздный соглядатай», всего лишь отмечая бег времени, пассивно созерцающий коловращение жизни. Высмеивающая людей, замкнувшихся в собственном мире, В. Яковенко восклицает:

Но с рождения знаю
Я другие дома.
К ним дорога
Прямая,
И душа в них прямая.
И находятся они не где-то за
тридевять земель, а рядом—
В городке том
Рабочем
На проспекте
Трудя.

Там, среди «гвардейцев армии труда», шахтеров и строителей, прошла трудовая юность поэта. Недаром в стихотворении «Встреча с другом» он пишет.

обращаюсь к металлургу: «Мы были даже незнакомы, а повстречались — как друзья», — и поясняет причину такой близости:

...Эти своды строил я.
В пролете моего мартена
Килил сегодня
Сталь твоя.

Лирический герой В. Яковенко — натура сильная, целеустремленная. Он внимателен к окружающим, добр и отзывчив, ценит настоящую мужскую дружбу. «Чем отплачую я всю их доброту? — спрашивает поэт в стихах, посвященных друзьям, и тут же отвечает: — Быть может, только золотом всей жизни».

В краткой рецензии нет возможности остановиться на художественных особенностях творчества В. Яковенко. Очевидно одно: поэт, недавно отметивший свое пятидесятилетие, находится в расцвете творческих сил и возможностей, на пути к новым книгам. Сам он в заключительном стихотворении сборника говорит:

Я непоком осужден своим
На эту бесконечную дорогу.
Пожелаем же В. Яковенко на
ней новых поэтических свершений.

Иван ИСАЕВ

ПРОЗА

Человек находит себя

Центральный герой новой повести Олега Корякова «Полфунта лиха», вышедшей в Среднеуральском книжном издательстве, — один из тех семнадцатилетних, которым «в детях хотят надоели», кого тяготят излишне спокойная, размеренная жизнь. И этот славный, но «нескладный» Лешка Новожилов попадает в «Особый отряд комсомола на Всесоюзной ударной стройке». А если говорить точнее — в группу молодых десантников, которым предстоит построить в зауральской тайге самый обычный поселок для газовиков. Люди в отряде самые что ни на есть обыкновенные. Одни, как плотник-виртуоз Аникея Малых, прибыли в тайгу с ясным сознанием высокой цели, другие, вроде шофера Антона Пьянкова, не стесняясь, признаются, что их привлекли высокие зарплаты. Попадаются и любители славы и охотники зашибить деньги...

Добавьте к этому лютую стужу зимой, непролазную грязь весной и мириады гнуса летом, скученность в жилых вагончиках, и вы убедитесь: действительность далека от романтических представлений об «особенной» жизни таежников-первоходцев.

И если к концу повести герои ее, подобные романтику Лешке, наимного тверже ступают по ставшей для них дорогой земле, то помогает им в этом всеискусляющая сила труда, в процессе которого каждый человек промышляет «насквозь» и становится видно, что у него за душой.

Героям повести зачастую приходится туго. Но трудности неизбежны на пути разведчиков. «Трудности, как запруды на реке, вначали приостанавливая течение, в конце концов множат его силу». Это из размышлений рядового десантника Лешки Новожилова, который в конце концов почувствовал себя «нужной деталью в большом и сложном организме стройки». Ему довелось быть и лесорубом, и плотником, и землемером, и даже секретарем начальника управления...

Общение с самыми разными людьми помогает Лешке оценить трудовую хватку в антиатичном ему пончалу Антона Пьянкова, разглядеть гнилое нутро выставляющего напоказ свою «правильность» бездельника и труса Славы Новикова. И вообще посмотреть на жизнь иным, уже не мальчишеским взглядом. Нет, не будет больше у комиссара отряда Виктора Карданова повода назвать Лешку «сноминутным человеком». Понадобится прыгнуть в ледяную воду — сделает это Лешка; не очерти голову, как уже было однажды, а мгновенно рассчитав все, чтобы выполнить задание. И никто не воспримет это как нечто из ряда вон выходящее. Он как бы продолжает боевую отцовскую трассу, оборванную вражеским снарядом. Понадобится притираться друг к другу, ни в малой степени не поступаясь своими индивидуальными чертами, вливаться в коллектив и другие десантники. Ветром свершений, которым живет стройка, относит в сторону только тех, кто, разлагольствуя о «большом деле», не хочет понять, что оно чаще всего состоит из напряженной, будничной, черновой работы.

Мысли эти не высказываются прямо. Они вытекают из поступков героев, через сознание которых преломляются раздумья автора, давнего старшего друга.

Такая слитность наимного усиливает светлый, жизнеутверждающий заряд повести — последней книги Олега Корякова, вышедшей при его жизни.

Леонид ГАРЯЕВ

ВРЕМЯ ПОДДЕЙ

А. Прокофьев

Ковригин и другие

Освобождение. Вот совокупное понятие того, чему посвящен новый роман Александра Проханова «Время поддень» (Профиздат, 1977 г.). Освобождение огромных пространств за Уральским хребтом, коренных процессов, происходящих в экономике, в социальной жизни, наконец, в психологии людей — такова тема этой книги.

Автор нашел героя, чья личность аккумулировала в себе буквально всю проблематику романа. Герой этот — академик Ковригин, человек незаурядной интеллектуальной и духовной силы. Работа ковригинской мысли, пожалуй, главная движущая пружина сюжета. А страсть, с которой он делает

свое дело, как бы помогает выветрить глубину тех проблем и свершений, которыми наполнена окружающая его жизнь.

Личность Ковригина притягательна. Где бы он ни появился, люди тянутся к нему. Как человек подлинной культуры, он находит общий язык с каждым, со всеми, потому что ему интересен каждый, интересны все, кто работает в сложных, подчас и тяжелых условиях освоения дальних краев Отечества.

Накал размышлений Ковригина высок: «Моя мысль о молодежи проста. Платочная романтика отжила свой век. Хотите освоить пойму, учтите сегодняшнюю психологию. Современная романтика освоения, уж если не можем без этого набившись слух словечка, включает в себя возможность сесть на сверхмощный агрегат К-700 или «Катерпиллер», включить электронную автоматику. Пользоваться в этих топях комфортом большого города. Уже осваиваются образцы надувных домов, переносимых с места на место, с вмонтированными телевизорами, калориферами, компактными пластиковыми шкафами. Уже существуют образцы электронных приборов, отгугивающих гнуса. На собрании у вас повторял и теперь: в век космических станций и атомной энергетики невозможно по-дедовски осуществлять глобальную операцию «Пойма!.. Не так ли?»

Вот это совпадение диапазонов — личности главного героя и жизненных проблем — придает правду и органичность всему повествованию. А этих проблем много... В романе идет речь о трудовых ресурсах и охране окружающей среды, о технологии производственных процессов и условиях быта, об экономических прогнозах, о тактике и стратегии освоения новых земель.

«Принцип построения этой книги», — пишет в послесловии к роману Юрий Трифонов, — не сплетение нитей, а складывание из глыб, даже без помощи раствора. Что важно — она понастоящему современна. Проханову, как мало кому из писателей, удается сложнейшие описания трудовых процессов: он пишет о литье стали, о работе на тракторе или косьбе так же напряженно, поэтично, как и о любви».

Проникновенно рассказывает автор о чувстве героя к врачу из Темиртау Ольге. И это интересно читать не потому, что «про любовь», а потому, что содержательна и богата личность Ковригина, самобытна и глубока его натура. Встречи и разговоры с Ольгой, весь путь их взаимного чувства подчеркивают цельность ковригинского характера. Он всегда остается самим собой — пытливым, чистым человеком, крупным мыслителем, которому близки и понятны людские устремления. Автор по-художнически утверждает мысль о величии наших дней, о неизбытной красоте созидания, ненавязчиво доказывает, что истинные чувства и помыслы воспитывают во всех нас преданность своему долгу, своей гражданской и профессиональной совести.

Роман интересен не только в целом. Он насыщен острой, актуальной информацией и в своих частностях. И интересен людьми, населяющими его, сколько бы ни была эпизодична роль каждого из них...

Литературный почерк Проханова в новой книге окреп, стабилизировался. Избавившись от «излишков» образности, автор ничуть не утерял ту эмоциональность письма, которая счастливо отличала его прежние книги — «Иду в путь мой», «Желтеет трава», «Кочующая роза».

Борис АЛЕКСАНДРОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Портрет времени

По своей жанровой принадлежности книга московского писателя Льва Корнешова «Командировка» (изд. «Молодая гвардия», 1977 год) относится к художественному очерку. Восемнадцать картин из жизни 70-х годов XX столетия написаны ярко, добродушно, живо. Все они как ветви единого ствола, называние которому — современность.

Во многих городах и населенных пунктах нашей Родины побывал автор с командировочным удостоверением, неоднократно выезжал он и в зарубежные страны — собран интересный, неожиданный материал: пуск первого поезда на БАМе; хлебная страда 1976 года; необычный лыжный переход от острова Врангеля к станции «Северный полюс-23»; встреча с американской журналисткой Молли Ивинс, нелепо упорствующей в своей «слепоте»; знакомство с пролетариатом Японии; поездка в Шушенское, «ставшее национальным музеем»; знакомство с городом — автоматом Лас-Вегасом; спектакли московских театров... Всего не перечислить! И все же сборник не получился пестрым: совершенно неожиданно из самостоятельных, не связанных впрямую по сюжету картин перед нами встает объемный и в то же время детально выписанный портрет времени. Это в нем живут кубанский хлебороб Владимир Первый и американский фельетонист Арт Буквальд; это в нем молодое поколение кубинцев полностью ликовидирует в своей стране безграмотность; в нем пролетариат Японии многотысячной толпой преграждает дорогу американским танкам.

Редкое и радостное явление — сборник, составленный из газетных публикаций, — читаясь с неослабевающим вниманием.

Довольно часто — это отмечает и сам автор — приходится слышать рассуждения о недолговечности газетной публикации: это, мол, произведение одного дня. Книга Л. Корнешова «Командировка» — убедительное подтверждение тому, что хорошо написанный очерк не только не теряет своего интереса по прошествии времени, не только заключает в себе весьма определенную литературно-художественную ценность, но становится неизменным свидетелем эпохи, пульсом своего времени.

«Конечное назначение каждого выступления — это разговор со множеством людей, знакомых и незнакомых», — пишет Л. Корнешов в кратком заключении своей книги. Что же, вполне можно считать, что разговор состоялся, был интересен читателю и надолго останется в памяти.

Ирина ЕВТУШЕНКО

Михаил Озеров
**АНГЛИЯ
БЕЗ
ТУМАНОВ**

Пусть туманы рассеются...

«Бытует мнение, что Англия мы знаем лучше других стран — каждый вспоминает Ричарда Львиное Сердце и Робина Гуда, Шекспира и Диккенса, Тауэр и Вестминстер — и будто ничего нового о ней не рассказешь», — пишет в своей новой книге «Англия без туманов», выпущенной издательством «Детская литература», Михаил Озеров. Но тем не менее книга освещает именно те стороны жизни «туманного Альбиона», многие из которых были словно бы скрыты от нас густым туманом. Вместе с бывшим корреспондентом ТАСС Михаилом Озеровым мы пересекаем Ла-Манш, вместе с автором непосредственно и живо удивляемся первым впечатлениям.

Но главное место в книге занимает, пожалуй, не описание города, а рассказ о человеческих судьбах, о конкретных людях, их надеждах и разочарованиях. Автор стремится понять этот народ, узнать, о чем он думает, чем живет... Вот первые авторские впечатления: «Они (англичане) будут с вами вежливы и общительны, будут петь, рассказывать анекдоты, смеяться, шутить, но всячески уходить от того, что мы называем «разговор по душам».

Да, среди англичан, как, впрочем, и среди представителей всех других континентов и стран, есть люди разные. Встречаются, например, такие, как миллиардер Поль Гетти, который на своей вызывающе роскошной вилле под рождество долго раздумывал перед тем, как бесплатно наполнить чаэм и угостить печеньем несчастных сирот.

Но есть и другие... «В полуразрушенных цехах, где не прекращается выпуск моторов для танков и самолетов, рабочие Ковентри собирали деньги на лекарства и медицинское оборудование для защитников Сталинграда, подвигом которого они восхищались».

К сожалению, на знаменитом острове, окутанном туманами, еще живут ложные, подчас дикие представления о нашей стране. Буржуазная пропаганда поработала тут весьма кропотливо... Но дружба и контакты наших народов в различных областях науки, техники и культуры все чаще становятся прочной плотиной на пути клеветнических измышлений. Ныне существуют в наших странах двадцать два города-братства. «По дорогам Англии колесят наши «Москвичи», воды Темзы и других рек родины кораблестроения разрезают «Ракеты» на подводных крыльях».

«Англия без туманов» — такое название дал талантливый публицист своей книге. Он призывает к тому, чтобы вообще рассеялся туман недоверия, ложных, неверных представлений, чтобы народы знали друг о друге то, что может быть названо высоким словом «истина».

Елена СЕТУНСКАЯ

B

ы замечали, что весной люди выглядят как-то особенно празднично? Это потому, что каждый человек стремится, чтобы цвета его одежды были созвучны свежей и чистой палитре весны. А мы, модельеры, очень хотим, чтобы люди круглый год были по-весеннему нарядны. И в том, что мода 1978 года необыкновенно разнообразна и демократична, есть доля и наших стараний. Сейчас нет доминирующего, единственного модного образа, как это было во времена господства моды «мини». Трудно было найти себя в ней человеку, не поддавшему под образ женщины-подростка. Многообразие современной моды дает возможность каждому найти именно свой стиль.

Но в центре внимания по-прежнему остается спортивно-элегантный стиль. Он оказался таким удобным, что стал просто неотделим от нашего ритма и образа жизни. Этому стилю присущи женственность, пластичность, непринужденность, и все это благодаря «текучести линий», лаконичным, простым и очень плавным очертаниям. И царит тут трикотаж — материал теплый, уютный. Трикотаж обрисовывает фигуру, подчеркивает ее красоту. Всякий знает, как удобна, практична одежда из трикотажа — и повседневная, выполненная в классическом спортивном стиле, и нарядные торжественные туалеты.

Пропорции модных трикотажных изделий 1978 года — стройные, удлиненные. Предпочтение отдается прямому силузту, однако в моде остаются и силуэт «трапеция» и прилегающий. Объемы умеренные. Длина женской одежды держится на уровне двух — двенадцати сантиметров ниже колен. Акцент композиции перенесен на верхнюю часть изделия — на плечи, рукава, линию талии.

Для молодежной одежды модельеры ищут сейчас принципиально новые решения. Стремление молодых к динамичным формам, жизнерадостным цветам, ярким, контрастным цветосочетаниям — ко всему необычному — помогает художникам создавать сначала ультрамодные вещи — подступ к тому, что потом будет принято всеми. Ведь если нет

НАРДОНЫЕ ПЛАТЬЯ, ОДЕЛАННЫЕ РУЧНОЙ ВЫШИВКОЙ

экстравагантного этапа в моде, она и движется вперед...

В молодежной одежде гораздо шире применяются элементы спортивного характера: кокетки, погоны, накладные детали. Основной чертой останется свобода комбинирования, что даст возможность вполне подчеркнуть индивидуальность образа. И здесь активно используется фольклорный стиль. К нему обращаются модельеры в своих работах как к средству воплощения подлинных ценностей культуры. Ведь богатейшая история костюма народов нашей страны и всего мира просто неисчерпаема по разнообразию форм и элементов одежды. И мы, художники современного костюма, стараемся извлекать из этих заласов-все, что сделало бы наши модели более выразительными. Изучение народного костюма — прекрасная школа для художника-модельера, но мы отказываемся от прямого копирования:

МОЛОДЕЖНЫЕ ДЕКОРАТИВНЫЕ КОМПЛЕКТЫ.

Ирина ВАСИЛЬЕВА, художник-модельер.

Фото Александра КОСТЕНКО.

МОДА ВЕСНЫ

СПОРТИВНЫЕ МНОГОСЛОЙНЫЕ АНСАМБЛИ.

достаточно использовать только крой, орнаменты, цветовые сочетания, вышивки и отделки, характерные для народной одежды.

Новинкой этого вида изделий будут платья, блузы, решенные в силуэте «трапеция», где талия несколько завышена, а лиф от груди плавно расширяется книзу. Талия может быть подчеркнута поясом. Такие декоративные блузы очень интересно сочетаются с джинсами, юбками и сарафанами из джинсовых тканей. Эти ансамбли хорошо иллюстрируют, с одной стороны, стремление современной моды к унификации костюма, а с другой — интерес к высокохудожественным, даже уникальным изделиям с ручными видами отделок.

Цветовые сочетания фольклорных изделий могут быть очень разнообразны. Наряду с многоцветными решениями будут возможны варианты, разыгранные на нюансах одного цвета.

Самые модные цвета 1978 года — суровый белый, цвет неотбеленной шерсти, льна, цвет веревки. Особенно интересно эти цвета могут быть использованы в изделиях фольклорного характера — в них вся выразительность строится на форме, силуэте и фактуре трикотажного полотна, оформление которого требует одухотворенной ручной работы, особой теплоты исполнения... Этого как

Продолжение на IV обл.

ГОРД ПРИГИБНУ

Братья ВАЙНЕРЫ

ПОВЕСТЬ

14. Следователь Скуратов

Севергин положил трубку и повернулся ко мне:
— Слушай, дружок, надо тебе сходить в КПЗ, там Серостанов снова буянил...

— И без старшего следователя с ним нельзя разобраться? — усмехнулся я.

— Можно... — кивнул спокойно Севергин. — Но он перекусил себе вену. Сейчас подойдут туда — с минуты на минуту — Тихонов с врачом. Окажите помощь и оформите протокол. Выполняйте...

Не надевая плаща, я отправился в КПЗ, раздумывая не спеша о том, что за долгие годы работы дежурным Севергин забыл нормальную человеческую речь и вполне обходится короткими командными репликами и руководящими замечаниями. Наверное, у себя дома он так же коротко, деловито и доходчиво указывает жене на последовательность подачи супа, жаркого, компота, обозначает диспозицию приема гостей, делит наряды по уборке квартиры между детьми и старому другу за бутылкой не предлагает выпить, а точно предписывает: «Приступайте к осушению!».

А в глазах у него печаль.

Впрочем, может быть, дома он совсем другой. Безгласный, говорчивый, тихий — весь ресурс командных эмоций полностью израсходован за сутченное дежурство...

А мне не нравится кем-либо командовать. И очень не люблю, когда командуют мною. Я ищу форму по недоразумению. Форма — это ось, на которой обращается двуединство командования и подчинения.

Сегодня мое последнее дежурство. С завтрашнего дня я слушатель адъюнктуры. Сколько лет мне понадобилось отмаяться на моей суматошной службе, чтобы понять, какое это счастье — просто учиться. Учиться на кандидата наук. Когда мы с Тихоновым сдавали госэкзамены в университете, то не могли дождаться дня начала работы — настоящей работы, с пистолетом, удостоверением, при форме и «исполнении служебных», с опасными рецидивистами, ворами «в законе», «малинами» и «хазами», с обысками, погонями и засадами.

И все это было. Семь с половиной лет.

Слава богу, я прошел последний поворот, я на финишной прямой. Покончено с этой «волнильной» романтикой, и никто вдруг не пошлет меня разбираться с грабителем, алкоголиком и наркоманом Серостановым, который почему-то перекусил себе вену. Перекусил? Ну, и бог с ним. Меня сие не касается, как не касается, не волнует всех этих благодушных людей на улице за оградой нашего учреждения...

Мне надоело учить правильной жизни всяких прохвостов, люблю рвань. Я сам хочу учиться правильной жизни.

Это не осенне минувшее настроение. Я, наверное, устал от моей работы. Себе-то я могу в этом признаться. И мне кажется, что в этом нет ничего стыдного. Жаль, что Севергин и Тихонов не хотят это понять. Или не могут. А ведь это так просто! Наша работа требует стайерского дыхания — на много километров, на много лет, на много тягот. А я считаю.

Не знаю, беда ли это моя, но уж, во всяком случае, не вина.

Вошел в предбанник КПЗ, а Тихонов и врач уже там. Пока Тихонов сдавал свой пистолет дежурному — в КПЗ вход с оружием воспрещен, — я сказал эксперту:

— Вы знаете, что по-гречески Маргарита значит «Жемчужина»?

Она не успела ответить, только улыбнулась быстро, и сразу же раздался пронзительный вопль, жуткий, утробный рев обезумевшего от злобы и боли животного. Михей Серостанов, арестованный вчера ночью во время нападения на шофера такси, «качал права». Тихонов и надзиратель бегом рвану-

ли по коридору к открытой двери «бокса», откуда доносился голос нашего младшего брата по разуму.

Маргарита от неожиданности вжалась сначала голову в плечи, испуганно переведя глаза с меня на удаляющуюся спину Тихонова, а потом спросила побелевшими губами:

— Это что т-такое?..

Я усмехнулся:

— Ваш великий учитель Бюффон говорил, что животные не знают добра и зла, но боль они чувствуют, как мы...

Маргарита испугалась еще сильнее:

— Его... что ...быют?!

— Кого? Серостанова? Н-да-с! Странные у вас, однако, представления о нашей работе...

Маргарита смущалась и пробормотала невнятно:

— Но он так кричал... ужасно...

— Он себе перекусил вену, а это, по моим представлениям, довольно больно. Кроме того, он хочет использовать свой вопль как психологический прессинг на слабонервных...

Мы вошли в камеру и увидели картину, словно на полотне Сурикова «Утро стрелецкой казни». Тихонов в углу от ярости, как Петр I, раздувает ноздри, а в центре композиции Серостанов, всклокоченный, с синими веревками жил на шее, в порванной рубахе, забрызганный кровью, вырывается из рук надзирателей, выкатывает белые буркала и вопит истощенно. Прекрасное зрелище. Всех, кто учится сейчас на последнем курсе и жаждет следственной и криминалистической романтики, я бы привел сюда на производственный практикум. Многие — кто тоже со спринтерским дыханием — призадумались бы.

Вот и Тихонов сейчас стоял, раздувал ноздри и думал. Да и мне, не скрою, было любопытно, как он будет упоминать эту скотину. А Маргарита толпилась у меня за спиной.

— Серостанов! — негромко позвал Тихонов.

Уголовник с новой силой взвился в истерическом восторге. У рецидивистов часто бывает расшатанная психика, и, добиваясь поблажек, они себя запросто распаляют до припадочного состояния.

— Але, ты зря так надрываешься, я тебе все равно не поверю, что ты хотел порешить себя, — сказал со смешком Тихонов.

Серостанов пронзительно завыл, а Тихонов, не обращая внимания, так же негромко долбил свое:

— Ты мне очень сильно надоел, поэтому я сейчас вернусь к себе и напишу в колонию письмо Дорогану и Сапогову. И поделюсь с ними всем, что ты мне напаштал в прошлом году. Глядишь, они тебя и встретят с цветами...

Как говорит наш шофер Задира, это была езда «на грани фола». Но, судя по воплю, сразу упавшему на два децибелла, вполне успешная.

— Не докажешь! Гад! Мусор проклятый! Мент! Выйди отсюда — не заживешься...

Тихонов громко засмеялся:

— Да ты совсем с ума сошел! А-а? Это ты мне, что ли, грозишься? Ну, дуралей! Последний умишко, я вижу, пропил. Когда же это я вас боялся, шантрапу? А ты дружков-то своих бывших опасаешься, похоже. А-а?

— Не дока-а-ажешь!! Не дока-а-а-жеши!..

— Да что они мне, народный суд, что ли! Чего мне им доказывать? Они и так поверят. Они ведь знают — я не вру. Я ведь не вру, Серостанов?

И опять уровень шумов понизился вдвое. Тихонов твердо сказал:

— Рита, подойди к нему, перевяжи...

— Но он же... — неуверенно булькнула врача.

— Подойди! — крикнул Тихонов и неожиданно мягко добавил: — Не бойся, Рита, перевяжи его. Он тебя сам боится. Ты ведь боишься, Михей? Смотри, Серостанов, не дай бог, чтобы я ошибся...

Мы шли через двор обратно в дежурную часть, — впереди на три шага, как разводящий, Тихонов, мы с Маргаритой следом. От всего увиденного ее слегка пошатывало. Она вдруг остановилась, взяла меня под руку и, глядя мне прямо в глаза, то ли спросила, то ли измолила:

— Это же ведь ужасно?!..
Я покал плечами:

— Сэмюэл Баккет написал, что все мы рождены безумными, но некоторые такими и остаются.

Она махнула рукой и пошла дальше. А Тихонов, видимо, слышавший разговор, громко хмыкнул и что-то стал насвистывать сквозь зубы. Когда мы поднялись на второй этаж, он на миг задержался и сказал мне:

— Если ты такой ценитель писательских афоризмов, прочти Рите и этот, — и кивнул в сторону плаката.

«Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества». МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

«...Капитана милиции Скуратова Анатолия Петровича, 1948 г. р., русского, образование — высшее юридическое, старшего следователя следственного управления ГУВД Мосгорисполкома, стаж работы — 7,5 лет, зачислить в адъюнктуру высшей школы милиции МВД СССР с 15 ноября с. г.».

(Из приказа.)

15. Рита Ушакова

В оперативном зале около главного пульта сидела на стуле удрученная старушка. В теплом платке, плисовом полуальто и тяжелых войлочных ботах на застежке. Севергин разговаривал с кем-то по селектору, а старушка испуганно и озабоченно озиралась в этом странном помещении, набитом электроникой, светящимися экранами, беспрерывным переключением разноцветных лампочек, оглашающим трезвоном телефонов, громкими командами и деловитой суетой подтянутых, быстрых, ловких, пугающих вежливых офицеров.

— А кто там участковый? — прикрикнул в селектор Севергин.

— Соломатин, младший лейтенант. Ну, никакой управы на него нет! — доносился обиженный голос из динамика.

— Так. И что он, Соломатин?

— Сабля на стене, с гражданской еще, дареная. Можно сказать, наградная! А он прицепился: парень у вас озорной, не натворил бы чего... Притянул сам напильник — и давай саблю стачивать... Ну, вернее сказать, тупить. А сталь хорошая, он весь потом залился, а пыхтит, усердие показывает... Два часа ее скоблили...

Севергин ухмыльнулся, но тоном сказал очень строгим:

— Все понял, пусть мне позвонят, передайте... Посмотрел на меня, покрутил головой, будто воротник рубахи тесен, сказал задумчиво:

— И как кит: горло с пятачок, а за день столько планктону наглатывается...

— Жалуетесь? — спросил я.

— Не-ет! И с чем только не идут к дежурному... Он кивает на старушку, снимает очки, долго трет стекла фланелькой, и глаза у него в это время беззащитные, красные... — Вот бабуся получает телеграмму от сына: «Встречай внука, привезет жена сослуживца». Бабуся — на вокзал, а поезд давным-давно пришел, телеграмму, оказывается, поздно доставили.

Старушка повела головой, ее запавшие глаза на изморщенном лице скользили по всем и остановились на мне:

— Да, дочка, вот напасть какая навалилась! Весь перрон избегала, всех спрашивала — никто не знает, куда Ленечка, внучок мой, подевался. Ах, беда какая, горюшко-то какое... Где же мне теперь маленочка искать?

И оттого, что она спрашивала про «маленочка» меня, а не этих ловких сыскных молодцов, меня — случайного, в общем-то, здесь человека, впервые попавшего в оперативный зал всего за несколько часов до старушки, — я вдруг остро почувствовал, что старушка угадала уже дремлющей материнской, бабьей интуицией, что ко мне надо обращаться не потому, что я могу что-то сделать, а потому, что я своя, штатская, женщина, что мне самой здесь все малопонятно, неуточно и боязно. Она просила меня не о помощи, а о сочувствии.

Я здесь также, видно, неуместна, беспомощна, нелепа.

А Тихонов, писавший что-то за столом, поднял голову и сказал:

— А чего сына-то не запросили: с кем мальчишку послал?

Севергин развел руками:

— То-то и оно: сын — геолог, отбыл на полевые работы, связи с ним нет...

— Ну, и что же сейчас происходит? — спросил Тихонов.

— Я уже скомандовал, проводников с поездом разыскали, они подтверждают: ехала до Москвы

женщина с ребенком. На перроне долго стояла, кого-то дожидалась.

— А куда же она могла деться? — вслух подумала я. Мне как-то и в голову не приходило, как можно подступиться к поискам женщины.

— Поезд ушел в депо-отстойник, больше проводники ее не видели. Она-то вот, жаль, в милицию не догадалась обратиться. А билет у нее транзитный — через Москву до Бреста.

— Похоже, она сразу и уехала, — покачал головой Стас. — Поезда были?

— Через час двадцать.

— Что же она, мальчика с собой увезла, что ли? — удивилась я.

— А что? — хмыкнул Севергин. — За милую душу. Бабку не дождалась — куда ж мальца денешь? Они, видать, между собой хорошие знакомые — с отцом-то. Только для бабушки это пока не утешение...

— А по работе сына нельзя установить, с кем он мог послать парня? — настырно задавал вопросы Тихонов.

Севергин неожиданно подмигнул мне, мотнул головой в сторону Стаса:

— Шестой год он при мне тут работает, а все не устает проверять меня на сообразительность...

— Ничего-ничего, — заверил Тихонов. — При самой лучшей сообразительности еще одна голова не помешает!

— Особенно такая... — усмехнулся Скуратов.

Тихонов хотел что-то сказать, но Севергин успел вперед:

— Правильно, Стас, добрый с тебя дежурный получится. Иди ко мне в помощники. Все, что мне советуешь, сам и сделаешь, меня, старого, утруждать не будешь...

— А сколько лет мальчику? — спросила я у старушки.

— Пять годков.

Пять годков. Как Сережке. Сережка, серенький мой, дорогой дракон, как ты там поживаешь? Подошли ли тебе заячьи уши? Не чувствуешь ли ты себя ущемленным?

Несколько дней назад ты напугал меня. Пришел и заявил твердо:

— Мама, мы скоро все погибнем!

— Почему?

— По радио сказали, что через миллиард лет погаснет солнце и все живое на земле погибнет. И мы тоже?

И мы тоже. Правда, не так скоро. Миллиард лет — это нам не грозит.

Меня отвлек громкий голос замдежурного Микиты:

— Проверили, проверили... В морге ваш Казанцев. В морге, говорю. Записывайте — тридцатая больница, морг...

Все повернулись в сторону Микиты. Старушка вздрогнула и впилась в него испуганным взглядом. Микита густо, надсадно прикрикнул:

— Да нет, не умер!.. Он там пятнадцать суток отбывает, за мелкое хулиганство... Как «чего делает?» На черных работах, уголь в котельную таскает... Ну, хорошо, отбой...

Севергин грозно посмотрел на Микиту, потом повернулся к старушке:

— Бабушка, вы посидите в коридоре пока. Как что будет новенькое, я вас сразу позову...

Потом Севергин уселся в кресло, закурил, и искры полетели от сигареты во все стороны:

— Это ты с кем так поговорил душевно, а-а?

Микита почесал карандашом толстую щеку, невозмутимо ответил:

— Да из районного управления запрашивают, куда гражданин подевался. А что?

— Ничего, — сердито буркнул Севергин. — Я думал, что ты родственников так оглошил. «В морге ваш Казанцев...» У человека эдак разрыв сердца может приключиться...

— Скажете тоже, Григорий Иваныч! — обиделся Микита. — Что ж я, первый день замужем?

Севергин махнул рукой, ушел в зал справочной службы. А я подошла к Стасу, присела за стол. Он ободряюще, рассеянно улыбнулся:

— Как, призываешь помаленьку? — а сам думает о чем-то своем, далеком. Но и он не производит впечатления счастливого человека. Их жизнь в чем-то похожа на кинематограф — там тоже за час проходит два года, — и так она, жизнь эта, плотно набита маленькими, быстрыми событиями, что не остается места для каких-то больших, самых главных. А может быть, я не права, может быть, мне чего-то главное их жизни не видно, — что-то ведь должно им нравиться в этой гонке, в этой непрерывной нервотрепке...

Пронзительно заверещал телефон.

— Дежурная часть, помдежурного капитан Дубровский слушает...

Я сказала Стасу:

— Ну и работенка у вас!

— А что? — удивился он.

— Никогда не представляла себе, что такое в мире творится...

— Ничего не попишешь — девять миллионов на

селения. Это тебе не шуточки.

— Не знаю, у меня прямо голова идет кругом: то воруют, то режут, то дерутся... И сплошным потоком, ты глянь, телефон ни на минуту не замолкает...

Тотчас же зазвонили сразу два телефона.

— Дежурная часть. Помдежурного Дубровский...

— Дежурная часть. Замдежурного Микиты...

Стас засмеялся:

— За телефоны не беспокойся — после ноля притихнут. А что касается «потока», то вспомни, как ты первый раз к себе, в «Скорую», на практику пришла? Тоже, наверное, не очень-то весело показалось?

— Ах, это так давно было! Мне тогда казалось, что весь мир состоит из больных и болезней.

— А мир наш, Ритуля, состоит, к счастью, из здоровых людей. Вот и здесь свежему человеку покажется черт-те что...

Отворилась дверь — пришел Севергин, и сразу же раздался трезвон на пульте. Он снял трубку и, прижал ее плечом, стал что-то быстро записывать. А разговор его — как кибернетическая формула: «Да... да... нет... да... нет... да...» И замкнул напоследок: «Добро!» Бросил трубку и сразу же набрал новый номер.

— Алексей Иваныч! Севергин у аппарата. Забори-ни-руй на меня местечко до Бреста... На ближайший... Восьмая? Добро... Привет... — И повернулся ко мне: — Ну вот, разыскали в поезде бабушкина внучка...

Сережка, Сережка, прыгаешь ты в заячьих ушах на своем празднике, без белых колготок, весь совершенно ущемленный, и не представляешь, что уже нашелся бабушкин внук Ленечка, неведомый нам с тобой паренек, твой ровесник, пятилетний человечек, единственный спокойный во всей этой поисковой суете. А что ему волноваться — он ведь, как и ты, безусловно, уверен, что миллиард лет — это очень скоро...

А Севергин уже объяснял старушке:

— Порядок, Ксения Ивановна, едет ваш Ленечка

в Брест с гражданкой Левитиной, поезд шестой, вагон одиннадцатый, купе третье...

И бабка вся в испуге и радости:

— Господи, а как же я теперь? Как же мне его заполучить?

— Вот здесь моя фамилия. — Севергин протянул ей листок бумаги. — Сейчас вас подбросят в Аэрофлот, восьмая касса, возьмете билет — и в Брест. Там своего маленка и встретите. Задирака, давай быстренько...

— А поспею? — с надеждой спрашивала старушка.

— Их на всякий случай встретят на вокзале работники милиции...

— Милый ты мой, дай тебе бог...

Миллиард лет. В самом деле, что это — много?

... — Говорят Севергин... Передаю сводку: с одиннадцатого по тринадцатое ноября сего года в Политехническом музее пропала со стенда трубка оптического газового квантового генератора «ЛГ-55». Розыск ведет сорок шестое отделение. Обстоятельства проверяются. Отбой...

16. Станислав Тихонов

На пульте перед Григорием Ивановичем перекидной календарь, испещренный десятками понятных только ему значков. По какой-то своей системе он заполняет оба листочка, наползая на типографские жирные литеры «13 НОЯБРЯ» понедельник. Восходит солнце в 8.01, заходит в 16.27, долгота дня 8.26.

Ошибочка имеет место. Для нас, во всяком случае. Долгота нашего дня — 24 часа. 1440 минут. 86400 секунд. Арифметика вроде бы, но у нас секунды тоже считаются.

— Неважный денек сегодня, — сказал я Севергину.

— А что? — невозмутимо затянулся он сигаретой.

— Тринадцатое число, понедельник, месяц ноябрь, високосный год. И дождик...

— Не считается, — мотнул головой Севергин. — Я тринадцатое люблю. И родился я тринадцатого. А судьбу хулиять, что цепного кобеля дразнить...

Он глянул на табло электрических часов и сказал Рите и мне:

— Вам, друзья синые, обедать пора. Сейчас придут Халецкий с Задиракой, и сразу же вы — аллюром.

Рита тоже подняла глаза на красные цифры, удивленно сказала:

— Как быстро время пролетело...

Севергин аккуратно раздавил окурок в пепельнице, усмехнулся бегло:

— Здесь как в космосе: на Земле — год, у нас — десять, — и стороннему человеку не понять было, шутит ли он или говорит всерьез.

Я протянул Рите значок-жетон с надписью: «ОПЕРГРУППА»:

— Пойшли, доктор Ушакова. По этому значку всюду и везде без очереди. Даже в столовой.

Мы вышли из дежурной части во внутренний двор. Косой ветер хлестал холодными брызгами. В коричнево-серых лекалах луж расплывались яркие цветные пятна бензина, мерцавшие зелено-и синевой, как засохшие фиолетовые чернила.

У дверей собачника стояли Одинцов и кинолог Вася Шаров. Они смотрели на своих собак — Юнгара и Шаха, которые, как щенки, носились по двору, налетали друг на друга, рычали несерьдито, понап

рошку грызлись, сшибаясь грудью о грудь и становясь на задние лапы наподобие геральдических львов.

Рита опасливо посмотрела на громадных псов, спросила осторожно:

— А ничего, что они вот так здесь бегают? Без привязи?

— А что?

— Куснуть ведь могут, наверное?

Я засмеялся:

— Служебная собака может куснуть прохожего только по команде хозяина.

Но на всякий случай, чтобы ей спокойнее было, взял ее под руку. Она невольно прижалася мою руку к себе, и прикосновение к ее мягкому, теплому боку ударило меня током.

Ах, память! Зыбун-песок. Все истаяло, утекло, пропало. Вот так же, прижавшись друг к другу, мы прыгали через лужи, в которых дымились сиреневые шары фонарей, бежали в кафе «Синяя птица» неподалеку отсюда, на улице Чехова в переулочке, шесть ступенек в полуподвал. Колышущиеся серые клубы дыма, плотные, как хлопковые тюки, пятна желтого света от бра, важные бородатые мальчики, кислое разбавленное вино, тонконогие девочки в коротеньких юбочках, оставший кофе, пляшущий ритм сердца, радостно-грустное томление, сладкие зазывные кошачьи голоса джазистов, скакующий всхлип битмузыки, тощий севрюжий профиль поэта на крошечной эстраде:

— ...Обернулся шар земной,
Как яблоко в руках!
Пробежала десять лет—
Следа не увидать...

Помнишь, как ты говорила: «А не пора ли устроить очередную оргию в злачных местах?» Это означало: пойти в кафе-мороженое или на танцы. Наверное, ты потом рассказала мужу о наших «оргиях в злачных местах», и он добро, снисходительно ухмыльнулся: «Милье, глупые ребятки!..»

→ Рита, а помнишь, как ты рассердилась на меня из-за крючка? — спросил я.

— Из-за крючка? — Рита удивленно взглянула мне в глаза, наморщила лоб: — Что-то припоминаю, но...

Ничего ты не припоминаешь. Да и помнить-то, собственно, нечего. Так, пустяки... Но вся моя нынешняя жизнь состоит из запоминания пустяков. Крючок...

Она пришла на свидание очень гордая. В кафе на улице Горького, бывшем коктейль-холле, уселись мы чинно за столик, Рита расстегнула сумку, достала из нее складной крючок. Двойной крючок в виде скрипичного ключа. Верхней загогулиной крючок прицепила к краю стола, а на нижнюю повесила сумочку. Совершенно заграницично, крайне элегантно. И посмотрела на меня — ну, как?

А меня обуял дикий хохот. Ну, просто я помирал от смеха — не понимаю теперь, что мне показалось тогда таким смешным в этом анодированном симпатичном крючке. Может быть, я ощущал ужасную несовместимость этого жалкого атрибута маленькой светской жизни с нашей студенческой бедностью? Не знаю, в общем, почему мне показался этот крючок таким нелепым и смешным. Эй, дуралей, мне бы хоть разок им восхититься...

Нет, я безудержно смеялся. Пока не увидел, что в глазах у нее слезы...

А столовая управления переполнена. Обеденный час, и все столики огромного, как вокзал, помещения заняты. Только один, у самой раздачи пуст,

четыре чистых прибора — никаких табличек, объявлений, но как бы ни торопился алчущий милиционер, он никогда не сядет сюда. Все знают, что этот стол занимать рискованно, могут «попросить», — здесь обедает опергруппа дежурного по городу, тот, кто в ней занят, выходит из управления не имеет права. А за всеми остальными столами бушует море человеческих забот, служебных и личных дел-делишек — неизбежная приправа к淑очным щам и гуляшу по-африкански.

— Я тебе говорю точно — он ко мне придирайтесь...

— ...Нет, нам за этот квартал в министерстве загривок намылят.

— Да Карпов ему в эндшипиле всегда воткнет...

— ...Эх, если теща к нам не переедет, что с девочкой делать — ума не приложу...

— ...Но ведь сорок семь тысяч вы же на обыске изъяли?

— ...Пластиника — обалдеть можно, Рей Конифф, «Смех под дождем» называется...

— ...Мне к Новому году в Бибиреве квартиру обещали — как из пушки...

— ...У Шавырина дела неважные — финка прорезала плевру и задела легкое...

— ...Тут я не выдержал и с двух столов в него — раз! раз! Наповал! Глухарина на четыре кило...

— ...Башкин, зануда, грозится, если дело не за кончу, на сессию в институт меня не отпустит...

— ...А пынкий говорит нам: «Если бы я разглядел, что машина милицейская, я бы ее пинать ногой не стал...»

Рита отодвинула тарелку, посмотрела на меня, сказала медленно:

— Ты и теперь ешь, как раньше...

— А как я ем?

— Мне кажется, ты не ощущаешь вкуса. Со стороны такое впечатление, что тебе все равно, какая еда...

— Наверное. — Я покал плечами и вдруг совершенно неожиданно для себя самого спросил: — А как ест твой муж?

Рита положила на стол вилку, долго смотрела на свой гуашь, будто припоминала, как должен отнести к этим розовато-серым комкам мяса, испачканным коричневой жижей, ее муж — неизвестный мне прекрасный молодец, который шесть лет назад показался ей много интереснее и привлекательнее меня. Настолько, что она разорвала — мгновенно, навсегда — все связывающее нас, будто пучок истлевших ниток...

— Мой муж, — ровным голосом сказала Рита, — есть всегда с большим аппетитом. Спит только на правом боку и всегда без сновидений. С умеренным азартом играет по полкотейки в преферанс. По телевизору смотрит «Клуб кинопутешествий» и «В мире животных». По утрам бегает трусцой. На работу всегда ходит с охотой. Я подробно рассказала о нем?

— Да, по-видимому, — сказал я неуверенно.

— А почему ты спросил?

— Не знаю. Просто мне хотелось представить его...

Рита отпила глоток кофе, закурила сигарету.

— Он врач. В подмосковном санатории. Не злой. И не добрый. Далеко не глупый, но и ум его мне не очень понятен. Очень здоровый. Всегда в ровном настроении. Совершенно равнодушный. Никакой...

Мимо нас прошел инспектор Колотыгин из второго отдела, поздоровался, включил висящий на стене

радиодинамик, и из белой коробочки рванулся ко мне голос Кати:

— Вы слушаете программу «Маяк»...

И в голосе ее было столько торжественности и обещания необычного, будто она вела радиопередачу с Марса.

— На волне «Маяка» музыка из кинофильмов... Ладно, пускай будет музыка из кинофильмов. Кати ее нам послала так же, как она говорит мне вечером:

— Знаешь, Стас, я так закрутилась, что не успела приготовить ужин. Но я по дороге домой купила торт-мороженое: это ужа-а-сно вкусно!..

Рита положила ладонь на мою руку и спросила тихо:

— Стас, а ты доволен своей жизнью? Своей работой?

— Я делаю то, что умею.

Рита быстро взглянула на меня:

— Твоя работа требует особого умения?

И я допил свой кофе, отставил чашку, посмотрел на струйки дыма от ее сигареты — голубоватые, текущие.

— Да. Думаю, что требует.

— А в чем же оно, это умение?

Я откинулся на стул, с прищуром смотрел на нее — когда-то такую близкую, неотторжимую, часть меня самого, самую главную, самую важную часть моего существа, а теперь навсегда оторванную очень здоровым, равнодушным человеком, бегающим по аллеям санатория трусцой. Почему-то он представлялся мне похожим на мерина.

И бушевали во мне два чувства — твердая решимость не говорить с ней ни о чем и острая потребность рассказать ей все. И эти чувства сшибались во мне, как недавно бились грудь в грудь на плацу Юнгар и Шах. И битва чувств была иенастоящая, попарочечная, без злости...

— Все люди смотрят друг на друга мельком, как мы смотрим на часы: большая стрелка — вверх, маленькая — вниз, все понятно — шесть часов. А ссычки как часовщики: их интересуют не столько стрелки, сколько система шестеренок и пружин, образующих часы...

Рита настойчиво спросила:

— Что же для этого надо уметь? Быстро думать? Много помнить? Внимательно слушать? Хорошо стрелять?

— Наверное. Наверное, это тоже надо... А главное... Как бы это сказать... Надо уметь удариться сердцем о чужую беду...

А из репродуктора летели над нами огромные порции торта-мороженого. Целые айсберги мороженного погребли под собой шум и гомон столовой. Мы были с Ритой одни в этом буряне из мороженого, и, чтобы лучше слышать, она наклонялась ближе ко мне.

— Да-да, Рита. Ничего здесь не попишешь, работает у нас осoba...

— И ты счастлив?

Как хорошо, что нас закружила мороженная метель, что мы только вдвоем, что нас никто не слышит! Как хорошо, что так много музыки в кинофильмах, что она такая громкая...

И смех у меня, наверное, не очень натуральный:

— Эх, Рита, Рита! Это же несерьезно! До конца, во всем и всегда может быть счастлив только слабоумный. У меня полно своих огорчений, забот и тревог. Но я делаю дело...

А Рита сердится, она отбросила ложку и постукивает твердо кулаком по столу:

— Да пойми, Стас! Я ведь не шпилю тебя! Я

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР ВО ВЬЕТНАМЕ

Дети и молодые люди, учащиеся и студенты всех школ, колледжей и институтов Вьетнама приняли участие в летних работах. Они пришли на фабрики и заводы, чтобы помочь выполнению производственных заданий. Школьники и студенты были направлены на стройки, работали в сельскохозяйственных кооперативах, в центрах, занимающихся лесоисследованиями, прокладывали каналы и возводили дамбы. Младшие школьники выполняли свой «Малый план», стремясь сбрасывать че-

тыре миллиона килограммов макулатуры. Студенты участвовали также в выполнении программы «Свет культуры-77». Эта кампания направлена на ликвидацию неграмотности, повышение уровня образования десятков тысяч людей.

Ну, а кроме того, мальчишки и девчонки, юноши и девушки занимались спортом, участвуя в многочисленных соревнованиях, выступали с концертами, смотрели кинофильмы, встречались с артистами.

— ВЬЕТНАМ ЮС., СРВ

Глубоководная акула

Акула, запечатленная на снимке, совершенно не известна специалистам. Выловлена она недавно в районе Гавайских островов и относится, по мнению директора аквариума в Вайкики, к новому виду, а может быть, даже к новому семейству. Пасть акулы очень большая, усеянная острыми зубами, по мере раскрытия пасты челюстная кость выдвигается вперед. Но самое удивительное в том, что пасть акулы... светится. Свечение, как это нередко наблюдается у глубоководных рыб, имеет биolumинесцентное происхождение. Служит оно, как считают ученые, практическим целям, для приманки рыб. Плавники глубоководной акулы довольно маленькие, а общая длина 4,5 метра при весе 875 килограммов. Поймана акула была на глубине 500 метров довольно оригинальным способом — с помощью опущенного с борта парашюта, раскрытоего под водой. Поднятая на поверхность акула оказалась мертвой — она была удушена парашютом.

•ШТИИНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ,
РУМЫНИЯ

КОФЕ И КНИГИ

На одной из крупнейших площадей датской столицы находится необычная библиотека. Она имеет вид уютного кафе, где можно выпить с друзьями чашечку вкусного кофе или чая, но в этом кафе каждому посетителю предоставляется также и богатый выбор марксистских книг и журналов. В последнее десятилетие такие «кафе-библиотеки» созданы почти в каждом районе Копенгагена. Первые из них возникли в конце шестидесятых годов, в период мощного движения солидарности с борющимся вьетнамским народом. Посетители в этих кафе могут ознакомиться со многими книгами прогрессивных авторов, перелистывать журналы и газеты, обсудить актуальные вопросы. Из Копенгагена «кафе-библиотеки» распространились и по другим городам страны, сейчас их в Дании уже свыше восьмидесяти. Открываются они по инициативе местных организаций коммунистической партии, сотрудничающей с другими прогрессивными организациями. В самой большой такой библиотеке на Культурете в Копенгагене 3500 книг, десятки журналов, кроме того, здесь есть грампластинки с записями политических песен и песен протеста, которые пользуются большой популярностью. Первое десятилетие существования «кафе-библиотек» показало, что они стали в Дании важным оружием классовой борьбы: практическим распространением и популяризацией марксистской литературы они весьма эффективно поддерживают рабочий класс в его налегкой каждодневной идеологической борьбе.

«МАДЬЯР ИФЮШАГ», ВЕНГРИЯ

КАК ИСПОКОН ВЕКОВ

Когда руководители почтового ведомства США узнали, что в городке Кармел, штат Калифорния, нет почтальонов, они направили туда специальную комиссию для выяснения обстоятельств и решения этого вопроса.

Но городское население, все четыре тысячи семьсот девяносто один житель, высказалось решительно против каких-либо новшеств в жизни города. Им гораздо больше нравится обходиться без почтальонов и хо-

дить на почту самим: там можно поболтать со знакомыми.

Это не первый случай, когда Кармел отказывается от нововведений. Утверждают, что это единственный город в мире, где нет ни универмага, ни гастронома, ни заводов, ни единой неоновой вывески.

Граждане преисполнены желания сохранить все в своем городе, как это было испокон веков.

— УИКЭНД, АНГЛИЯ

Зловещая пародия на спорт

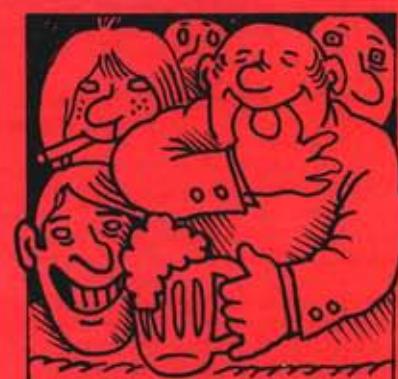
Удар, еще удар — и красивая темноволосая итальянка Тина тяжело падает на пол. Луч прожектора ощущивает тепло стройной женщины в лиловом купальнике типа «бикини», с боксерскими перчатками на руках. Тина пытается приподняться и тут же получает сильнейший удар от своей соперницы Марлены. Снова мечется прожектор, а судья Чарли делает Марлене предупреждение за недозволенный прием. Публика бесится: «Врезь ей по-настоящему! Прикончи эту тварь!»

И вновь две полуголые женщины бросаются друг на друга, и один за другим ссыплются удары. Тина вновь падает, но потом внезапно вскакивает и с бешеным жаждит Марлену. Та дает ей сдачи, тонет по всему рингу и, наконец, сбывает с кот...

Все это происходит в большом зале мюнхенской пивной «Швабингер-брой». Посетители посасывают пиво из картонных стаканов (стеклянных здесь не держат, ибо они слишком часто лежат в сторону ринга). Эмансипация женщин зашла так далеко, что международный турнир 1977 года по дамскому боксу, организованный первоначально в Ингольштадте, был продолжен в Розенхайме и Вальдрайбурге, а теперь перекочевал в Мюнхен.

Перед входом в зал пикируют женщины, протестующие против нового вида «спорта». Они несут транспарант: «Только законченный негодяй может смотреть на такие вещи».

Впервые мысль об организации матчей дамского бокса зародилась у господина Шротмана, торговца недвижимостью, несколько лет назад. «Из этого можно сделать очень неплохой бизнес», — решил он и начал подбирать подходящие кандидатуры. Сейчас у него в резерве двенадцать женщин-боксеров. Большинство из них не

имеет постоянной работы и вынуждено таким образом зарабатывать себе на жизнь. Женщины выступают в париках и гриме — они не хотят, чтобы их узнали знакомые.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

МАОРИ ИЗ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Маори, живущие в Новой Зеландии, принадлежат к полинезийцам, населяющим восточную часть Тихого океана. Но маори не просто полинезийцы, в них течет и кровь меланезийцев, так называемых негроидов Океании, обитающих в Новой Гвинея, на Фиджи и на Новых Гебридах. Многие маори отличаются высоким ростом, прямыми или волнистыми волосами и светлой кожей полинезийцев, у другой же, не менее многочисленной части этой народности — темная кожа, высыпшие волосы и широкие носы меланезийцев.

Искуснейшие мореплаватели, маори впервые появились в Новой Зеландии в XII веке, однако лишь спустя два столетия они начали заселять страну. По всей вероятности, пришельцы жили на Таити. Они привезли в Новую Зеландию сладкий картофель — «кумара», батат, тыкву и домашних собак.

Первоначально маори разделялись на племена, руководимые вождями. Работу выполняли женщины и рабы, мужчины предпочитали охоту и участие в военных играх. Одежда маори состояла из длинного куска льняной материи, которым они оборачивали все тело с головы до ног. Весьма распространена была татуировка, отличающаяся сложным и, пожалуй, даже изысканным рисунком, особенно тщательно расписывались лица мужчин.

Первым из европейцев страну в 1642 году открыл А贝尔 Тасман. Но он отплыл от Новой Зеландии, так и не сойдя на берег. Вторично страну открыл Джеймс Кука в 1764 году. По мере того как число европейцев возрастало, численность маори сокращалась. В 1840 году, когда маори утратили национальную независимость, став колонией Великобритании, их численность составляла 120 тысяч человек.

Сегодня немногие маори могут говорить на своем родном языке, живут они в основном в районах Роторуа — на севере Новой Зеландии.

«ИЛЛЮСТРЕЙТЕД УИКЛИ ОВ ИНДИА», ИНДИЯ

Нужна
всего
секунда

Термоприбор, своими размерами не превышающий карманный вычислитель, сконструирован инженерами в Швейцарии. Прибор измеряет температуру в пределах от нуля до плюс 1200 градусов по Цельсию. Данные измерений появляются с секундной быстрой. Интенсивность света на табло автоматически приспособлена к яркости внешней среды. Питается измерительный прибор от батареи.

«ТЕХНИКУС», ГДР

ДЕРЕВНИ- ЛАБИРИНТЫ

Матакамы, горцы северного Камеруна, строят свои ложи в виде глиняного круга, покрытого конусообразной крышей из твердой соломы местного проса. Подобную конструкцию можно встретить и в других районах Африки, но здесь особенность заключается в том, что ложи матакамов соприкасаются одна с другой, образуя замкнутое пространство. Такими же самыми крышами они покрывают большой барабан деревни, колодцы, общественные постройки, так что вся деревня представляет собой своеобразный замкнутый лабиринт с единственным входом. Традиция строительства продиктована необходимостью защиты от разбойников, которых здесь было немало. Для пришельца деревня-лабиринт представляется хаосом, в действительности же отдельные ложи размещаются по определенной системе, понятной каждому жителю.

«ПОЗНАЙ ШВЯТ», ПОЛЬША

Прежде всего деньги

Мужчина, доставленный в лионский госпиталь, был при смерти. Его жена две ночи не отходила от постели умирающего. Однако медсестра оказалась бессыльна.

Но вот в математике руководители лионского госпиталя чувствовали себя увереннее. Сразу же после смерти мужа вдове был представлен к оплате счет: 30 франков за прокат шезлонга и за обед, съеденный ее мужем. Если быть до конца точным, то бессонные ночи вдовы провела на самом обычном стуле, что же касается обеда, то ее муж ничего не ел уже почти три недели.

Трудно рассчитывать на заботу и вниманиe, когда все отношения между больными и работниками больниц сводятся лишь к беспокойству об оплате счетов.

«ЮМАНИТЕ ДИМАНШ», ФРАНЦИЯ

Любите
друг друга
или...

Медицинские исследования показывают, что одинокие, овдовевшие или разведенные люди в значительно большей степени подвержены болезням, чем те, у кого есть семья.

Для психолога Джеймса Линча, автора книги «Разбитое сердце: медицинские последствия одиночества», причина этого явления очевидна — одиночество убивает.

Линч, специалист в психосоматической медицине, работающий в Медицинской школе университета штата Мэриленд, доказывает, что социальная изоляция ведет сначала к эмоциальному, а затем и к физическому износу. Ирландцы, живущие в Бостоне, замечает он, отличаются более высокой степенью смертности от коронарной болезни, чем их братья, не утратившие связей с родным домом, с привычной окружающей средой. В штате Невада, США,

где большая свобода нравов и потому велико число разведенных, смертность от сердечных болезней значительно выше, чем в соседнем штате Юта, с его мормонскими традициями крепких семейных уз.

Что можно сделать, чтобы замедлить распространение в нашем обществе болезней, первопричина которых — одиночество? Линч говорит, что ответ — в укреплении семейных связей, в расширении контактов с соседями и друзьями: «Просто нужно помнить, что существуют биологические основы, диктующие необходимость формирования человеческих отношений. И если нам это не удается, то наше здоровье оказывается в опасности». Поэт Оден выразил эту мысль иначе: «Мы должны любить друг друга или умирать».

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

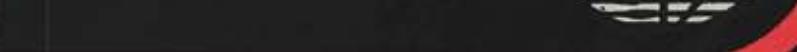
ИСТОРИЯ НА
СТЕНАХ

Во многих городах Италии можно видеть «муралис» (рисунки на стенах). Центром итальянских «муралис» стал Милан. И толчок развитию этой формы живописи дали отнюдь не сырость и пустота фасадов, а прежде всего активность рабочих организаций, возможность участия в политической жизни. Часто «муралис» представляют собой целые картины, выполненные в ярких красках, причем стилизованные и символические фигуры достигают высоты третьего этажа.

Рисунки на стенах как область

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Город приходит!

Начало на 25-й стр.

хочу разобраться! Понять! И тебя! И себя! Что-то проверить — не в твоем, а в своей жизни! Тебе разве не хочется прожить жизнь сначала? Все повторить, чтобы не было массы глупостей, нелепых решений, ненужных поступков? Стыдных и горестных ошибок?

И шум мороженного обвала прекратился, удивленность наша в этом сладком грохоте исчезла, телевизоры в эфире позывные «Не слышни в саду даже...», и Катя твердо напомнила:

— Говорит «Маяк», московское время...

А я ответил Рите:

— Нет, не хочу. Если ты начинаешь новую жизнь, то куда дается старая? Если ты сам стал новым, то где ты похоронил себя, старого?..

И, может, Рита на все мне ответила бы, все объяснила бы и доказала, как когда-то, когда мы оба еще не совершили ненужных поступков, не приняли нелепых решений, не сделали массы глупостей, оказавшихся стыдными и горестными ошибками, но в дверях уже стоял Юра Одинцов и энергично махал нам рукой — на выход!..

— Милиция слушает. Замдежурного Микито...

— Здоровеньки булы, Микито! Это Гнатюк из восемнадцатого отделения твой тревожит. Просьба у меня — тут прохвости какие-то сняли баллоны с инвалидного «Запорожца». Мы в сводку дали, а вы передайте, пожалуйста, ориентировку побыстрее, а то жаль человека, без ног ведь...

17. Рита Ушакова

У женщины было серое, смазанное от страха лицо. Она говорила медленно, словно у нее сильно замерзли губы. А когда ей неожиданно задавали вопрос, она резко вздрогивала и, будто глухая, долго искала глазами: кто спросил?

— Что же это такое, господи? Среди бела дня! Пропустил в лифт, спрашивается: вам какой этаж? Нажал на кнопку, повернулся ко мне: давай, бабка, сумку! И ножик перед глазами держит...

И такой в ней бушевал испуг, так от пережитого волнения тряслось все ее существо, что я сама ощущала эту резонансную волну — безо всякого труда увидела гудящую пластиковую коробку лифта, онемевшую от ужаса старуху, зловещее посверкание тусклой лампы на острие ножа, который еле-еле подрагивает перед глазами, тоскливо ощущение безнадежности, бессилие ночного кошмара — ни закричать, ни побежать, ни позвать на помощь, потому что уже сдвинулись дверцы лифта и, как медленные створки крематория, отделили от всех добрых людей на свете. Только мерное гудение моторов, скрип тросов и злой просверк ножа перед глазами...

— Сердце зашлось — слова молвить не могу. И руки отнялись.

— Я понял, дальше... — потопралывает ее Стас, и в этот момент мне неприятна его деловитость. Я понимаю, конечно, что ему сейчас не до сантиментов, он дело делает, но лучше бы это говорил Скуратов. Для меня ведь он не только человек на работе. Да я, наверное, и сама бы не хотела, чтобы он меня видел на работе. На моей работе.

— Забрал сумку, вытащил кошелек из нее, а я только вчерась пенсию получила — восемьдесят один рубль. И мелочи — шестьдесят пять копеек... — Воспоминание о денежной потере как-то размягчило ее напряжение, в жаркой досаде по утраченной навсегда пенсии испуг медленно стал перетапливаться в горестную жалость к таким нужным, своим, честно заработанным деньгам! Из-под век ее трудно, как из-под камня, прорезались две слезинки, и вместе с ними она, будто захлопнув за собой дверь в пластиковую коробку, заполненную вместо воздуха ужасом смерти, снова шагнула к нам, к людям, к обычным нашим нуждам и огорчениям.

— И еще спрашивает: часы есть? Нет, говорю, а он, бандит, на палец смотрит! — и показала нам палец с обручальным кольцом, вросшим за долгие годы в живую плоть.

— Ну-ну, — нетерпеливо торопит ее Стас.

— Махнул он рукой, нажал кнопку — лифт пошел вниз. «Стой, — говорит, — бабка, и не шевелись, если жизнь дорога!» Дверь отпер и выскочил, а я в лифте осталась... Потом уж разглядела — на втором

этаже... — Она прикусила губу, сухо, сипло вздохнула и, прикрыв тонкие пленочки век, попросила: — Валидола таблеточки не найдется?..

Все переглянулись немного растерянно, а я с досадой подумала, что и в моем чемодане нет валидола. Придется сделать укол камфоры — я встала, но меня опередил Севергин. Он подошел к бабке вплотную, сунул руку в боковой карман, быстро протянул ей металлический тюбик с лекарством, и по его напряженной спине я поняла, как он не хотел, чтобы все знали о лежащем наготове валидоле в его кармане.

Прошло несколько мгновений, старая женщина все еще сидела с закрытыми глазами, но я видела, что боль, остро когтившая ее сердце, уже отступила. Эксперт Халецкий подсдел к ней поближе, успокаивающе погладил ее по плечу, спросил:

— Вы его сможете подробно описать?

— Могу, — кивнула женщина, не открывая глаз. — Я его до грбовой доски запомнила...

— Ясно. Пройдемте тогда к нам, чтобы все было по науке... — Халецкий повернулся ко мне: — И вас, Маргарита Борисовна, я попрошу присутствовать, нам может понадобиться ваша помощь. — И он незаметно показал мне глазами на медицинский чемоданчик.

Спустились на первый этаж, прошли длинным коридором, и Халецкий открыл дверь с табличкой «ЦЕНТР ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Здесь уже сидели за столом двое мужчин, рисовали на большом листе бумаги какую-то схему.

— Заждались, Ной Маркович, — сказал один из них. — Давайте побыстрее, времечко-то бежит...

— Мой юный друг Колотыгин, — усмехнулся Халецкий, — не путайте расторопность с суетливостью.

Я спросила у Стаса, кто эти люди.

— Это инспектор Колотыгин и следователь Мищенко — они ведут дела по предыдущим разбоям в подъездах.

Вдоль стены в кабинете разместилось необычного вида сооружение, напоминающее огромную пишущую машинку, соединенную с телевизором. Механизм красив, на нем выделяются красные буквы, образующие надпись «ФИЛЬМДАТА II». Халецкий уселся около «пишущей машины», женщину поудобнее устроил рядом.

— Значит, молодой, говорите? — спросил он. — Сколько лет примерно?

— Ну... лет двадцать пять... — сказала женщина. — Может, тридцать, не больше...

— Ясно, — наклонил голову Халецкий и нажал клавишу на машине. Она ожила — раздалось еле слышное гудение и мерное стрекотание, одновременно закрутился большой вал с широкой бумажной лентой.

— Рост?

— Рост небольшой... как ваш... приблизительно... — Женщина смутилась.

— Комплекции худощавой?... — сказал Халецкий и нажал одну за другой еще две клавиши. — Лицо какой формы, не помните?

— Длинное такое... лошадиное...

— Губы? Глаза?

— Губы чего-то не запомнила я... А глаза светлые...

После каждого ответа Халецкий нажимал клавишу, и машина отвечала ровным стрекотанием. Женщина явно успокаивалась.

— А как она работает, эта машина? — спросила я у Стаса.

— У-у, машина жутко хитрая! И памятливая, главное. Значит, берутся на заметку наши «клиенты», и на специальной микропленочке фиксируются все мыслимые данные о них: возраст, адрес, словесный портрет, особые приметы...

— И особые склонности? — улыбнулась я.

— Вот именно: в первую очередь надо знать, что жулик совершает и каким способом...

— А почему в первую очередь?

— Потому что большинство преступников — люди без воображения, — серьезно ответил Стас. — Удался ему один прием, и он начинает им пользоваться от души...

— Так, ну а дальше?

— А дальше машина начинает с немыслимой скоростью отбирать те карточки, в которых сходятся данные, указанные свидетелями, — их для краткости называют «поисковыми признаками». Попали, сейчас сама увидишь...

А Халецкий тем временем методично спрашивал потерпевшую:

— Веснушки? Бельмо? Зубы все? А металлические? Может, кривые? Или желтые? Усы? Оспины?..

Женщина отрицательно качала головой.

— Сутулость? Родинки?..

— Есть! — Возбужденно закричала женщина. — Есть родинка, под глазом... — И, задумавшись, не уверенно добавила: — Не помню только, под каким... Большая, с копейку...

Халецкий нажал еще одну клавишу, и снова:

— Рубцы на лице или на руках? Ожоги? Ямка на подбородке?..

— Нет... нет... нет...

— Говорит с акцентом? Заикается? Картавит? Жестикулирует?

Тихонов спросил следователя из отделения:

— А те потерпевшие сколько отобрали?

— Первая — триста семьдесят карточек... — сказал Мищенко. — От второй толку мало, она до сих пор в себя еще не пришла... поисковых признаков не дает практически... А старичок — молодец: после него из трехсот семидесяти только сто две остались... Памятливый...

Халецкий повернулся к следователю:

— А про родинку он вспомнил?

— Нет. — Удовлетворению хмыкнув, он вставил в приемный элеватор толстенную пачку целлюлоидных микрофишек, нажал тумблер, и машина с ровным, тихим гудением начала невероятно быстро сортировать их: в ящичек налево падали неподходящие, направо — время от времени — «соответствующие поисковым признакам».

— А прозевать кого-нибудь машина не может? — с сомнением спросила я.

— То-то и оно, что не может! — довольно восхликал Халецкий. — Сто процентов точного отбора! Как говорили греки: мудр, кто знает не многое, а нужное.

Машина остановилась — прошло всего несколько секунд, и толстая пачка карточек разобрана. Халецкий вынул из правого ящика микрофишки.

— Семь! — просчитал он, вставил их в кассету, а затем попросил потерпевшую: — Теперь смотрите внимательно на экран...

Огромный экран осветился, и на нем появилось лицо молодого мужчины с родинкой под глазом. Женщина завороженно смотрела на экран, прошептала запекшись губами: «Нет...» Проплыло еще одно лицо, потом еще, еще — у всех худощавые, длинные, «лошадиные» физиономии, все че-то одновременно и похожи и отличаются друг от друга, и у каждого родинка под глазом, правым или левым...

Они смотрели на нас из овальной рамки экрана, словно заглядывали в иллюминатор батискафа, на котором мы спустились к ним, и в их неподвижных черно-белых бесцветных лицах стыла опасность.

Вдруг женщина схватилась за сердце, закрыла глаза, выдохнула хрип-вздох:

— Постойте... погодите!..

Халецкий стал фиксировать изображение и поворотом верньера вдруг увеличил его во весь экран. Женщина, вся съежившись, смотрела с ненавистью и испугом на преступника, не в силах выговорить ни слова, кивала головой.

Лицо на экране резкое, серо-белое, с маленькими острыми глазами, вытянутое, как козье вымя.

Халецкий нажал какой-то рычажок и начал манипулировать с аппаратом, а инспектор Колотыгин долго-долго смотрел на изображение и произнес неожиданно:

— Наши... Сашка Фомин... С моей территории... — Голос его прозвучал хрипло, недовольно.

Халецкий тем временем выудил пинцетом из недр аппарата большой, еще влажный фотоснимок, на котором, кроме портрета преступника, был виден текст, отпечатанный на машинке. Прочитал вслух:

— Фомин Александр Васильевич, кличка «Бес», пятьдесят второго года рождения... Взят на учет детской комнаты сорокового отделения милиции... Судим за грабеж...

— Он самый... — горько сказал инспектор. — Без отцовщины. Сперва у ребят в школе чего можно таскал... Потом сорвал ондатровую шапку. А теперь, ишь, до чего докатился...

Из динамика раздался резкий голос Севергина:

— Внимание, опергруппа! В девятнадцатом квартале Химки-Ховрина, улица Дыбенко, дом двенадцать, на строительстве дома обнаружен в песке ржавый артиллерийский снаряд калибра ориентировано 122 миллиметра. На выезд!

...ОТВЕТСТВЕННОМУ ОПЕРАТИВНОМУ ДЕЖУРНОМУ ПОДПОЛКОВНИКУ СЕВЕРГИНУ

РАПОРТ

Сегодня в 14 часов 30 минут гражданин ФРГ Ганс Иоахим Дитль, стюард авиакомпании «Люфтганза», находясь в нетрезвом виде, разбил в вестибюле гостиницы «Интурист» стеклянную вывеску «Ресторан» размером 40 на 60 см. Кричал на обслуживающий персонал, вел себя вызывающе и выражался отдельными русскими непристойными словами.

Участковый инспектор
ст. лейтенант милиции Корпачев».

Продолжение следует.

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ»

Дорогие друзья, новые читатели и постоянные подписчики «Смены»! Вот вы и получили несколько номеров 1978 года. Вероятно, заметили новые рубрики журнала, встретились с разделами, которые встречали на страницах «Смены» и прежде. Чтобы выяснить читательское мнение, «Смена» приглашает всех вас к участию в заочной «летучке» журнала. Однако менее всего мы хотим, чтобы «летучка» эта вышла пассивной, только оценочной: это хорошо, а то — не очень. Мы приглашаем назвать нам адреса героев, о которых следовало бы написать, обратить внимание на проблемы, которые стоит изучить, ждем острых вопросов, требующих компетентных ответов заинтересованных организаций и лиц.

Итак, ждем вашего активного участия в заочной читательской «летучке» «Смены».

1. 1978 год — год XVIII съезда ВЛКСМ и 60-летия комсомола. Какие проблемы жизни и деятельности ВЛКСМ представляются вам наиболее актуальными? Требующими решения сегодня?

2. «Смена» — журнал, уделяющий много внимания рабочей молодежи. Какие проблемы этой группы комсомола требуют анализа, изучения, коллективного обсуждения на страницах журнала?

3. Летом 1978 года на Кубе состоится Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и в канун его «Смена» опубликует рассказы о жизни молодых людей разных стран. О молодежи каких именно стран, о каких проблемах жизни молодежи хотите вы узнать?

4. «Прошу слова!» — давняя рубрика «Смены», где обсуждаются различные проблемы нравственного воспитания молодежи. Ваши темы для этого раздела.

Линия склада

5. «Человек среди людей» — так называется один из наших разделов, как нам кажется, говорящий сам за себя. Какие проблемы стоит поднять в этой рубрике?

6. Предложите ваши кандидатуры героев рубрики «Молодые мастера искусств».

7. То же самое — для рубрики «Чемпионы о себе».

9. В разделе «Красота родной земли» мы публикуем фотоочерки, воспевающие разные уголки страны. О каких местах, дорогих вашему сердцу, следует рассказать в 1978 году?

Линия склада

10. Если вы давний читатель журнала, назовите, какие остроюжетные романы и повести, которые «Смена» печатает с продолжением, показались вам в последние годы наиболее любопытными? Представителя какого детективного и научно-фантастического жанра хотелось бы вам прочесть более всего?

11. На страницах «Смены» начинали выдающиеся прозаики и поэты — Шолохов, Астафьев, Гамзатов, Бондарев, Шукшин... Много молодых авторов публикуется и сейчас. Мы приглашаем читателей высказаться об их творчестве, назвать молодых литераторов, к которым «Смене» стоило бы проявить интерес. Наконец, мы объявили «Конкурс одного стихотворения». Приглашаем тех, кто пишет стихи, принять в нем участие; тем, кто не пишет, передать наши предложения к конкурсу знакомым, сочиняющим стихи.

12. «Жизнь замечательных людей» — постоянная рубрика журнала. О каких выдающихся людях прошлого и настоящего следует рассказать в будущем?

Линия отреза

Линия отреза

БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, 14
МОСКВА, А-15,
101457, ГСП

13. Участвуете ли вы в шахматных олимпиадах «Смены»,
по результатам которых присуждаются спортивные разряды?

Если нет, приглашаем.

14. Какие еще массовые конкурсы и соревнования
следовало бы проводить журналу на своих страницах?

15. Рядом с вами живут и трудятся интересные
люди — интересные своим трудом, своими увлечениями. На-
зовите этих людей, а «Смена» попытается рассказать о самых
интересных из них.

16. В каждом номере журнала публикуется песня. Какие
песни стоит напечатать еще?

МЕСТО ПРИКЛЕИВАНИЯ КЛАПАНА

Линия скрыва

17. Какие еще предложения и замечания хотите вы
высказать редакции?

Ждем ваших писем!

Если хотите, укажите ваши:
фамилию, имя, отчество

возраст

профессию

образование

место, где живете,

давно ли выписываете «Смену»?

Желаем вам во всем успехов и удач. За ранее благодарим за
участие в заочной «летучке» читателей «Смены».

КОМИССАРЫ

Слова
Михаила МАТУСОВСКОГО.
Музыка
Евгения ЖАРКОВСКОГО.

Хоть седеют давно виски,
Для меня вы еще не стари—
Замполиты, политруки,
А по-прежнему—комиссары.

Ваше слово на той войне,
К сердцу путь самый верный выбрав,
Шло с гранатами наравне,
Со снарядами всех калибров.

Вы бросали людей в штыки,
Наносили врагу удары—
Замполиты, политруки,
А по-прежнему—комиссары.

Обжигая командой рот,—
Видно, участь у вас такая,—
Всюду первымишли вперед,
За собою нас увлекая!

Так вели вы вперед полки
Сквозь страдания и пожары—
Замполиты, политруки,
А по-прежнему—комиссары.

А к рассвету—в огонь опять
И дорог впереди—без счета...
Побеждать!.. И насмерть стоять!
Ваша главная партработка!

Хоть седеют давно виски,
Для меня вы еще не стари—
Замполиты, политруки,
А по-прежнему—комиссары.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

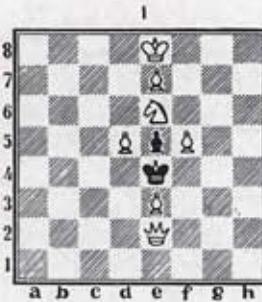
Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

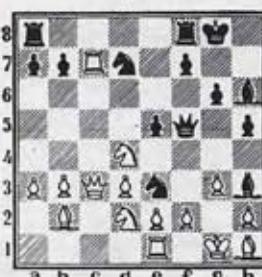

Продолжаем публиковать задания нашей юбилейной шахматной олимпиады. Жюри напоминает читателям о необходимости указывать справа вверху на обороте открытки олимпиадный регистрационный номер. В случае если решения и ответы не уместятся на одной открытке, то разрешается послать в редакцию и другую—с пометкой под наименованием тура «продолжение». Настоятельная просьба к участникам традиционного состязания—направлять письма в адрес редакции в строго установленные сроки.

ПЯТЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в три хода. (4 балла)

Какой путь к победе имеется в распоряжении черных? (4 балла)

III

Кто из советских шахматистов и в какие годы становился чемпи-

оном мира среди юношей? (1 балл).

IV

Укажите первого советского обладателя шахматной короны, а также когда и где состоялось состязание, в котором он завоевал пальму первенства мира. (1 балл).

Запомните, пожалуйста, что письма на пятый раздел олимпиады нужно посыпать только с 1 по 10 апреля 1978 года.

ТЕПЕРЬ ИГРАЮТ МОЛОДЫЕ

Уже более двух десятилетий проводятся традиционные товарищеские матчи шахматистов СССР и Югославии. В недавнем таком состязании, которое состоялось в Таллине, спортивную часть обеих команд по обоюдной договоренности защищали исключительно молодые спортсмены. Наша сборная добилась большого успеха, одержав верх с крупным счетом 31:9. На первой доске в гроссмейстерской дуэли между Олегом Романишином и Крунославом Хулаком советский шахматист победил 2:1.5.

Приводим два фрагмента из партий молодых мастеров—участников этого соревнования, подтверждающие, что в обеих странах

растет талантливая шахматная смена.

Перед вами оригинальный эндшпиль, возникший после 36-го хода черных в партии Г. Зайчика из Тбилиси (у него были белые) с М. Беляевым.

37. Kg3—f5 Lf8—e8 38. Le5—e1 Lb8—d8 39. Kf5—e3 c7—c6 40. Le1—c1!

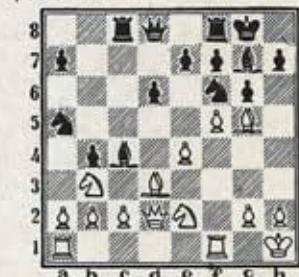
Умелым перестроением и временной жертвой пешки белые овладели инициативой.

40. ... c6:d5 41. Lc1—c7 Cb7—a8 42. Ke3—f5 Kph7—h8 43. Kf5:h6 Kph8—g7 44. Kh6—f7 Ld8—b8 45. Lc7—c3! Kpg7—f6 46. Lc3—e3 Lb8—b6 47. h5—h6!

Стремительный марш крайней проходной пешки позволяет белым создать малыми силами неотразимые угрозы неприятельскому королю.

47. ... Lb6:e6 48. Le3:f3+ Kpf6—g6 49. h6—h7! Le6—e1+ 50. Kpg1—h2 Kpg6:h7 51. Kf7:g5+ Kph7—g6 52. Ld4—q4 Le8—h8+

53. Kg5—h7+, и черные капитулировали.

К такому положению после 15-го хода белых пришли Н. Ристич (он играл черными) и москвич С. Долматов. Черным удалось вскрыть центр и получить заметное пространственное преимущество.

15. ... d6—d5! 16. Kb3:a5 Fd8:a5 17. e4:d5 Cc4:d3 18. Fd2:d3 Fa5:d5 19. La1—c1.

Не видно, как могут белые предотвратить потерю одной из пешек.

19. ... Fd5:a2 20. c2—c3 Lf8—d8 21. Fd3—f3 b4:c3 22. b2:c3 Fd2—d5 23. c3—c4 Fd5:f3 24. Lf1:f3 Ld8—d7 25. h2—h3 Kf6—e4!

Черные действуют с завидной активностью, и вскоре их перевес становится подавляющим.

26. Cg5—e3 Ke4—d2 27. Ce3:d2 Ld7:d2 28. Ke2—f4 Ld2—d4 29. f5:g6 h7:g6 30. c4—c5 Cg7—h6, и белые сдались.

МОДА ВЕСНЫ

Начало на 24-й стр.

раз лишено машинное изготовление с его излишней «правильностью», некоторой сухостью, чеканной четкостью переплетения. В ручной работе все чуть-чуть сдвинуто—не так ровны петли, неодинаковы плотности полотна, нет абсолютной симметрии. Но так же, как неподвластно машине высечь скульптуру, нарисовать картину, сочинить музыку—такую, чтобы она была согрета теплом человеческой души,—так же не создать машине одежду, которая была бы сродни настоящему искусству.

В изделиях фольклорного характера тонкое трикотажное полотно может сочетаться с крупным рельефным ажуром ручного вязания... С помощью оптических приемов на тонких полотнах можно имитировать грубоватые рельефные

ПЛАТЬЯ, РЕШЕННЫЕ ПО НАРОДНЫМ РУССКИМ МОТИВАМ.

НАРЯДНЫЕ ПЛАТЬЯ, ОДЕЛАННЫЕ РУЧНЫМ ВЯЗАНИЕМ.

формы, создавая иллюзию пространственной глубины. Орнаменты, выполненные в своеобразной технике ручного вязания, с плавно закругленными краями, производят впечатление выпуклого рельефа и делают модели праздничными, нарядными.

Теплый цвет неотбеленной шерсти, чудесная гармония орнамента, фактуры и всех деталей подчинены общему ясному ритму. В таких изделиях нет или почти нет цветовых акцентов. Все построено на богатстве светотени.

В орнаментах вышивок сейчас можно изображать мелкие травы, полевые цветы, листья деревьев, узоры, составленные из мелких ягод. Причем при достаточно натуральных формах самого орнаментального мотива их цветовое решение условно. Подобно геометрическим рисункам мотивы растительного орнамента выстраиваются в вертикальные полосы или клетки, обогащенные оптическими приемами света и тени. Такие орнаментальные полосы могут сочетаться с полосой из тонких линий тех же цветов.

Наряду с декоративными яркими и четкими рисунками будут модными рисунки, которые не отвлекают внимания от форм одежды, рисунки, не имеющие четкого контура, с мягкими тональными переходами.

С отделками нужно обращаться особенно осторожно. Их размеры, пропорции, ритм должны гармонировать с общей формой костюма.

А в дополнение к молодежной одежде мы предлагаем комплекты из головных уборов и длинных шарфов, шали, платки, декоративные пояса. Длинный шарф подчеркивает стройность фигуры, придает движению дополнительную динамику. Кисти, помпоны, бахрома, офор-

ПОВСЕДНЕВНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ИЗ МЕЛАНЖИРОВАННОЙ ПРЯЖИ.

мляющие края шарфов и шалей, придают всему ансамблю дополнительную декоративность.

...В своих работах мы пытаемся выразить настроение, дух, которым живут люди. Сейчас мода провозглашает элегантность, женственность и дает возможность выразить свой собственный стиль в одежде.

Наши модели рассчитаны на личность, способную свободно выбирать, решать, творить. И это очень важно. Как-то одного известного писателя спросили, как он относится к моде, а он ответил: «Я признаю одну моду—моду на человеческую личность, на умение оставаться самим собой».